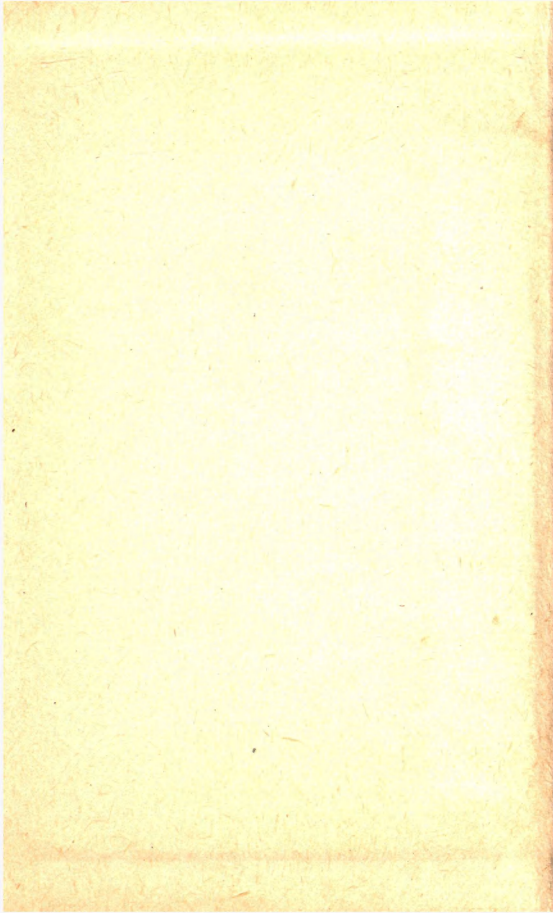
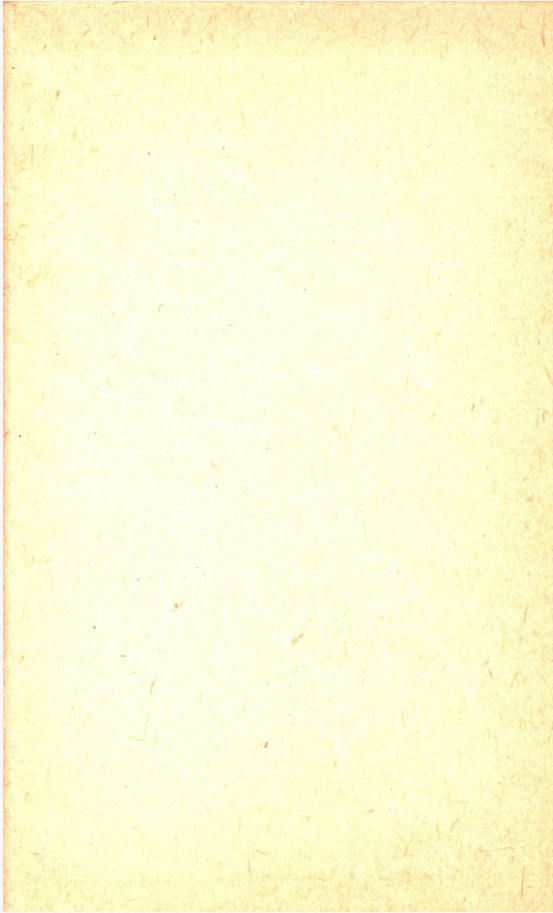
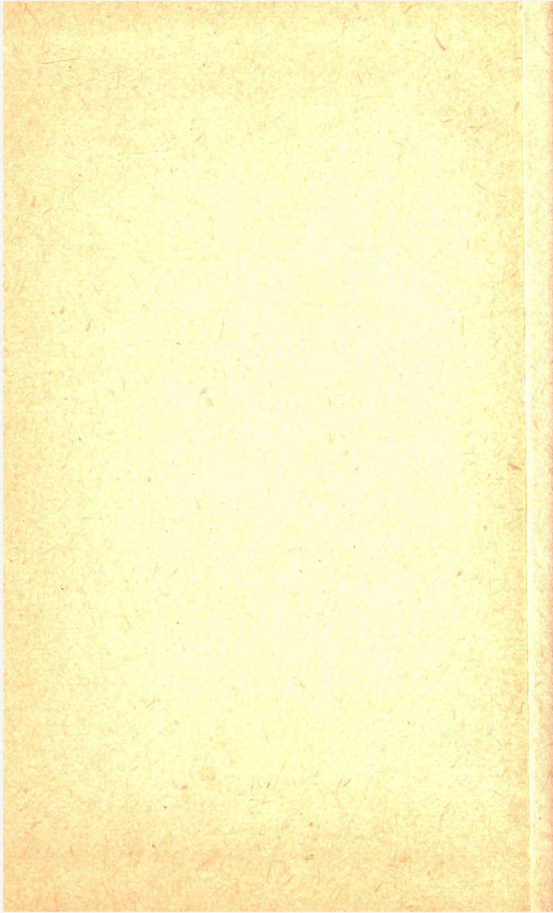

А.Н.ПЛЕЩЕЕВ

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Пермское
книжное
издательство
1985

Р1
П38

Текст печатается по изданию:
А. Н. Плещеев. Стихотворения. —
М.: Художественная литература,
1975.

Оформление
В. Кадочниксва

П 4702010100—58
М152(03)—85 34—85

© Оформление,
Пермское книжное
издательство,
1985.

Алексей Николаевич Плещеев родился в 1825 году в Костроме. Уже в пору юности он имел ясно выраженные литературные интересы и опубликовал первые стихи будучи студентом университета.

Современник Некрасова, Плещеев получил известность как гражданский поэт, тесно связанный с революционно-демократической поэзией прошлого столетия. Он продолжил традиции гражданской лирики поэтов-декабристов, Пушкина, Лермонтова. Активный участник кружка петрашевцев, Плещеев видел назначение поэта в том, чтобы «жизнь в борьбе кровавой, в заботах тяжких» истощить, а его призвание — служить людям. Стихи его звучали как боевой клич, полный энтузиазма, выступали против несправедливости, звали к гражданскому подвигу. Они вдохновляли петрашевцев, когда те шли на эшафот, когда, закованные в кандалы, они отправлялись на ка-

торгу и ссылке. Поэт как бы воплотил в своих стихах реявшие в воздухе идеи эпохи — идеи революционной борьбы.

Широкую известность приобрела пейзажная лирика Плещеева, которая посвящена не «ликующей природе юга», а «суровой красоте» родины, ее «задавленному невзгодой народу». Пейзаж его реалистичен, связан с переживаниями поэта и его героев.

Музыкальность стиха и образность поэтической речи привлекли внимание к произведениям Плещеева русских композиторов. Многие стихотворения его стали романсами и песнями.

Плещеев много переводил, и его переводческая деятельность тесно связана с его оригинальным творчеством, была его продолжением.

Поэзия А. Н. Плещеева развивалась в русле передовых традиций русской литературы, идущих от вольнолюбивой музыки Пушкина и Лермонтова к поэзии Некрасова. Она олицетворяет один из органических этапов русской поэзии второй половины XIX века. Стихи Плещеева, одухотворенные высокими идеалами добра и справедливости, сохранили свое непреходящее значение и в наши дни.

СТИХОТВОРЕНИЯ

НОЧНЫЕ ДУМЫ

1. ДЕЗДЕМОНЕ

(Виардо Гарсии)

1

Когда твой голос серебристый,
О Дездемона, слушал я,
Восторгом пламенным и чистым
Была полна душа моя!

Я говорил: нет, эти звуки
С небесной льются вышины;
Пустой, бесплодной жизни муки
Нам усладить они даны!

Я в это чудное мгновенье
Людей и мир — всё позабыл:
Я весь был слух и восхищенье,
Я жадно каждый звук ловил!

Молилась ты, или рыдала,
Иль тихо пела песнь любви —
Как сердце билось, замирало
При звуках тех в моей груди!

Шекспира светлое созданье
Ты так глубоко поняла
И Дездемоны все страданья
Так верно нам передала!

2

Меж тем как шум рукоплесканья
И кликов залу оглашал,

Лишь я один сидел в молчанье,
Ничем восторг не выражал.

Я не бросал тебе букеты,
Не бросил я тебе венок;
Но стих созрел в душе поэта —
Прими же: вот и мой цветок!

Прими его... Хоть не блистает
Красой он южного цветка,
Но солнце так же оживляет
Листки и роз... и василька!

<1843—1844>

2. БЕЗОТЧЕТНАЯ ГРУСТЬ

Fühlt das Herz ein Sehnen
Und ein süßes Weh.

*Rückert*¹

Ночь весенняя прохладна,
Ароматна и ясна;
В небе чистом тихо светит
Серебристая луна,
И лучом она лобзает
Грудь холодную реки;
За рекою слышны песни
И мелькают огоньки.

Грустно мне! Тоска на сердце
Безотчетная лежит,
По щеке слеза бежит!

¹ Сердце чувствует томленье и сладостную скорбь. *Рюккерт (нем.)*. Иноязычные тексты здесь и далее переведены редакцией.

Вот луну сокрыли тучи —
Огоньков уж не видать...
Стихли песни... Скоро ль, сердце.
Перестанешь ты страдать!

<1844>

3. ДАЧИ

Люблю я вас, дачки! Идешь себе ночью,
А окна, балконы отворены все;
И звук фортепьяно оттуда несется,
И льются напевы в ночной тишине.
А вот у окна вдруг явилась головка;
Вот черные очи, как звезды, блестят,
На плечах лилейных шелковые кудри,
Атласные щечки румянцем горят!
И смотришь — а ночь так свежа и ясна,
И розами пахнет, и светит луна!

<1844>

СТАРИК ЗА ФОРТЕПЬЯНО

Что пройдет, то будет мило.

Пушкин

Воспоминание есть единственный рай, из которого нас нельзя выгнать; даже праотцы наши не были его лишены.

Жан-Поль

Fille de la douleur harmonie,
Langue que pour l'amour
inventa le génie!

Alfred de Musset („Lucie“)

Гармонической волною
Льются звуки в душу мне:
Говорят они с душою
О былом, о старине.

Помню: мы за фортельяно
С ней сидели вечерком;
Помню ночку у фонтана,
Поцелуй в саду густом...

Помню грустное прощанье
В час разлуки роковой;
Помню клятвы, обещанья,
Взор, увлажненный слезой.

Всё теперь как не бывало:
Вот уж замужем она —
И любви не испытала
Так давно душа моя.

¹ Дочь страдания, гармония, гармония!
Язык, который изобретен гением любви!
Альфред Мюссе («Люсси») (франц.).

Я — старик; воспоминанья
Мне остались одни:
В дни печали, в дни страданья
Утешенье мне они.

И под звуки фортепьяно
Как забудусь я порой,
Ночь, свиданье у фонтана —
Живо все передо мной.

Гармонической волною
Льются звуки в душу мне;
Говорят они с душою
О былом, о старине!

<1844>

ЧЕЛНОК

(П<етру> В<ладимировичу>
В<еревкин>у)

Leg'an mein Herz dein
Köpfchen, and fürchte dich
nicht zu sehr...¹

H. Heine

Сядем в челнок мы, малютка,
Сядем и вдаль поплывем;
Видишь, высокие скалы...
Ночь мы всю там проведем...

Там, от народа подальше,
Можем свободно вздохнуть;
Тихо кудрявой головкой
Ты мне приникнешь на грудь...

Стану я ей любоваться,
Глазки твои целовать...
Так ли? А месяц и звезды
Будут над нами сняты!

<1844>

¹ Положи твою головку на мое сердце
и не слишком бойся. Г. Гейне (нем.).

МОГИЛА

Листья шумели уныло
Ночью осенней сырой;
Гроб опускали в могилу,
Гроб, озаренный луной.

Тихо, без плача, зарыли
И удалились все прочь,
Только луна на могилу
Грустно смотрела всю ночь.

<1844>

* * *

<М. П. Я — я>

Люблю стремиться я мечтою
В ту благодатную страну,
Где мирт, поникнув головою,
Лобзает светлую волну;

Где кипарисы величаво
К лазури неба вознеслись,
Где сладкозвучные октавы
Из уст Торкватовых лились;

Где Дант, угрюмый и суровый,
Из ада тень вызывал;
К стопам Лауры свой лавровый
Венец Петрарка повергал;

Где Рафаэль, благоговей,
Изображал Мадонны лик;
Из массы мрамора Психею
Кановы мощный перст воздвиг;

Где в час, когда луны сияньем
Залив широкий осребрен
И ароматное дыханье
Льют всюду роза и лимон, —

Скользит таинственно гондола
По влаге зыбкой и немой,
И замирает баркарола,
Как поцелуй, в тиши ночной!..

Где жили вы... Где расцветали
Роскошно-гордою красой!
О, расскажите ж, как мечтали
Вы в стороне волшебной той!

Я вас заслушаюсь... И в очи
Вам устремлю я тихий взгляд —
И небо дивной, южной ночи
Они поэту заменят!..

<1844>

NOTTURNO ¹

Ночь тиха... Едва колышет
Ветер темные листы.
Грудь моя томленьем дышит,
И тоской полны мечты...

Звуки дивные несутся,
Слышу я, в тиши ночной:
То замрут, то вновь польются
Гармонической волной.

Вот вдали между кустами
Свет в окне ее мелькнул...
Как бы жаркими устами
Я к устам ее прильнул!

Ночь бы целую в забвенье
Всё лобзал ее, лобзал...
И слезами упоенья
Грудь младую б обливал...

Но один я... Грустно, скучно!
Огонек в окне погас...
Глухо колокол докучный
Прогудел полночный час...

<1844>

¹ Ноктюрн (итал.).

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Ангел светлый, ангел милый!
Ты покинуть хочешь нас —
И летит к тебе унылый
Мой напев в последний раз.

Хочет сердце разорваться;
Взор туманится слезой.
Я молю: налюбоваться
Дай в последний раз тобой!

О, явился мне, как прежде,
У заветного окна,
И отрадна, как надежда,
И прекрасна, как весна!

Позабыв и расставанье,
И тоску грядущих дней,
Погружусь я в созерцанье
Неземной красоты твоей.

Налюбуюсь тишиною
Голубых твоих очей,
Золотых кудрей волною,
Бледным мрамором плечей.

Все напрасно. Ангел милый!
Знать, меня не слышишь ты.
Лишь качаются уныло
На окне твоим цветы...

<1844>

* * *

После грома, после бури,
После тяжких, мрачных дней
Прояснился свод лазури,
Сердцу стало веселей.

Но надолго ль?.. Вот над морем
Тучки новые бегут...
Солнце с тучей, радость с горем
Неразлучно, зная, живут!

<1844>

ДУМА

Как дети иль рабы, преданию послушны,
Как часто в жизни мы бываем
равнодушны
К тому, что сердце нам должно бы
разрывать,
Что слезы из очей должно бы исторгать.
Мы плакать не хотим,
мы не хотим терзаться
И предрассудкам казнь
в сомнениях искать;
Не лучше ль слепо им во всем
повиноваться,
А в бедствиях судьбу спокойно обвинять!
И, мимо жертв идя шумящею толпою,
Вздыхать и говорить: так велено судьбою!
Когда же совесть вдруг, проснувшись,
скажет нам:
«Виновник бед своих — ты, жалкий
смертный, сам...
Ты глух, как истукан, на глас мой
оставался
И, призрака создав, ему повиновался!» —
Вопль сердца заглушить
мы поспешим скорей,
Чтобы не отравить покоя наших дней!
Когда ж среди толпы является порою
Пророк с могучею, великою душою,
С глаголом истины священной на устах, —
Увы, отвержен он! Толпа в его словах
Учения любви и правды не находит...
Ей кажется стыдом речам его внимать,
И, вдохновенный, он когда начнет
вещать, —
С насмешкой каждый прочь,
махнув рукой, отходит.
.

<1844>

НА ПАМЯТЬ

Когда назло моим желаньям
Нас воля рока разлучит,
Пускай мой стих воспоминанье
В вас о минувшем пробудит;

Напомнит вам о том, кто счастье
Лишь с вами в жизни находил,
Кто вам за дружбу и участие
Любовью искренней платил;

Кто никогда перед толпою
Вам льстивых слов не расточал,
Но, вдохновенный красотою,
Вам тайно стих свой посвящал...

Напомнит все — и, на досуге
Прочтя заветный ваш альбом,
Вы пожалеете о друге,
Вздохнете, может быть, о нем.

Так нам порой напоминает
Цветок засохший о весне,
Звук песни грустной исторгает
Из глаз слезу о старине.

1844

НА ЗОВ ДРУЗЕЙ

К чему ваш зов, друзья?
Тревною тоскою
Веселый, шумный пир к чему мне
отравлять?
В восторженных стихах,
за влагой золотою,
Давно уж Вакха я не в силах
прославлять!

Не веселит меня разгульное похмелье,
И не кипит во мне отвагой прежней кровь;
Исчезло дней былых безумное веселье,
Иссякла дней былых безумная любовь!

А кажется, давно ль, исполнен упованья,
В грядущее я взор доверчиво вперял,
И чужды были мне сомненья и страданья,
И, простодушный, я о счастье помышлял.

В ужасной наготе еще не представляли
Мне бедствия тогда страны моей родной,
И муки братьев дух еще не волновали;
Но ныне он прозрел, и чужд ему покой!

Вхожу ли я порой в палаты золотые,
Где в наслажденьях жизнь проводит
Гляжу ль я на дворцы, сибарит,
на храмы вековые, —
Всё мне о вековых страданиях говорит.

Сижу ли окружен шумящею толпою
На пиршестве большом, — мне слышен
звук цепей;
И предстает вдали, как призрак,
предо мною
Распятый на кресте божественный
плебей!...

И стыдно, стыдно мне..

От места ликования,
Взволнован, я бегу под мой смиренный кров;
Но там гнетет меня ничтожества сознание,
И душу всю тогда я выплакать готов!

Счастлив, кто прожил век
без тягостных сомнений,
Кто взоры устремлял с надеждой к небесам;
Но я о счастье том не знаю сожалений
И за него моих страданий не отдам!

О, не зовите ж вы меня — я умоляю, —
Веселые друзья, на шумный праздник ваш:
Уж бога гроздий я давно не прославляю,
И не забыться мне под гозор звонких чаш!..

<1845>

NOTTURNO

Я слышу, знакомые звуки
Несутся в ночной тишине —
Былые заснувшие муки
Они пробудили во мне.

Я слышу знакомые звуки,
Я жадно им прежде внимал
И молча на белые руки,
На светлые очи взирал.

Я слышу знакомые звуки.
И сердце стеснилось мое:
Я помню, в минуту разлуки,
Рыдая, я слушал ее.

Я слышу знакомые звуки
И вижу, опять предо мной
По клавишам белые руки
Скользят, серебримы луной...

<1845>

СОСЕД

Скучно, грустно мне; в окошко
Небо серое глядит;
За стеной соседа песня
Вечно грустная звучит.

Кто сосед мой одинокий
И о чем тоскует он?
Иль судьбою прихотливой
Он с подругой разлучен?

Об отчизне ли далекой,
Об отваге ль прошлых дней
Вспоминает он, унылый,
В тесной комнатке своей?

Утомил его, быть может,
Жизни долгий, скучный путь
И, как я, скорей хотел бы
Странник бедный отдохнуть?

Кто б ты ни был, эти звуки
В душу мне отраду льют.
Пой, сосед!.. Но, видно, слезы
Кончить песню не дают.

Вот затих он; и, как прежде,
Все вокруг меня молчит,
И в окно мое печально
Небо серое глядит.

<1845>

СТРАННИК

Oh! quand viendra-t-il donc
ce jour que je revais,
Tardif réparateur de tant de
jours mauvais?
Jamais, dit la raison...

*H. Moreau*¹

Всё тихо... Тополи над спящими водами,
Как призраки, стоят, луной озарены;
Усеян свод небес дрожащими звездами,
В глубокий сон поля и лес погружены;

Воздушные струи полны ночной прохладой,
Повеял мне в лицо душистый ветерок...
Уж берег виден стал... и душит грудь
отрадой, —
Быстрее же мчи меня, о легкий
мой челнок.

Я вижу, огонек мелькнул между кустами
И яркой полосой ложится на реке;
Скитальца ль ждешь к себе,
с томленьем и слезами,
Ты, добрый друг, в своем уютном уголке?
С молитвою ль стоишь пред чистою
Мадонной
И слышен шепот твой в полночной тишине;
Иль, может, рвешь листки
ты розы благовонной,
Как Гретхен Фауста, гадая обо мне.

Услышав плеск волны, с улыбкой молодою
Ты другу выйдешь ли навстречу
в темный грот,

¹ Ах, когда же он придет, этот день,
о котором я мечтал, запоздалое возмездие
за столько мрачных дней? Никогда, гово-
рит рассудок... Э. Моро (франц.).

Где, к моему плечу прикинув головою,
Ты говорила мне, бывало: «День придет,

И близок он, когда ни горя, ни страданий
Не будет на земле!» —

Нет, он далек, дитя;
И если б знала ты, как много упований,
Прекрасных и святых, с тех пор
утратил я!

Ты помнишь ли, как мы с тобою
расставались,

Как был я духом бодр,
как полон юных сил!

Но вот разлуки дни, как грезы,
миновались;

Отчизну и тебя я снова посетил!

И что ж? Утомлена бесплодною борьбою
Уже душа моя. Потух огонь в глазах;
И впала грудь моя, истерзана тоскою,
И не пылает кровь румянцем на щеках.

Я слышал ближних вопль,
я видел их мученья,

Я предрассудка власть повсюду находил;
И страшно стало мне!

И мрачный дух сомненья,
Ужасный дух, меня впервые посетил!

Бессилие мое гнетет меня всечасно;
Уж холод в сердце мне, я чувствую,
проник;

И я спешу к тебе, спешу,
мой друг прекрасный,
В объятиях твоих забыться хоть на миг!

Сгустилась ночи тьма над спящими
водами,

Повеял мне в лицо душистый ветерок.
Усыпан свод небес дрожащими звездами,
Быстрей же к берегам неси меня, челнок!

<1845>

ЕЕ МНЕ ЖАЛЬ

(Графу Д. А. Толстому)

Дай руку мне... Я понимаю
Твою зловещую печаль
И, полон тайных мук, внимаю
Твоим словам: «ее мне жаль».

Как иногда в реке широкой
Грозой оторванный листок
Несется бледный, одинокой,
Куда влечет его поток, —

Так и она, веленью рока
Всегда покорная, пойдет
Без слез, без жалоб и упрека,
Куда ее он поведет.

В ее груди таится ныне
Любви так много... Боже мой,
Не дай растратить ей в пустыне
Огня, зажженного тобой!

Но этот взор, спокойный, ясный,
Да будет вечно им согрет,
И пусть на зов души прекрасной
Душа другая даст ответ.

Да, верь мне, друг, я понимаю
Твою зловещую печаль
И, полон грусти, повторяю
С тобою сам: «ее мне жаль».

<1845>

Снова я, раздумья полный,
В книгу прошлого гляжу,
Но страниц, отрадных сердцу,
В ней не много нахожу!

Здесь напрасные стремленья —
Там напрасная любовь,
И сильнее год от году
Холодеет в сердце кровь.

А порой и мне казалось,
Счастье было найдено;
То же горе! Только счастьем
Притворялося оно!

С каждым днем дорога жизни
Все становится скучней...
И, послушный воле рока,
Вяло я бреду по ней!

Без надежды, без желанья,
Как волна катится вдаль...
Впереди не вижу цели,
И бывшего мне не жаль!

<1845>

ПЕСНЯ

«Доброй ночи!» — ты сказала,
Подавая руку мне,
И желала много счастья,
Много радостей во сне.

«Пусть до самого рассвета
Снятся милые черты!» —
Улыбаяся лукаво,
Говорила другу ты!

И сбылись твои желанья,
И тебя увидел я!
Всё твои мне снились взоры,
Взоры, полные огня!

Снилось — в комнатке уютной
Мы сидим с тобой вдвоем;
На полу чертит узоры
Месяц палевым лучом.

Ты меня рукой лилейной
Привлекла на грудь свою,
Нежно в очи целовала
И шептала мне: «Люблю!»

И еще так много снилось...
Что за дивный, сладкий сон!
Пожелай, чтобы со мною
Наяву случился он!..

<1845>

ПЕСНЯ

Выйдем на берег; там волны
Ноги нам будут лобзать;
Звезды с таинственной грустью
Будут над нами сиять.

Там ветерок ароматный
Кудри твои разовьет;
Выйдем... Уныло качаясь,
Тополь к себе нас зовет.

В долгом и сладком забвенье,
Шуму внимая ветвей,
Мы отдохнем от печали,
Мы позабудем людей.

Много они нас терзали,
Мучили много, друг мой:
Те — своей глупой любовью,
Те — бесконечной враждой.

Всё мы забудем, как месяц
В темной лазури блеснет,
Всё — как природе и богу
Гимн соловей запое!

<1845>

ЛЮБОВЬ ПЕВЦА

На грудь ко мне челом прекрасным,
Молю, склонись, друг верный мой!
Мы хоть на миг в лобзанье страстном
Найдем забвенье и покой!
А там дай руку — и с тобою
Мы гордо крест наш понесем
И к небесам в борьбе с судьбою
Мольбы о счастье не пошлем...
Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил, —
Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл!

Страдать за всех, страдать безмерно,
Лишь в муках счастье находить,
Жрецов Ваала лицемерных
Глаголом истины разить,
Провозглашать любви ученье
Повсюду — нищим, богачам —
Удел поэта... Я волнений
За блага мира не отдам.
А ты! В груди твоей мученья
Таятся также, знаю я,
И ждет не чаша наслажденья, —
Фиал отравленный тебя!
Для страсти знойной и глубокой
Ты рождена — и с давних пор
Толпы бессмысленной, жестокой
Тебе не страшен приговор.
И с давних пор, без сожаленья
О глупом счастье дней былых,
Страдаешь ты, одним прощеньем
Платя врагам за злобу их!
О, дай же руку — и с тобою
Мы гордо крест наш понесем,
И к небесам в борьбе с судьбою
Мольбы о счастье не пошлем!..

Но, удручен тяжелою тоскою,
Остался, будто тень, и мрачен и без слов.

Я помню бал, горели ярко свечи...
За пестрою толпой следил я в стороне.
Но не искал мой взор отрадной встречи, —
Я никого не ждал, и скучно было мне.
Вдруг Ланнера слышались мне звуки —
Унылый вальс! Знаком он сердцу

с давних дней,

И вспомнил я любви тревожной муки,
Я вспомнил блеск давно угаснувших очей!
Да! как листок весною пожелтелый,
На утре дней и ты увяла, ангел мой;
И видел я, как ты в одежде белой,
В венке из белых роз лежала

под парчой...

Я вспомнил всё... А музыка гремела,
И пестрая толпа кружилась предо мной!

Когда я в зале многолюдном,
 Тревогой тайною томим,
 Внимаю Штрауса звукам чудным,
 То полным грусти, то живым;
 Когда пестреет предо мною
 Толпа при свете ярких свеч;
 И вот, улыбкой молодою
 И белизной прозрачных плеч
 Блистая, ты ко мне подходишь,
 В меня вперяя долгий взор,
 И разговор со мной заводишь,
 Летучий, бальный разговор...
 О, отчего так грустно, больно
 Мне станет вдруг?.. Тебе едва
 Я отвечаю, и невольно
 На грудь клонится голова.
 И все мне кажется, судьбою
 На муки ты обречена,
 Что будет тяжкою борьбою
 И эта грудь изнурена;
 Что взор горит огнем страданья,
 Слезу напрасно затая;
 Что безотрадное рыданье
 За смехом звонким слышу я!
 И жаль мне, жаль тебя — и слезы
 Готовы кануть из очей...
 Но это всё больные грезы
 Души расстроенной моей!
 Прости мне, друг; не зная скуки,
 Забыв пророческую речь,
 Кружись, порхай под эти звуки
 При ярком свете бальных свеч!

1845

ГИДАЛЬГО

Полночь. Улицы Мадрида
И безлюдны и темны.
Не звучат шаги о плиты,
И балконы не облиты
Светом палевым луны.

Ароматом ветер дышит,
Зелень темную ветвей
Он едва-едва колышет...
И никто нас не услышит,
О сестра души моей!

Завернись в свой плащ атласный
И в аллею выходи.
Муж заснул... Боязнь напрасна.
Отдохнешь ты безопасно
У гидальго на груди.

Иль как червь до утра гложет
Ревность сердце старика?..
Если сны его встревожат,
Шпага острая поможет, —
Не дрожит моя рука!

Поклялся твоей красою
Мстить я мужу твоему...
Не владеть ему тобою!
Знаю я: ты злой семьею
Продана была ему!

Выходи же на свиданье,
Донья чудная моя!
Ночь полна благоуханья,
И давно твои лобзанья
Жду под сенью миртов я!

1845

ЭЛЕГИЯ

(На мотив одного французского поэта)

Да, я люблю тебя, прелестное создание,
Как бледную звезду в вечерних облаках,
Как розы аромат, как ветерка дыханье,
Как грустной песни звук на дремлющих
водах;

Как грезы я люблю, как сладкое забвенье
Под шепот тростника на берегу
морском, —
Без ревности, без слез, без жажды
упоенья;
Любовь моя к тебе — мечтанье о былом...

Гляжу ль я на тебя, прошедшие волненья
Приходят мне на ум, забытая любовь
И всё, что так давно осмеяно сомненьем,
Что им заменено, что не вернется вновь.

Мне не дано в удел беспечно
наслаждаться:
Передо мной лежит далекий,
скорбный путь;
И я спешу, дитя, тобой налюбоваться,
Хотя на миг душой от скорби отдохнуть.

<1846>

СОН

(Отрывок из неоконченной поэмы)

La terre est triste et
desséchée; mais elle rever-
dira. L'haleine du méchant
ne passera pas éternellent
sur elle comme un souffle
qui brûle.

„Paroles d'un croyant.”¹

.
Истерзанный тоской, усталостью томим,
Я отдохнуть прилег под явором густым.

Двурогая луна, как серп жнеца кривой,
В лазурной вышине сияла надо мной.

Молчало всё кругом... Прозрачна и ясна,
Лишь о скалу порой дробилась волна.

В раздумье слушал я унылый моря гул,
Но скоро сон глаза усталые сомкнул.

И вдруг явилась мне, прекрасна и светла,
Богиня, что меня пророком избрала.

Чело зеленый мирт венчал листьями ей,
И падал по плечам златистый шелк
кудрей.

Огнем любви святой был взор ее согрет,
И разливал на всё он теплоту и свет.

¹ Земля печальна и иссушена зноем;
но она зазеленеет вновь. Дыханьем зла не
вечно будет веять над нею палящим дуно-
веньем. «Слова верующего» (франц.).

Благоговенья полн, лежал недвижим я
И ждал священных слов, дыханье притая.

Но вот она ко мне склонилась и рукой
Коснулась слегка груди моей больной.

И наконец уста разверзлись ее,
И вот что услышал тогда я от нее:

«Страданием и тоской твоя томится грудь,
А пред тобой лежит еще далекий путь.

Скажу ль я, что тебя в твоей отчизне
Подымет на тебя каменя твой народ ^{ждет?}

За то, что обвинишь могучим словом ты
Рабов греха, рабов постыдной суеты!

За то, что возвестишь ты мщенья ^{грозный час}
Тому, кто в тине зла и праздности погряз!

Чье сердце не смущал гонимых братьев ^{стон,}
Кому законом был отцов его закон!

Но не страшися их! И знай, ^{что я с тобой,}
И камни пролетят над гордой головой.

В цепях ли будешь ты, не унывай и верь,
Я отопру сама темницы мрачной дверь.

И снова ты пойдешь, избранный мой ^{левит,}
И в мире голос твой не даром прозвучит.

Зерно любви в сердца глубоко западет;
Придет пора, и даст оно роскошный плод.

И человеку той поры недолго ждать,
Недолго будет он томиться и страдать.

Воскреснет к жизни мир...

Смотри, уж правды луч
Прозревшим пламенем сверкает из-за туч!

Иди же, веры полн... И на груди моей
Ты скоро отдохнешь от муки и скорбей!»

Сказала... И потом сокрылася она,
И пробудился я, взволнованный, от сна.

И Истине святой, исполнен новых сил,
Я дал обет служить, как прежде
ей служил.

Мой падший дух восстал...

И утесненным вновь
Я возвещать пошел свободу и любовь...

<1846>

ПОЭТУ

Le poète doit être un
protestant sublime
Du droit et de l'humanité.

*A. Barbier*¹

Кто не страдал святым страданием,
Кто горьких слез не проливал,
Томимый тщетным ожиданием
Увидеть вечный идеал;
Кто на покой и наслажденья
Души тревоги променял;
В пророков истины каменья
В угодность черни кто бросал;
Кто равнодушно видел муки,
Стон слышал брата своего,
И в ком цепей тяжелых звуки
Не пробуждали ничего;
Кто сам, преданья раб послушный,
Готов оковы был носить
И вопли сердца малодушно
В забавах света заглушить, —
Тот не поймет твоих созданий,
Любовью дышащих святой,
И в жизнь иную упований
Не разделить ему с тобой!
И много их в толпе найдется,
Злых, фарисеев и глупцов,
Живущих мыслями отцов,
В ком речь твоя не отзовется;
Но ты иди прямой дорогой,
Привычной, смелою стопой;
Когда в душе сокровищ много,
Не расточай их пред толпой;
Но будь гонимых утешитель,

¹ Поэт должен быть возвышенным мятежником во имя права и человечности.
О. Барбье (франц.).

Врагам озлобленным прости
И верь, что встретишь, как Спаситель,
Учеников ты на пути.

Но будет время... пронесутся
Дни бедствий, горя и тревог;
Жрецы Ваала ужаснутся,
Когда восстанет правды бог!
Навеки в мире водворятся
Священной истины закон,
И гордых власть пред ним смирится,
И смолкнет ненависть племен.

Да, верь: любви и примиренья
Пора желанная придет,
И мир, прозрев, твое ученье
Тогда великим назовет.

<1846>

ПРОСТИ

Прости, прости, настало время!
Расстаться должно нам с тобой;
Белеет парус мой, и звезды
Зажглися в тверди голубой.

О, дай усталой головою
Еще на грудь твою прилечь,
В последний раз облить слезами
И шелк волос, и мрамор плеч!

А там расстанемся надолго...
Когда же мы сойдемся вновь,
Дитя! в сердцах, быть может, холод
Заменит прежнюю любовь!

Быть может, дерзко всё бывшее
Тогда мы вместе осмеем,
Хотя украдкой друг от друга
Слезу невольную прольем...

Прости же, друг! Полна печали
Душа моя... Но час настал,
И в путь нетерпеливым плеском
Зовет меня сребристый вал...

<1846>

ПЕВИЦЕ

(Виардо Гарсии)

Fille de la
douleur, harmonie, harmo-
nie, —
Langue que pour l'amour
inventa le génie.
Qui nous vint d'Italie, et qui
lui vint des cieux.

*Alfred de Musset*¹

Нет! Не забыть мне вас, пленительные
звуки,
Как первых сладких слез любви мне
не забыть!
Когда внимал я вам, в груди смирялись
муки,
И снова был готов я верить и любить!
Мне не забыть ее... То жрицей
вдохновенной,
Широколиственным покрытая венком,
Она являлась мне... и пела гимн
священный,
А взор ее горел божественным огнем...
То бледный образ в ней я видел
Десдемоны.
Когда она, склонясь над арфой золотой,
Об иве пела песнь... и прерывали стоны
Унылый перелив старинной песни той.
Как глубоко она постигла, изучила
Того, кто знал людей и тайны их сердец;
И если бы восстал великий из могилы,

¹ Дочь страдания — гармония, гармония! Язык, который гением изобретен для любви, дар, который мы получили от Италии, а она — от неба. *Альфред Мюссе (франц.)*.

Он на чело ее надел бы свой венец.
Порой являлась мне Розина молодая
И страстная, как ночь страны ее родной...
И, голосу ее волшебному внимая,
В тот благодатный край стремился я
душой,
Где всё чарует слух, всё восхищает взоры.
Где вечной синевой блистает неба свод,
Где свищут соловьи на ветвях сикоморы
И кипариса тень дрожит на глади вод!
И грудь моя, полна святого наслажденья,
Восторга чистого, вздымалась высоко,
И отлетали прочь тревожные сомненья,
И было на душе спокойно и легко.
Как друга, после дней томительной
разлуки,
Готов я был весь мир в объятья
заклечь...
О, не забыть мне вас. пленительные
звуки,
Как первых сладких слез любви мне
не забыть!

Страдал он в жизни много, много,
Но сожаленья не просил
У ближних, так же как у бога,
И гордо зло переносил.

А было время — и сомненья
Свои другим он поверял,
Но тщетно... бедный не слышал:
От брата слова утешенья!

Ему сказали: «Молод ты,
Остынет жар в крови — летами,
Исчезнут пылки мечты...
Так точно было прежде с нами!»

Но простодушно верил он,
Что не напрасны те стремленья,
И прозревал он в отдаленье
Священной истины закон.

Ему твердили с укоризной,
Что не любил он край родной;
Он мир считал своей отчиной
И человечество — семьей!

И ту семью любил он страстно
И для ее грядущих благ
Истратить был готов всечасно
Избыток юных сил в трудах.

Но он любимым упованьям
Пределы всюду находил
В стране рабов слепых преданья,
И жажды дел не утолил!

И умер он в борьбе бесплодной.
Никто его не разгадал;
Никто порывов не узнал
Души любящей, благосредной...

Считали все его пустым,
И только юность пожалели;
Когда ж холодный труп отпели,
Рыданья не было над ним.

Над свежей юноши могилой
Теперь березы лишь шумят
Да утром пасмурным звучат
Напевы иволги унылой...

<1846>

Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед.
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.

Жрецов греха и лжи мы будем
Глаголом истины карать,
И спящих мы от сна разбудим,
И поведем на битву рать!

Не сотворим себе кумира
Ни на земле, ни в небесах;
За все дары и блага мира
Мы не падем пред ним во прах!..

Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам
И за него снесем гоненье,
Простив безумным палачам!

Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил;
Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл!

Пусть нам звездою путеводной
Святая истина горит;
И верьте, голос благородный
Недаром в мире прозвучит!

Внемлите ж, братья, слову брата,
Пока мы полны юных сил:
Вперед, вперед, и без возврата,
Что б рок вдали нам ни сулил!

<1846>

НАПЕВ

О, отчего полна томленья
И странных грез душа моя,
Когда в тиши уединенья
Напев знакомый слышу я?

Не будят в сердце эти звуки
Печали, смолкнувшей давно,
Ни мук любви, ни слез разлуки
Им воскресить не суждено.

Но я люблю твой глас призывный,
Напев далекой стороны,
Как ропот моря заунывный
В часы вечерней тишины...

<1846>

ОТВЕТ

Мы близки друг другу... Я знаю,
Но чужды по духу... Любви
Давно я к тебе не питаю,
И холодны речи мои...

Не в силах я лгать пред тобою,
А правда страшна для тебя...
К чему же бесплодной борьбою
Всечасно терзать нам себя?

В кумирах мне бога не видеть,
Пред ними чела не склонить!
Мне все суждено ненавидеть,
Что рабски привыкла ты чтить!

«Кто истине, верный призванью,
Себя безвозвратно обрек,
И дом и семью без роптанья
Оставит», — сказал нам пророк...

О, верь мне, напрасны упреки:
Расстаться нам должно с тобой...
Любви мы друг к другу далеки,
Друг друга мы чужды душой!..

<1846>

Случайно мы сошлись с вами
И вот расстанемся опять.
Вы под чужими небесами
Красою будете пленять
То итальянцев смуглолицых,
То жизни полных парижан,
Холодной северной столицы
Забыв и скуку и туман!
Как не забыть,

когда пред вами,
Блестя лазурными волнами,
Залив широкий зашумит
И кипарис вас осенит
Своими темными ветвями...
В сиянье лунном Колизей,
Свидетель Рима славных дней,
Предстанет гордый, величавый...
Польются Тассовы октавы,
Засвищет южный соловей...
Иль под окном вам серенаду
Влюбленный юноша споет, —
Всё незнакомую отраду,
Блаженство в душу вам прольет!
И заживете вы привольно
Вдали от русской стороны!
А я?.. Досадно мне и больно!
И жаль мне, жаль вас,

как весны...
Да! как весна, вы согревали,
Живили сердце мне порой...
Сомненья прочь вы отгоняли,
Вы путеводною звездой
В пустыне жизни мне сияли...
И был я счастлив... Пустота
Меня, как прежде, не томила,
И прихотливая мечта
В грядущем что-то мне сулила...

Но знают все, и с давних пор,
 Что у судьбы обыкновенье —
 Заветным нашим помышленьям
 Идти всегда наперекор:
 И вот уж близкий час разлуки
 Вы мне пророчите, и вас
 Молю я: дайте ваши руки
 К губам прижать * последний раз!
 Еще на миг до расставанья
 У ваших ног забудусь я,
 А там от муки и рыданья
 Пусть разорвется грудь моя!

Но всё не верю я... Скажите,
 Ужель расстаться должно нам?
 А если должно — обманите:
 Поверю вашим я словам.
 И оживу я, обольщенный
 Надеждой ложной... Так порой,
 Путем далеким утомленный,
 В степи широкой и пустой,
 С ее зыбучими песками,
 Находит пальму пилигрим,
 И под тенистыми ветвями
 Ложится он, и перед ним
 Встают знакомые картины:
 Он видит пестрые равнины,
 Он видит горы и леса,
 Луга, покрытые стадами,
 И, отраженные водами,
 Его родные небеса!
 Он весел, счастлив, сердце бьется,
 Струятся слезы по щекам;
 Но гром в пустыне раздается...
 Очнулся путник... и глазам
 Предстала та же степь немая
 И тот же ровный длинный путь,

И смотрит он кругом, вздыхая...
Тоска ему сжимает грудь;
А пальма стройная листьями,
Над ним качаяся, шумит,
И он дрожащими устами
Ее за сон благодарит...

ЗВУКИ

Не умолкай, не умолкай!
Отрадны сердцу эти звуки;
Хоть на единый миг пускай
В груди больной задремлют муки.

Волненья прошлых, давних дней
Мне песнь твоя напоминает;
И льются слезы из очей,
И сладко сердце замирает...

И мнится мне, что слышу я
Знакомый голос, сердцу милый;
Бывало, он влечет меня
К себе какой-то чудной силой;

И будто снова предо мной
Спокойный, тихий взор сияет
И душу сладостной тоской,
Тоской блаженства наполняет...

Так пой же! Легче дышит грудь,
И стихли в ней сомненья муки...
О, если б мог когда-нибудь
Я умереть под эти звуки!

1846

1

«К чему мечтать о том, что *после* будет
с нами.
О том, чего уму постигнуть не дано...
Хоть часто тернии здесь смешаны
с цветами,
Но все ж земную жизнь бесславить вам
грешно.
Отрадного и в ней, поверьте, много,
много...
Смотрите: гром затих, и ясен свод небес...
И тучи прочь бегут лазурною дорогой,
И шепчет им вослед привет прощальный
лес.
Смотрите, как луга вокруг благоухают,
Упитана дождем зеленая трава,
И легкий ветерок с волной реки играет,
И рожь златистая колышется едва...
Прекрасен этот мир! Возможно
наслаждение!
К чему ж о гробе нам всечасно говорить...
Здесь ласки жен и дев и страсти упоенья,
Здесь сердце может всё, что хочет,
полюбить!»

2

Да! Этот мир хорош; но право
наслаждаться
Даровано ли всем могучею судьбой?..
Здесь узники вдали от родины томятся,
Там в рубище бедняк с протянутой рукой.
Тот солнечных лучей напрасно ищет
взором, —
Не заглянут они в окно тюрьмы его...
Другой на небеса глядит с немым
укором, —

От зноя отдохнуть нет крова у него!
Не для него красы улыбка молодая,
Его трудов другим всегда назначен плод.
Под тяжким бременем нужды изнемогая,
Прекрасным этот мир бедняк не назовет!..
Но пред лицом творца равны его
создания —
И *там* найдет бедняк за муки воздаянья!

3

Да, верю, верю я, что все пред ним
равны...
Но люди не для мук — для счастья
рождены!
И сами создали себе они мученья,
Забыв, что на кресте пророк им завещал
Свободы, равенства и братства идеал
И за него велел переносить гоненья.

<1846>

ВСТРЕЧА

(А. П. Я — вой)

Я встретил вас, и пробудилось
Воспоминанье прошлых дней
В душе безрадостной моей.
И сердце сильно так забилося,
И вновь огнем зажегся взор.
О! верьте, верьте мне — с тех пор,
Как разлучился с вами я,
Тянулась глупо жизнь моя,
Однообразна, без волнений;
Мой ровный путь меня томил,
Искал я всюду наслаждений
И всюду скуку находил.
Но вот явились вы — и снова
Любить и веровать готова
Душа воскресшая моя!

Но странно вам, как взор суровый,
Как гордый ваш полупоклон,
Как будто ласковое слово,
Отрадны мне... я вам смешон?
О нет! признайтесь: вид надменный
Врагу прощение таил!
Я все прочел, когда, смиренный,
Вам в очи взоры устремил!

Гнев не пристал — все скажут это —
Прекрасным ангела чертам,
Как лавры нынешним поэтам,
Как желтый лист к березе летом,
Как туча южным небесам!
Подайте ж руку примиренья,
Сам бог велел прощать врагам,
А вы с таким благоговеньем,
Так часто ходите во храм!
Иль приговора вы страшитесь
Вас окружающих людей;
Иль разорвать вы не решитесь

Приличья светского депей?
Носите их! пока сомненье
Не взволновало вашу грудь!
Минует время ослепленья,
Захочет сердце отдохнуть,
Тогда, с невольною тоскою
На дни былые бросив взгляд,
Вы друга вспомните порою...
Или врага — я виноват!

<1846>

По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупление верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

Когда ж пробьет желанный час
И встанут спящие народы —
Святое воинство свободы
В своих рядах увидит нас.

Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется,
И, верно, отзыв в нем найдется
На неподкупный голос мой.

<1846>

Когда увижу я нежданно погребенье
И мыслю, что собрат, земной покинув пир,
От жизненных трудов найдя успокоенье,
Сокрылся навсегда в неведомый нам мир,
Тогда опустятся невольно руки долу,
И дух мятежный мой смирится и молчит,
И скорбная душа к отца небес престолу,
Безмолвствуя, в мольбе, но с трепетом
летит.

В тот миг душа свята, она чужда
земного,
Она так далека всех жизненных сует,
И у подножия престола всеблагого
За милость и покров дает ему обет:
На жизненном пути нездешних

наслаждений
Искать, и требовать, и помнить смертный
час,
Для неба на земле, средь горя и мучений,
Прожить всегда в добре, для ближнего
трудясь.

Но человека здесь мир суетный тревожит,
Тяжел обет души!.. Его он позабыл,
Без вздорных радостей он в мире жить
не может
И все, живя, грешит, как прежде он
грешил.

Как дети в жизни мы достойны
сожаленья!

Нас надо не учить, а только забавлять.
Ребенок закричал, заплакал, в утешенье
Ему торопится подать игрушку мать.
Его утешили на время, хорошо ли?
Не лучше было бы ребенка наказать;
В нем нет еще ума — в нем есть желанье
воли,
И им руководить должны отец и мать!..

<1847>

Как испанская мушка, тоска
Легла мне на сердце, и в споре
С сердитой судьбой, как треска
Шотландская, высох я вскоре...
С тех пор я таскаюсь едва.
Увы! говорить ли и петь ли
Начну я — страдальца слова
Скрипят, будто ржавые петли...
А по небу ходит луна;
В толкучий несут груды хлама,
Испанка сидит у окна,
И грудь моя взрыта, как яма...

<1847>

НОВЫЙ ГОД

(Кантата с итальянского)

Г о л о с

Слышны клики — поздравленья,
Хрусталя заздравный звон.
Ближе час освобожденья,
Ближе истины закон!

Х о р

Год еще мы отстрадали,
Изнуренные борьбой,
Тщетно руки простирали
К небу с теплою мольбой.

Тщетны, тщетны все моленья!
Правды бог не восстает.
Тяжко нам! Зерно сомненья
Каждый день в груди растет.

Г о л о с

О, к чему, к чему расптанье!
Искупленья близок час.
Дух лукавый отрицанья
Да отыдет прочь от вас!

Дни тревог и горя, братья,
Пролетят, как смутный сон.
Уж гремят врагам проклятья —
Слышу я — со всех сторон.

Близок час последней битвы!
Смело двинемся вперед, —
И услышит бог молитвы
И оковы разобьет.

1848

Еще один великий голос смолк,
Правдивый голос обличенья!
Но где же слезы сожаленья?
Лишь дети лжи, поднявши буйный толк,
Глумятся над великой тенью.

Давно ль он словом пламенным карал
Тебя, изнеженное племя!
Давно ль любви и правды семя
В сердца людей так щедро он бросал?
Иль позабыто это время?

Недолго волновала нас
Тех слов пророческая сила;
Дымятся снова злу кадила;
И все, о чем вещал пророка глас,
Корысть и пошлость поглотила!

Но день придет — и стихнет клевета,
И вместо криков озлобления,
В тот день великий возрожденья,
Услышит дух поборника Христа
Толпы людской благословенья!

<1852>

ПРИ ПОСЫЛКЕ РАФАЭЛЕВОЙ МАДОННЫ

Окружи счастьем счастья
достойную,
Дай ей спутников, полных
внимания;
Молодость светлую, старость
спокойную,
Сердцу незлобному мир
упования!

М. Лермонтов

В часы тяжелых дум, в часы разуверенья,
Когда находим жизнь мы скучной
и пустой

И дух слабеет наш
под бременем сомненья,
Нам нужен образец терпения святой.

А если те часы печали неизбежны
И суждено вам их в грядущем испытать,
Быть может, этот лик, спокойный,
безмятежный,
Вам возвратит тогда и мир и благодать!

Вы обретете вновь всю силу упования,
И теплую мольбу произнесут уста,
Когда предстанет вам Рафаэля создание,
Мадонна чистая, обнявшая Христа!

Не гасла вера в ней и сердце не роптало,
Но к небу мысль всегда была устремлена;
О, будьте же и вы — что б вас
ни ожидало —
Исполнены любви и веры, как она!

Да не смущает вас душевная тревога;
Да не утратите средь жизненного зла,
Как не утратила святая мать бога,
Вы сердца чистоты и ясности чела.

<Февраль 1853>

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

(Л. 3. Д<андевиль> — при посылке
моих стихов)

Опять весна! Опять далекий путь!
В душе моей тревожное сомненье;
Невольный страх мою сжимает грудь:
Засветится ль заря освобожденья?
Велит ли бог от горя отдохнуть,
Иль роковой, губительный свинец
Положит всем стремлениям конец?

Грядущее ответа не дает...
И я иду, покорный воле рока,
Куда меня звезда моя ведет...
В пустынный край, под небеса Востока!
И лишь молю, чтоб памятен я был
Немногим тем, кого я здесь любил...
О, верьте мне, вы первая из них!

Я забывал при вас тоску изгнания.
Вам и теперь мой безыскусный стих,
Как сердца дань, я шлю на расставанье,
Пусть иногда в раздумья тихий час
Он обо мне заставит вспомнить вас.

И может быть, вы дружеский привет
Пошлете мне, исполнены участия,
Чтоб, лаской той утешен и согрет,
Мой дух не мог утратить веры в счастье...
Так на чужбине пленнику порой
Отраднa песнь страны его родной!

Весна 1853

ВЕСНА

Und Freud' und Wonne
Aus jeder Brust!
O Erd', o Sonne!
O Glück, o Lust! ¹

Гете

В старый сад выхожу я, росинки,
Как алмазы, на листьях горят;
И цветы мне головкой кивают,
Разливая кругом аромат.

Все влечет, веселит мои взоры:
Золотая пчела на цветке,
Разноцветные бабочки крылья
И прыжки воробья на песке.

Как ярка эта зелень деревьев!
Купол неба так чист и глубок!
И брожу я, восторгом объятый,
И слеза застилает зрачок.

За оградой садовой чернеет
Полоса взбороненной земли,
И покрытые соснами горы
Поднимаются к небу вдали.

Как любовью и радостью дышит
Вся природа под вешним лучом,
И душа благодарная чует
Здесь присутствие бога во всем!

Снова крепнут дремавшие силы;
Новой жизни приходит пора,
И становится все так возможным,
Что мечтою казалось вчера!

¹ И радость и блаженство в каждой груди! О земля, о солнце! О счастье, о веселье! (нем.).

**Как прекрасна весна! Миллионы
Ей навстречу звучат голосов,
И в моем воскресающем сердце
Ей привет вдохновенный готов!**

1853

ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ ГАЗЕТ

Мне тяжело читать кровавые страницы,
Что нам о племенных раздорах говорят,
Как тяжело смотреть на сумрачные лица
Семьи, где издавна господствует разлад.

Отчизну я люблю глубоко и желаю
Всей полнотой души цвести и крепнуть ей,
Но к племенам чужим вражды я не питаю,
Ей места нет в душе незлобивой моей.

Рассказ о подвигах на поле грозной битвы
Восторгом пламенным мне

не волнует кровь;
И к небесам я шлю горячие молитвы,
Чтоб низошла в сердца
озлобленных любовь.

Чтоб миновали дни тревог, ожесточенья,
Чтоб, позабыв вражду и ненависть свою,
Покорные Христа высокому ученью,
Все племена слились в единую семью!

1854

Перед тобой лежит широкий новый путь.
 Прими же мой привет, не громкий,
 но сердечный;
 Да будет, как была, твоя согрета грудь
 Любовью к ближнему, любовью к правде
 вечной.

Да не утратишь ты в борьбе
 со злом упорной
 Всего, чем нынче так душа твоя полна,
 И веры и любви светильник животворный
 Да не зальет в тебе житейская волна.

Подъяв чело, иди бестрепетной стопою;
 Иди, храня в душе свой чистый идеал,
 На слезы страждущих ответствуя слезою
 И ободряя тех, в борьбе кто духом пал.

И если в старости, в раздумья
 час печальный,
 Ты скажешь: в мире я оставил
 добрый след,
 И встретить я могу спокойно миг
 прощальный, —
 Ты будешь счастлив, друг:
 нного счастья нет!

1855

В СТЕПИ

Так скоро, может быть, покинуть
должен я,
О степь унылая, простор твой необъятный;
Но вместо радости зачем душа моя
Полна какою-то тоскою непонятной?

Жалею ль я чего? Или в краю ином
Грядущее сулит мне мало утешенья?
И побреду я вновь знакомым мне путем,
Путем забот, печалей и лишенья.

Как часто у судьбы я допросить хотел,
Какую пристань мне она готовит...
Зачем неравный бой достался мне в удел,
Зачем она моим надеждам прекословит?

Ответа не было. Напрасно я искал,
Куда б усталою прилечь головою....
Не видно пристани... И счастья идеал
Уж я давно зову ребяческой мечтою!..

Но пусть без радостей мои проходят дни...
Когда б осталось мне отрадное сознание,
Что к благу ближнего направлены они,
Я б заглушил в себе 'безумное роптанье;

Но нет, еще ничьих не утирал я слез
И сердца голосу был часто непослушен;
Я утешения несчастным не принес,
И слаб я был, и горд, и малодушен.

И жаль мне, что я жизнь покину
без следа,
Как покидаю край печального изгнания,
Что ни единый друг от сердца никогда
Не сжал руки моей в минуту расставанья.

Между маем и ноябрем 1856

РАЗДУМЬЕ

Дни скорби и тревог,
дни горького сомненья,
Тоски болезненной и безотрадных дум,
Когда ж минуете?

Иль тщетно возрожденья
Так страстно сердце ждет,
так сильно жаждет ум?
Не вижу я вокруг отрадного рассвета;
Повсюду ночь да ночь,

куда ни бросишь взор.
Исчезли без следа мои молодые лета,
Как в зимних небесах сверкнувший метеор.
Как мало радостей они мне подарили,
Как скоро светлые рассеялись мечты!
Морозы ранние безжалостно побили
Беспечной юности любимые цветы.
И чистых помыслов, и жарких упований
На жизненном пути растратил много я;
Но средь неравных битв,

среди тяжких испытаний
Что ж обрела взамен всех грез душа моя?
Увы! лишь жалкое в себе разуверенье
Да убеждение в бесплодности борьбы,
Да мысль, что ни одно правдивое

стремленье
Ждать не должно себе пощады
от судьбы.

И даже ты моим призывам изменила,
Друзей свободная и шумная семья!
Привета братского живительная сила
Мне не врачует дух в тревогах бытия.
Но пусть ничем душа больная не согрета,
А с жизнью все-таки расстаться

было б жаль,
И хоть не вижу я отрадного рассвета —
Еще невольно взор с надеждой
смотрит вдаль.

Не говорите, что напрасно,
Что для бесплодной лишь борьбы
Стремлений чистых и прекрасных
Дано вам столько от судьбы.

Что все, чем полно сердце ныне,
Подавит жизни тяжкий гнет;
Что все растратится в пустыне,
Что дать могло бы цвет и плод.

К чему напрасные сомнения!
Идите смелою стопой;
Вы не из тех, в ком увлеченья
С летами гаснет жар святой.

Пусть дух изведает страданье,
В борьбе пусть будет закален;
И из горнила испытанья
И чист и крепок выйдет он.

Храните ж чистые химеры
Души возвышенной своей,
И животворный пламень веры
Пусть до конца не гаснет в ней!

<1856>

О, если б знали вы, друзья
 Прекрасных грез моих, порывов
 Какой мучительной тоской отравлены
 Проходят дни мои в волнениях
 моей весны,
 благородных,
 бесплодных!

Былое предо мной
 И тайный голос мне твердит
 Чего убить не мог суровой жизни гнет,
 Зарыл я в землю сам, — зарыл,
 как призрак восстает,
 укор правдивый;
 как раб ленивый.

Душе была дана любовь от бога в дар
 И отличать дано добро от зла уменье;
 На что же тратил я священный
 Упорно ль к цели шел
 сердца жар,
 во имя убежденья?

Я заключал не раз со злом
 И пренебрег труда спасительной
 Не простирали руки тому, кто наг
 И оставался глух к призывам
 постыдный мир
 дорогой,
 и сир,
 правды строгой.

О, больно, больно мне!!!
 Казнит меня палач неумолимый —
 И в книге прошлого с стыдом читаю я
 Погибшей без следа,
 скорбит душа моя,
 совесть;
 бесплодной жизни повесть.

ЛИСТОК ИЗ ДНЕВНИКА

Elle était de ce monde où
les plus belles choses
Ont le pire destin,
Et, rose, elle a vécu ce que
vivent les roses,
L'espace d'un matin¹.

Средь жизни будничной,
ее тревог докучных.
Незримых, тайных битв, с той жизнью
неразлучных,
Воспоминание лелею я одно,
И сладко так душе и горестно оно.

Я помню, в дальний край
гнала меня неволя, —
Судьбы игрушкой быть куда плохая доля!
Так мудрено ль,
что злость мне волновала грудь
И что казался мне невыносим мой путь?
Хоть город тот,
что мне покинуть предстояло,
Для сердца моего и не был мил нисколько.
Но привыкает скоро русский человек:
Где месяц проживет,
как будто прожил век,
Притом же иногда меж чопорных
педантов.
Меж сплетниц набожных,
самодовольных франтов,
Заброшено судьбой,
как перл в песке морском,
Найдется существо и с чувством
и с умом;

¹ Она жила в том мире, где все прекрасное постигает самая жестокая участь, и, роза, она прожила столько, сколько живут розы, — одно утро (франц.).

Согреет вас его приветливое слово,
И вы на остальных махнуть рукой готовы.
Так было и со мной: я помню ясный взор,
Улыбку добрую, веселый разговор,
Что от меня вражду, сомнение и печали —
Как духов утра свег —

внезапно отгоняли.

*С кудрявым мальчиком, с нарядным
мотыльком*

Я не сравню ее плохим своим стихом;
Но жаль мне, что она не встретила поэта:
Не подарил бы он другой сравнение это.
Красавицей она назваться не могла,
Но детской резвостью, но ясностью чела
Она влекла к себе с неодолимой силой;
И тот, кого она приветом вскользь дарила,
Хотя б под бурями житейскими поник,
Душою воскресал и весел был на миг.
Любуясь милою головкою, бывало,
Я рад был, что судьба ее так баловала,
Что жаль ее судьбе; что от тревог и зла
Она щадит ее: печаль бы к ней не шла...

Итак, я уезжал. На долгую разлуку
Еще пришел я раз пожать

ей братски руку;

Хотел ей высказать, что там,

в глуши степей,

С любовью буду я вспоминать о ней;

Что днями светлыми я ей одной обязан,

Что к ней останусь я душой

навек привязан,

И много кой-чего сказать еще хотел;

Но слов не находил и как немой сидел.

И лучше, может быть!

Мой взор сентиментальный

Мог рассмешить ее, пожалуй,

в час прощальный!

«Мы с вами свидимся, я знаю, через год,

Вас участь лучшая

в краю далеком ждет», —

Она сказала мне с своей улыбкой ясной.
Как солнечным лучам
в осенний день ненастный,
Я рад улыбке был; словам поверил я,
И дальний путь
уж был не страшен для меня.
Прощаясь, я просил ее, чтоб серенаду
Она сыграла мне, — я в Шуберте отраду
Неизъяснимую для сердца нахожу.
Вот к клавишам она подходит; я гляжу
На светлое чело, на маленькие руки...
И в душу полились мечтательные звуки...

Два года протекло, как прежде много лет,
Еще в душе моей оставив горький след.
Все так же ратовал я
с донкихотским жаром
За призраки свои и чувства тратил даром.
И возвратился вновь я
в скучный город свой,
И встретился с давно знакомою толпой.
Все тех же увидал я чопорных педантов,
Нелепых остряков, честолюбивых франтов,
Прибавилось еще немного новых лиц;
Пред золотым тельцом лежат, как прежде,
ниц;
Всё те же ссоры, сплетни и интриги;
В почете карты всё, и всё в опале книги!
Но не нашел я той, к кому в былые дни
Я смело нес и грусть и радости свои...
И часто так к кому душа моя больная
Рвалась, под жизненным ярмом
изнемогая!..
И весть услышал я: ее уж больше нет!
Суровым косарем сражен прекрасный цвет,
Суровым косарем, что без разбору косит
И тех, кто жизнь клянет, и тех,
кто жизни просит!
Как больно было мне... Но если свет о ней
При мне судил, еще мне делалось
больней!
Ему не жаль, казалось, вовсе, что могила

И юность, и красу навеки поглотила...
Клеветников, завистников бездушных толк
И у дверей могилы даже не замолк.

Я снова посетил давно знакомый дом;
Теперь семья другая поселилась в нем.
Вот уголок уютный, где она, бывало,
Вокруг себя друзей немногих собирала.
Отрадных много я припомнил вечеров;
Войдя в ту комнату, я плакать был готов!
Как оживить она домашний круг умела...
Как быстро время с ней,

как весело летело;
Невольно лица прояснялися у всех,
Когда звучал ее беспечный, детский смех.
Теперь не то я встретил;

Здесь разговор вели,
чопорно и чинно
и в ералах в гостиной
С тремя почтенными старушками играл
От старости едва ходивший генерал.
Изящно в комнатах, роскошно

даже было...
Но все тоску и грусть

на сердце наводило...
Но вот хозяйка села за рояль... Она,
Все говорят,

артисткой быть великой рождена.
Вот Шуберта опять я слышу серенаду...
И точно...

более, казалось бы, не надо
Искусства и желать. Но отчего же мне.
Досадно стало так? В душевной глубине
Как будто злоба вдруг к игравшей

шевелинулась
За то, что струн души больных
она коснулась.

Казалось мне,
звучит в игре той мастерской
Насмешка над моей заветною мечтой.

Оставил вечер я...
Но все мотив знакомый

Преследовал меня на улице и дома...
Все образ предо мной любимый возникал,
И до рассвета глаз в ту ночь
я не смыкал.

1856

Когда твой кроткий, ясный взор
Ты остановишь вдруг на мне,
Иль задушевный разговор
С тобой веду я в тишине;

Когда подашь мне руку ты,
Прощаясь ласково со мной,
И дышат женские черты
Неизъяснимой добротой, —

О, верь! не зависть, не вражда
К тому, с кем ты на путь земной
Соединила жребий свой,
Грудь наполняет мне тогда.

Я лишь молю, чтоб над тобой
Была господня благодать,
Чтоб свет тщеславный и пустой
Тебя не мог пересоздать.

Чтоб сердце свято сберегло
Свои заветные мечты;
Чтобы спокойно и светло
На божий мир глядела ты...

Чтоб клеветы и злобы яд
Не отравил весны твоей;
Чтоб ты не ведала утрат
И омраченных скорбью дней.

Еще молю я, чтобы нас
Не разлучал враждебный рок,
Чтоб кротким светом этих глаз
Я дольше любоваться мог,

<1857>

Есть дни: ни злоба, ни любовь,
 Ни жажда дел, ни к истине стремление —
 Ничто мне не волнует кровь;
 И сердце спит, и ум в оцепененье.

Я остаюсь к призывам жизни глух;
 Так холодно взираю, так бесстрастно
 На все, что некогда мой дух
 Тревожило и мучило всечасно.

И ласка женская во мне
 В те дни ответа даже не находит;
 В бездействии, в позорном сне
 Душевных сил за часом час проходит.

Мне страшно, страшно за себя;
 Боюсь, чтоб сердце вовсе не остыло,
 Чтоб не утратил чувства я,
 Пока в крови огонь и в теле сила.

Годами я еще не стар...
 О боже, всех, кто жаждет искупленья,
 Не дай, чтоб пеплом сердца жар
 Засыпало мертвящее сомненье!

<1857>

ЗИМНЕЕ КАТАНИЕ

Зимней ночью при луне
Я душе твоей раскрою
Все, что ясно будет мне.

Фет

Посмотри, на небе звезды,
Снег блистает серебром...
Едем, друг мой... ночью зимней
Мчатся весело вдвоем.

Полетит как птица тройка,
Колокольчик зазвенит,
И раскинется пред нами
Бесконечный степи вид.

Все, что сердце днем тревожит:
И забот докучных рой.
И судьбы насмешки злые —
Все забудем мы с тобой.

И пускай перенесемся,
Обаяния полны,
В мир волшебных пестрых сказок
Нашей доброй старьны.

Будем думать, что в хрустальный
Ты дворец заключена,
Что тебя я похищаю
От седого колдуна...

Что мечом моим булатным
Сторож твой — косматый зверь —
Поражен, и мы с тобою
Птицы вольные теперь.

Право, этот мир чудесный
Лучше нашего в сто крат:
Лучше козни чародеев,
Чем житейский наш разлад.

Едем! ждут за воротами
Сани, крытые ковром;
В небе месяц, в небе звезды,
Снег блистает серебром!

<1857>

С. Ф. ДУРОВУ

Уедешь ты на теплый юг!
И где лазурью блещет море —
Покинет тело злой недуг,
Покинет сердце злое горе.

Там отдохнет в семье друзей
Душа, изведавшая муки,
И песен, выстраданных ей,
К нам долетят святыя звуки...

И все, что рок во дни невзгод
Давил железною рукою,
Вдруг встрепенется, оживет,
Как цвет под влагой дождевою.

Господь тебя благослови
За годы долгие несчастья
И тихой радостью любви,
И дружбы ласковым участием.

И если радостные дни
Придут, послушные желанью,
Меня, собрата по изгнанью,
Ты добрым словом помяни!

18 июля 1857

Тобой лишь ясны дни мой,
Ты их любовью озарила,
И духа дремлющая сила
На зов откликнулась любви!

О, если б я от дней тревог
Переходя к надежде новой,
Страницу мрачного былого
Из книги жизни вырвать мог!

О, если б мог я заглушить
Укор, что часто шепчет совесть!
Но нет! бесплодной жизни повесть
Слезами горькими не смыть.

Молю того, кто весь любовь,
Он примет скорбное моление
И, ниспослав мне искупленье,
К добру меня направит вновь —

Чтобы душа моя была
Твоей души достойна ясной,
Чтоб сердца преданности страстной
Ты постыдиться не могла!

Октябрь 1857

МОЛИТВА

О боже мой, восстанови
Мой падший дух, мой дух унылый:
Я жажду веры и любви,
Для новых битв я жажду силы.

Запуган мраком ночи я,
И в нем я ощупью блуждаю;
Ищу в светильник свой огня,
Но где обрести его, не знаю.

В изнеможенья скорбный час
Простри спасительные руки,
Да упадет завеса с глаз,
Да прочь идут сомненья муки.

Внезапным светом озарен,
От лжи мой ум да отрешится
И вместе с сердцем да стремится
Постигнуть истины закон.

Услышь, о боже, голос мой!
Да возлюбив всем сердцем брата,
Во тьме затерянной тропой
Пойду я вновь — и без возврата!

1857

Ты мне мила, пора заката!
Какой-то кроткой тишиной
В тот миг душа моя объята;
Как исцелившийся больной,
Что к жизни ждать не мог возврата,
Любви, спокоен и счастлив,
Я к сердцу чувствую прилив.

Земные битвы, скорбь земную,
Все бремя будничных забот
Я забываю; в грудь больную
Отраду вечер ясный льет;
И я молю, чтоб жизнь такую,
Как этот час, господь послал
Тому, кто в битве духом пал.

1857

О нет, не всякому дано
Святое право обличенья!
Кто не взрастил в себе зерно
Любви живой и отреченья,
И бесполезно и смешно
На мир его ожесточенье.

Но если праведная речь
Из сердца чистого стремится,
Она разит, как божий меч;
Дрожит, бледнеет и стыдится
Пред нею тот, кого обречь
Она проклятью не страшится.

Но где тот века проводник,
Что скуп на речи, щедр на дело,
Что, заглушив страстей язык,
Идя на подвиг честно, смело,
Благой пример являть привык
Толпе, в неправде закоснелой?

Где он? Нас к бездне привела
Стезя безверья и порока!
Раbam позорной лжи и зла
Пошли, пошли, господь, пророка,
Чтоб речь его нам сердце жгла
И содрогнулись мы глубоко!

<1858>

Он шел безропотно тернистою дорогой,
Он встретил радостно и гибель и позор;
Уста, вещавшие ученье правды строгой,
Не изrekli толпе глумящейся укор.

Он шел безропотно и, на кресте распятый,
Народам завещал и братство и любовь;
За этот грешный мир, порока тьмой
объятый,
За ближнего лилась его святая кровь.

О дети слабые скептического века!
Иль вам не говорит могучий образ тот
О назначении великом человека
И волю спящую на подвиг не зовет?

О нет! не верю я. Не вовсе заглушили
В нас голос истины корысть и суета;
Еще настанет день... Вдохнет и жизнь
и силу
В наш обветшалый мир учение Христа!

<1858>

ПОСВЯЩЕНИЕ

Домчатся ль к вам знакомых песен звуки.
Друзья моих погибших юных лет?
И братский ваш услышу ль я привет?
Всё те же ль вы, что были до разлуки?

Быть может, мне иных недосчитаться!
А те — в чужой, далекой стороне —
Уже давно забыли обо мне...
И некому на песни отозваться!

Но я — средь бурь, в дни горя и печали —
Был верен вам, весны моей друзья,
И снова к вам несется песнь моя,
Когда, как сон, невзгоды миновали.

<1858>

БЫЛОЕ

(С. Н. Ф<едоро>ву)

Ночи бледное светило
Кротким светом озарило
Комнатку мою.

Снова слышу за стеною
Над малюткою больною
Баюшки-баю.

Голосок так чист и звонок,
Что под звук его ребенок
Затихает вдруг.

Спой еще! Тебе внимая,
И душа моя больная
Отдохнет от мук.

Помню я иное время,
Легче было жизни бремя,
Веселей жилось!

Шли так быстро эти годы,
Годы счастья и свободы,
Годы светлых грез!

Сколько вызвано мечтою
Лиц знакомых предо мною
И знакомых мест.

Помню лес... деревьев шепот,
И волны стемневшей ропот,
И мерцанье звезд.

Сад запущенный и мрачный,
Над водой пруда прозрачной
Деревенский дом.

Речи нежные и ласки,
В уголке уютном сказки
Зимним вечерком...

Сердце верило, любило,
Все ему так было мило,
Что теперь смешно!

Но все тихо за стеною...
Над молюткою больною
Голос смолк давно...

Ах, зачем, бывшие годы,
Годы счастья и свободы,
Я припомнил вас!

На душе тоска сильнее,
И до утра, видно, с нею
Не сомкну я глаз!

<1858>

ПТИЧКА

Для чего, певунья птичка,
Птичка резвая моя,
Ты так рано прилетела
В наши дальние края?

Заслонили солнце тучи,
Небо всё заволокли;
И тростник сухой и желтый
Клонит ветер до земли.

Вот и дождик, посмотри-ка,
Хлынул словно из ведра;
Скучно, холодно, как будто
Не весенняя пора!

— Не для солнца, не для неба
Прилетела я сюда;
В камышах сухих и желтых
Не совою себе гнезда.

Я совою его под кровлей
Горемыки-бедняка;
Богом я ему в отраду
Послана издалека.

В час, как он, вернувшись с поля
В хату ветхую свою,
Ляжет, грустный, на солому,
Песню я ему спою.

Для него я эту песню
Принесла из-за морей;
Никогда ее не пела
Для счастливых я людей.

В ней поведаю я много
Про иной, чудесный свет,
Где ни бедных, ни богатых,
Ни нужды, ни горя нет.

Эта песня примиренье
В грудь усталую прольет;
И с надеждою на бога
Бедный труженик заснет.

<1858>

Ты хочешь песен, — не пою
Веселых песен я давно;
А душу ясную твою
Встревожить было бы грешно.

О нет, пусть ни единый 'звук
Не обнаружит пред тобой
Ни затаенных в сердце мук,
Ни дум, навеянных борьбой.

Пусть не узнаешь дольше 'ты,
Как беспощадно губит свет
Все наши лучшие мечты,
Святые грезы юных лет!

Когда ж пора твоя придет
И с жизнью выйдешь ты на бой,
Когда в тебе житейский гнет
Оставит след глубокий свой

И будешь, горе затая,
Ты тщетно ждать участия слов —
Тогда зови... и песнь моя
На грустный твой ответит зов.

<1858>

СЕРДЦУ

Скажи мне, долго ль заблуждаться
Тебе, о сердце, суждено?
Пора бы с грезами расстаться...
Мы старики с тобой давно.

А ты, назло годам и року,
Тревожней бьешься и сильнее
(Хоть мало видишь в этом проку),
Чем билось в дни весны своей.

Когда среди волнений света,
В толпе шумящей и пустой,
Слова любимого поэта
Произнесут перед тобой;

Или науки голос строгий
О правде вечной говорит,
Какую ты забьешь тревогу,
Какой огонь в тебе горит!

Красой стыдливою блистая,
Мелькнут ли женские черты —
В восторге чистом замирая,
Навстречу им как рвешься ты.

О перестань! Понять бы можно
Давным-давно в твои лета,
Что бред поэзия ничтожный,
Что правда вечная — мечта!

Что как-то странно поклоненье
В наш век полезный красоте,
Что уж теперь должны стремленья
У человека быть не те...

Пойми, что правда там, где сила,
Где достижение благ земных,
И, все забыв, что ты любило,
Живи и бейся лишь для них!

<1858>

ЦВЕТОК

Над пустыней,
 в полдень знойный,
Горделиво и спокойно
Тучка легкая плывет.
А в пустыне, жаждой мучим
И лучом палимый жгучим,
К ней цветок моление шлет:
«Посмотри, в степи унылой
Я цвету больной и хилый,
И без сил, и без красы...
Мне цвести так безотрадно:
Нет ни тени здесь грохладной,
Ни свежительной росы,
Я горю, томлюсь от зною,
И поблекшей головою
Я к земле сухой приник.
Каждый день с надеждой тайной
Я все ждал, что хоть случайно
Залетишь ты к нам на миг;
Вот пришла ты... и взываю
Я с мольбой к тебе, и знаю,
Что к мольбе склонись ты:
Что прольется дождь обильный,
И, покров стряхнувши пыльный,
Оживут мои листы,
И под влагой неба чистой,
И роскошный и душистый,
Заблестает мой наряд;
И потом, в степи суровой,
Долго, долго к жизни новой
Буду помнить я возврат...»
Но, горда, неумолима,
Понеслася тучка мимо
Над поникнувшим цветком.
Далеко, над сжатой нивой,
Бесполезно, прихотливо
Пролилась она дождем;
А в пустыне, жаждой мучим
И лучом палимый жгучим,

Увядал цветок больной...
И все ждал он, увядая. —
Тучка вот придет другая...
Но уж не было другой.

<1858>

ПЕСНЯ

Тихо все, глядится месяц
В воды зыбкие реки;
За рекою слышны песни
И мелькают огоньки.

Отчего так сердцу больно?
Дней ли прошлых стало жаль,
Иль грядущего пугает
Неразгаданная даль?

Отчего в груди томленье?
И туманит взор слеза?
Или снова надо мною
Собирается гроза?

Вот сокрылся месяц в тучи,
Огоньков уж не видать;
Стихли песни... Скоро ль, сердце,
Перестанешь ты страдать?

<1858>

Много злых и глупых шуток.
Жизнь, играла ты со мной,
И стою на перепутье
Я с поникшей головой.

Сердца лучшие порывы
И любимые мечты
Осмеяла беспощадно,
В пух и прах разбила ты.

Подстрекнула ты лукаво
На неравный бой меня,
И в бою том я потратил
Много страсти и огня.

Только людям на потеху
Скоро выбился из сил;
И осталось мне сознание,
Что я немощен и хил.

Что ж! Пойду дорогой торной.
Думал я, толпе вослед,
Скромнен, тих, благонамерен.
Бросив юношеский бред.

Что за гладкая дорога!
Камни здесь не режут ног.
Если б шел по ней я прежде,
Я бы так не изнемог.

Да и цель гораздо ближе;
Пристань мирная в виду...
Сколько там я наслаждений
Неизведанных найду!

Но увы! пришлось недолго
К этой цели мне идти,
И опять я очутился
На проселочном пути.

А виной всё эти грезы,
Эти сны поры былой...
Безотвязные, со мною
Шли они рука с рукой.

И манили всё куда-то,
И шептали что-то мне,
Милых образов так много
Показали в стороне.

Им навстречу устремился
Я, исполнен новых сил:
Шел по терниям колючим,
В бездны мрачные сходил.

И уж думал — подхожу я
К милым призракам моим,
Но напрасно, утомленный,
Простирал я руки к ним.

Отдалялись, улетали
Дорогие от меня...
И внезапно на распутье
Ночью был застигнут я.

Долго ль ночь моя продлится
И что ждет меня за ней,
Я не знаю; знаю только,
Что тоска в душе моей.

Но не торная дорога,
Рано брошенная мной,
Пробуждает сожаленье
В этот миг в душе больной.

Жаль мне призраков любимых,
Жаль роскошных ярких грез,
Что так рано день, сокрывшись,
На лучах своих унес!

Дети века все, больные, —
Мне повсюду говорят, —
Ходят бледные, худые,
С жизнью все у них разлад.

Нет! Напрасно стариками
Оклеветан бедный век;
Посмотрите: перед вами
Современный человек.

Щеки словно как с морозу,
Так румянцем и горят;
Как прилична эта поза,
Как спокоен этот взгляд.

Вы порывов увлечения
Не заметите за ним;
Но как полон уваженья
Он к достоинствам своим.

Все вопросы разрешает
Он легко, без дальних дум;
Не тревожит, не смущает
Никогда сомненье ум.

И насмешкой острой, милой
Как умеет он кольнуть
Недовольных, что уныло
На житейский смотрят путь,

Предрассудки ненавидят,
Всё твердят про идеал
И лишь зло и гибель видят
В том, что благом мир признал.

Свет приятным разговором
И умом его пленен;
Восклицают дамы хором:
«Как он мил! как он умен!»

Нет! Напрасно старость взводит
Клевету на бедный век:
Жизнь блаженствуя проводит
Современный человек!

<1858>

Когда мне встретится истерзанный
 борьбою,
 Под гнетом опыта поникший человек;
 И речью горькой он, насмешливой и злою,
 Позору предает во лжи погрязший век;

И вера в род людской в груди его угасла,
 И дух, что некогда был полон мощных
 сил,
 Подобно ночнику, потухшему без масла,
 Без веры и любви стал немошен и хил;

И правды луч, сверкающий за далью
 Грядущих дней, очам его незрим, —
 Как больно мне! Глубокою печалью
 При встрече той бываю я томим.

И говорю тогда: явись, явись к нам снова,
 Господь, в наш бедный мир, где горе
 и разлад;
 Да прозвучит еще божественное слово
 И к жизни воззовет твоих отпадших чад!

<1858>

МОЙ ЗНАКОМЫЙ

Он беден был. (Его отец
В гусарах век служил,
Любил танцовщиц и вконец
Именье разорил.)

И ярый был он либерал:
Все слабости людей
Он энергически карал,
Хоть не писал статей.

Не мог терпеть он спину гнуть,
Любил он бедный класс,
Любил помещиков кольнуть
Сатирой злой подчас.

И Жоржем Зандом и Леру
Был страстно увлечен,
Мужей он поучал добру,
Развить старался жен.

Когда же друга моего
Толкнула в глушь судьба,
Он думал — закалит его
С невежеством борьба.

Всех лихоимцев, подлецов
Мечтал он быть грозой;
И за права сирот и вдов
Клялся стоять горой.

Но, ах! грядущее от нас
Густой скрывает мрак;
Не думал он, что близок час
Вступить в законный брак.

Хоть предавал проклятью он
Пустой, бездушный свет,
Но был в губернии пленен
Девницей в тридцать лет.

Она была иных идей...
Ей не был Занд знаком,
Но дали триста душ за ней
И трехэтажный дом.

Женился он, ему пришло
По сердцу жизнь сам-друг...
Жена ввела его тотчас
В губернский высший круг.

И стал обеды он давать,
И почитал за честь,
Когда к нему съезжалась знать,
Чтоб хорошо поесть.

И если в дом к нему порой
Являлся генерал,
Его, от счастья сам не свой,
Он на крыльце встречал.

Жена крутой имела нрав;
А дом и триста душ
Давали ей так много прав...
И покорился муж.

Хоть иногда еще карал
Он зло в кругу друзей,
Но снисходительней взирал
На слабости людей.

Хоть не утратил он вполне
Могучий слова дар,
Но как-то стынул при жене
Его душевный жар.

Бывало, только заведет
О крепостных он спор,
Глядишь, и зажимает рот
Ему супруги взор.

И встретил я его потом
В губернии другой;

Он был с порядочным брюшком
И чин имел большой.

Пред ним чиновный весь народ
И трепетал и млея;
И уж не триста душ — пятьсот
Он собственных имел.

О добродетели судил
Он за колодой карт...
Когда же юноша входил
Порой пред ним в азарт,

Он непокорность порицал
Как истый бюрократ...
И на виновного бросал
Молниеносный взгляд...

<1858>

Что за детская головка,
Что за тонкие черты!
И в улыбке и в движеньях
Сколько детской простоты!

Лишь во взгляде, полном думы,
Я читаю иногда,
Что исчезли безвозвратно
Детской резвости года.

То огнем, то негой дышат
Эти карие глаза;
Знать, для сердца наступает
Страсти первая гроза...

И боюсь я, и невольно
Грудь сжимается тоской:
Не степной былинке слабой
С ураганом вынести бой!

<1858>

СТРАННИК

Томит меня мой страннический путь.
Хотелось бы под вечер на покой,
Хотелось бы на дружескую грудь
Усталою прилечь головой.

Была пора — и в сердце молодом
Кипела страсть, не знавшая преград;
На каждый бой с бестрепетным челом
Я гордо шел, весенним грозам рад.

Была пора — огонь кипел в крови;
И думал я, что песнь моя сильна,
Что правды луч, что луч святой любви
Зажжет в сердцах озлобленных она.

Где ж силы те, где бодрость прежних лет?
Сгубила их неравная борьба;
И пустота, бесплодной жизни след,
Ждет неизбежная, как дрегняя судьба.

Пора домой! Не опоздать бы мне;
Не заперты ль ворота на запор?
И огонек мерцает ли в окне,
Маня к себе усталый, грустный взор?

Отворят ли с улыбкою мне дверь?
Услышу ли я ласковый привет:
«Не одинок, не странник ты теперь:
Ты отдохнешь, любовью согрет...»

<1858>

Знакомые звуки, чудесные звуки!
О, сколько вам силы дано!
Прошедшее счастье, прошедшие муки,
И радость свиданья, и слезы разлуки...
Вам всё воскресить суждено.

Знакомые тени являются снова,
Проходят одна за другой...
И сердце поверить обману готово,
И жаждет, и молит всей жизни былого,
Согретое страстью былой.

И все, что убито бесплодной борьбою,
Опять шевельнулось в груди...
На доблестный подвиг, на битву
с судьбою
Иду я отважно, и яркой звездой
Надежда горит впереди.

В возлюбленном взоре, в улыбке участия
Прочел я давно, что любим;
Не страшны мне грозы не страшно
нечастые;
Я знаю — любви бесконечное счастье
Меня ожидает за ним!

Довольно, довольно!.. замолкните, звуки!
Мою вы терзаете грудь...
Прошедшее счастье, прошедшие муки,
И радость свиданья, и слезы разлуки,
О сердце! навеки забудь!..

<1858>

МОЙ САДИК

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нем сирень;
От черемухи душистой
И от лип кудрявых — тень...

Правда, нет в нем бледных лилий,
Горделивых георгин,
И лишь пестрые головки
Возвышает мак одян.

Да подсолнечник у входа,
Словно верный часовой,
Сторожит себе дорожку,
Всю поросшую травой...

Но люблю я садик скромный:
Он душе моей милей
Городских садов улылых
С сетью правильных аллей.

И весь день, в траве высокой
Лежа, слушать бы я рад,
Как заботливые пчелы
Вкруг черемухи жужжат.

А когда на садик сыплет
Блеск лучей своих луна,
Я сажусь в раздумье тихом
У открытого окна.

Посребренных и дрожащих
Листьев я внимаю шум,
И, одна другой сменяясь,
Грезы мне волнуют ум.

И несут на крыльях легких
В мир иной меня оне...
Как сияет ярко солнце
В той неведомой стране!

Нет вражды под этим солнцем,
Нашей лжи вседневной нет;
Человека озаряет
Там любви и правды свет!

Все, что истины пророки
Обещают нам вдали,
Люди в братстве неразрывном
Навсегда там обрели...

О, как сладки эти грезы!
Разрастайся ж, расцветай
Ты, мой садик! и почаще
На меня их навесвай.

<1858>

Ты помнишь: поникшие ивы
Качались над спящим прудом;
Томимы тоской, молчаливы,
С тобой мы сидели вдвоем.

В открытые окна глядели
К нам звезды с высоких небес;
Вдали соловьиные трели
Поля оглашали и лес.

Ты помнишь — тебе я сказала:
Мы много любили с тобой,
Но светлых часов было мало
Дано нам суровой судьбой.

Узнали мы иго неволи,
Всю тяжесть житейских цепей,
Изныло в нас сердце от боли;
Но скрыли мы боль от людей.

В святилище наших страданий
Не дали вломиться толпе —
И молча, без слез и рыданий,
Мы шли по тернистой тропе.

Ты помнишь минуту разлуки?
О, кто из нас думал тогда,
Что сердца забудутся муки,
Что рану излечат года,

Что страсти былые тревоги,
Все бури поры прожитой
Мы, встретясь на новой дороге,
Помянем насмешкою злой!

<1858>

Когда возвратился я в город родной
И там, над отцовской могилой,
Колена склонил и поник головой,
О, как мое сердце заняло!

Мне все прожитое припомнилось вдруг;
Припомнились долгие годы,
Что шли средь волнений бесплодных
и мук,
Без счастья, любви и свободы.

И мнилось мне, будто отец мой глядит
На сына с тоской и любовью,
Скорбя, что суровым он горем убит,
Что сердце исходит в нем кровью.

Мне слышался говор зеленых ветвей:
«Устал ты и ищешь покою!
Усни здесь! И мы над могилой твоей
Раскинемся тенью густою...»

<1858>

* * *

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни...

Пушкин

Была пора: своих сынов
Отчизна к битве призывала
С толпой несметною врагов,
И рать за ратью восставала,
И бодро шла за ратью рать
Геройской смертью умирать.

Но смолк орудий страшный гул;
И, отстояв свой край родимый,
Народ великий отдохнул,
Отчизна вышла невредима
Из той борьбы... как в старину —
В иную славную войну.

И вот опять она зовет
Своих сынов на бой упорный;
Но этот бой уже не тот...
Со злом и тьмой, с неправдой черной
Она зовет теперь на бой,
Во имя истины святой!

Не страшен нам и новый враг,
И с ним отчизна совладеет...
Смотрите! уж редет мрак,
Уж свет повсюду проникает,
И, содрогаясь, чует зло,
Что торжество его прошло.

<1858>

СЧАСТЛИВЕЦ

Я здоров, румян и весел,
Сытно ем и славно пью;
Никогда нужда и голод
Не стучатся в дверь мою.

Мне наследственный оставил
Мой родитель капитал...
Он его на службе царской
Понемножку собирает.

Я одет всегда по моде
Англичанином-портным;
За приятные манеры
Очень дамами любим.

Не якшаюсь с разной дрянью,
Только с знатными знаком.
И владею превосходно
Я французским языком.

Хоть не делал зла я людям,
Хоть душой и сердцем чист,
Но не скрылся от злословья:
Говорят, я — эгоист!

Клевета! Богоугодных
Разных обществ член и я.
Филантропы пять целковых
Каждый год берут с меня.

Все толкуют: погибает
От неправды род людской...
Гот объелся на обеде,
Умер с голоду другой.

Разве я тому причиной?
Видно, так уж суждено,
Рассуждать об этом, право,
И напрасно и смешно!

Жизнь дана, чтоб наслаждаться, —
Мой на это взгляд такой.
Пусть мечтатели вздыхают —
Я махнул на них рукой.

Я румян, здоров и весел,
Сытно ем и славно пью;
Никогда нужда и голод
Не стучатся в дверь мою.

<1858>

ПРИЗРАКИ

Старинные, знакомые мотивы
Порой вечернею откуда-то звучат.
В них юности могучие призывы,
В них с пошлостью людской
надежд ее разлад.

И призраки знакомые толпою
На звуки те встают...
С насмешкой на устах
Идут они медлительной стопою
И будто говорят:
«Уж мы давно в гробах

Лежим, забыв стремления земные,
Признав, что жизнь — бесплодная борьба,
Что на земле блаженны только злые,
А праведных разит бессмысленно судьба.

Спокойно мы в могилах наших тлеем,
Нам не восстать из них на голос суеты,
И о тебе мы, бедный, сожалеем:
Еще волнуешься, еще страдаешь ты!

Ты все еще от жизни ждешь чего-то...
Всё грезы юности живут в душе твоей.
Ты думаешь: упорная работа
Веков готовит рай в грядущем для людей.

Последуй в край ничтожества за нами,
Страхни с себя скорей оковы бытия,
Пока еще с младенческими снами
Не навсегда душа рассталася твоя!

В гроб низойти с надеждами отрадно!
Нам не было дано узнать отрады той:
Сомненья дух разбил их беспощадно
Задолго до поры прощанья роковой!»

Исчезните, зловещие виденья!
Я не пойду на ваш печальный зов!
Я жить хочу! Страдания и волненья
Я чашу полную испить до дна готов!

И до конца я веры не утрачу,
Что озарит наш мир любви и правды свет,
Пускай я здесь как в море капля значу,
Но каждый честный бой оставить
должен след.

Исчезните! А вы, святые звуки,
Вы силу новую в мою вдохните грудь.
Хотя бы жизнь одни сулила муки,
Я бодро встречу их,
благословив свой путь!

ЛУННОЙ НОЧЬЮ

И мне когда-то было мило
Светило бледное ночей;
Так много грез оно будило
В душе неопытной моей!

Когда лучи его дрожали
На влаге дремлющей реки,
Душа рвалась к неясной дали,
Полна неведомой тоски.

И было томное сиянье
Путеводителем моим,
Когда спешил я на свиданье,
Кипя восторгом молодым.

Прошли неясные стремленья
И поэтические сны!
Теперь иные впечатленья
Во мне луной порождены.

Досадно мне, что так бесстрастно,
С недостигаемых высот,
Глядит она на мир несчастный,
Где лжи и зла повсюду гнет,

Где столько слабых и гонимых,
Изнемогающих от битв,
Где льется столько слез незримых
И скорбных слышится молитв!

<1859>

Пью за славного артиста,
Что умеет вызывать в нас
Смех то горький, то веселый —
Правды жизни без прикрас.

Не одним своим талантом,
Он и тем еще нам мил,
Что и в жизни, как в искусстве,
Только правде он служил.

Что, свершая путь свой честно,
Чужд интриг остался он, —
И не ходит к сильным мира
С низкой лестью на поклон.

В том сознаются, конечно,
Даже все его враги,
Что товарищам ни разу
Не подставил он ноги...

И счастлив вдвойне, кто может
Так, как он, прожить свой век,
Всеми чтимый как художник,
Как хороший человек.

<1859>

Если в час, когда зажгутся звезды
Над заснувшею, усталою землею,
Молча ты к открытому окошку
Подойдешь, о друг мой, с тайною тоской...

Слушая задумчиво шептанье
Серебристым светом облитых листов,
Обо мне ты вспомни, и душою,
Где бы ни был я, на твой откликнусь зов.

Вспомни, что тревоги и сомненья
Мне ниспосланы на долю от судьбы;
Что во мне так часто гаснет вера,
А твои доступны небесам мольбы.

Вспомни, друг! И помолись, чтоб в душу
Низошла ко мне святая тишина, —
Тишина, какою вся природа
В этот час успокоения полна...

Помолись, чтоб ангел божий с неба
Низлетел ко мне в час смерти роковой,
Чтоб, на кроткие черты его взирая,
Думал я, что ты стоишь передо мной!

<1860>

Я у матушки выросла в холе
И кручины не ведала злой;
Да счастливой девической доле
Позавидовал недруг людской.

Речи сладкие стал он, лукавый,
Мне нашептывать ночью и днем;
И наскучили смех и забавы,
И наскучил мне матери дом.

Сердце билось испуганной пташкой,
Не давало ни часу заснуть;
Подымалась под тонкой рубашкой
Высоко моя белая грудь.

Я вставала с постели босая,
И, бывало, всю ночь напролет
Под окошком кого-то ждала я —
Все казалось мне, кто-то идет...

Я ждала и дождалась милóва,
И уж как полюбился он мне;
Молодца не видала такого
Прежде и никогда и во сне.

Очи карие бойко глядели
На меня из-под черных бровей;
Допытать они, видно, хотели,
Что в душе затаилось моей.

Допытали они, что готова
Хоть на гибель для них я была...
И за милым из дома родного
Я, как малый ребенок, пошла.

Был он барин богатый и где-то
Все в далеких краях проживал;
Слышь, лечился — и только на лето
Он в поместья свои наезжал.

Только лаской его и жила я,
Белый свет с ним казался милей;
Нипочем было мне, что дурная
Шла молва про меня у людей.

Да не думала я, не гадала,
Что любви его скоро конец;
Вдруг постыла милóму я стала:
И с другой он пошел под венец.

Не пригожим лицом, не красою
Приманила дворянка его:
Приманила богатой казною —
Много взял он за нею всего.

С той поры будто солнышка нету,
Все глухая, осенняя ночь;
Как ни жди, не дождешься рассвету;
Как ни плачь, а беде не помочь.

И с красой я своей распрощалась,
Не узнала б теперь меня мать;
Ни кровинки в лице не осталось,
Словно зелья мне дали принять.

Ах! изменой своей — не отравой —
Он с лица мне румянец согнал...
Буду помнить я долго, лукавый,
Что ты ночью мне летней шептал!

<1860>

НА УЛИЦЕ

Вот бежит по тротуару
Моего соседа дочь.
Стройный стан, коса густая,
Глазки черные, как ночь.

В платье стареньком, в дырявой
Кацавейке на плечах;
Знать, с лекарством из аптеки —
Пузырек у ней в руках.

Уж давно недугом тяжким
Бедный мой сосед томим;
И давно столяр-хозяин
Заменил его другим.

Дочь бежит, дрожа от стужи,
А на плиты яркий свет
Бьет волной из магазинов;
И чего-чего в них нет!

Серебро, хрусталь и бронза,
Ленты, бархат и атлас...
И прохожие от окон
Отвести не могут глаз.

Хоть и холод погоняет
И домой пора давно,
А с толпой остановилась
Поглядеть она в окно.

Перетянута в корсете,
Иностранка за столом
Что-то пишет... Чай, тепло ей,
Хорошо в житье таком.

Вот две барыни приходят;
Разодеты в пух оне!
Смотрят вещи дорогие...
Отложили к стороне.

Может, их они наденут
Нынче вечером на бал.
Славно жить богатым людям:
Что по вкусу, то и взял.

И невольно защемила
Сердце девичье тоска;
Видно, вспомнила, бедняжка,
Про больного старика.

И пошла в свой угол темный,
В свой сырой могильный склеп,
Где слезами обливают
Ребятишки черствый хлеб.

Мать сидит и дни и ночи
Над работой заказной,
Чуткий слух свой напрягая,
Не застонет ли больной;

Где, лохмотьями прикрытый,
На полу лежит отец
С неподвижным, тусклым взором,
Желтый, словно как мертвец.

Вот она уж близко дому;
Но при свете фонарей
Видит вдруг — красивый барин
Очутился перед ней.

Он глядит ей смело в очи,
И глядит не в первый раз —
Где б она ни проходила,
С ней встречается тотчас.

И не раз она слыхала
От него такую речь:
«Полюби! тебя я стану
Холить, нежить и беречь.

Будешь ездить ты в карете,
Будешь в бархате ходить.

Как пойдет к твоей головке
Жемчуга большого нить!

Знатной барыней ты будешь,
И семью твою тогда
Перестанет в жестких лапах
Мать сердитая нужда».

Хоть и прочь она бежала
От лукавых тех речей,
Но потом они звучали
Ей порой в тиши ночей.

И теперь, домой вернувшись,
Молчалива и грустна,
Долго думала о чем-то
И вздыхала все она...

<1360>

Нет отдыха, мой друг, на жизненном пути.
Кто раз пошел тернистою дорогой,
Тому на ней лугов цветущих не найти;
Душе больной, измученной тревогой,
Успокоенье смерть одна лишь может дать.
И глупо и смешно его от жизни ждать.
В борьбе с людьми,

в борьбе с самим собою
Пройдет твой грустный век;

и если из-за туч
Хотя на миг — на краткий миг — порою
Тебе живительный проглянет солнца луч, —
Забыв, что ждет за ним опять ненастье,
Что горе новое готово впереди, —
Благодари судьбу, но более не жди:
Нет продолжительного счастья!

<1860>

Скучная картина!
Тучи без конца,
Дождик так и льется,
Лужи у крыльца...
Чахлая рябина
Мокнет под окном;
Смотрит деревушка
Сереньким пятном.
Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Еще просит сердце
Света и тепла!

Все тебе не рады!
Твой унылый вид
Горе да невзгоды
Бедному сулит.
Слышит он заране
Крик и плач ребят;
Видит, как от стужи
Ночь они не спят;
Нет одежды теплой,
Нету в печке дров...
Ты на чей же, осень,
Поспешила зов?

Вот и худ и бледен
Сгорбился больной...
Как он рад был солнцу,
Как был бодр весной!
А теперь — наводит
Желтых листьев шум
На душу больную
Рой зловещих дум!
Рано, рано, осень,
В гости к нам пришла...
Многим не дожидаться
Света и тепла!

<1860>

ДЕКАБРИСТ

Забывши прыгать и кружиться
Под звуки бального смычка,
Вот юность пылкая теснится
Вокруг седого старика.
С ним в разговор она вступает,
И отзыв он дает на все,
Что так волнует, увлекает,
Всегда тревожную, ее.
Хоть на челе его угрюмом
Лежит страданий долгих след,
Но взор его еще согрет
Живой, не старческою думой:
К ученью правды и добра
Не знает он вражды суровой;
Он верит сам, что жизни новой
Придет желанная пора.

Поражены его речами,
Любуясь старца сединой,
Твердили юноши: «Летами
Он только стар, но не душой!»
Блажен, кто в старческие годы
Всю свежесть чувства сохранил,
В ком испытанья и невзгоды
Не умертвили духа сил,
Кто друг не рабства, а свободы,
В ком вера в истину жива
И кто бесстрастно не взирает,
Как человечества права
Надменно сильный попирает.

<1860>

ОБЛАКА

Вот и гроза прошла, и небо просветлело;
Приветно солнышко на божий мир глядит,
Вся степь, как раннюю весной, зазеленела;
И воздух свеж и чист, и птичка в нем
звенит.

И на сердце давно так ясно не бывало;
В нем тихой радостью сменилася тоска:
Всё, чем оно томилось и страдало,
Как будто унесли с собою облака.

Но отчего ж порой боязнью тайной
мучим,
Все устремляю вдаль я свой несмелый
взгляд
И думаю, следя за облаком летучим,
Что старую печаль несет оно назад?

<1861>

НИЩИЕ

1

В удушливый зной по дороге
Оборванный мальчик идет;
Изрезаны камнями ноги,
Струится с лица его пот.

В походке, в движениях, во взоре
Нет резвости детской следа;
Сквозит в них тяжелое горе,
Как в рубище ветхом нужда.

Он в город ходил наниматься
К богатым купцам в батраки;
Да взять-то такого боятся:
Тщедушный батрак не с руки.

Один он... Свезли на кладбище
Вчера его старую мать.
С сумою под окнами пищу
Приходится, видно, собирать...

2

Карета шестеркой несется;
За нею пустился он вслед,
Но голос внутри раздается:
«Вот я тебе дам, дармоед!»

Сурово лакейские лица
Взглянули при возгласе том,
И жирный господский возница
Стегнул попрошайку кнутом.

И прочь отскочил он без крика,
Лишь сладить не мог со слезой...
И дальше пошел горемыка,
Поникнув на грудь головой.

Усталый и зноем томимый,
Он в роще дубовой прилег
И видит, с котомкою мимо
Плетется седой старичок.

«Здорово, парнишка! Откуда?
Умаялся! Хворенький, знать!» —
«Из города, дедушка. Худо
Мне, больно». — «Не хлеба ли дать?

Не много набрал я сегодня,
Да надо тебя пожалеть.
Мне с голоду милость господня
Не даст, словно псу, околеть...»

И с братом голодным, что было
В котомке, он все разделил;
Собрав свои дряхлые силы,
На ключ за водицей сходил.

И горе пока позабыто,
И дружно беседа идет...
Голодного, видно, не сытый,
А только голодный поймет!

<1861>

Перед ветхою избенкой
 Старичок сидит седой,
 И кудрявого ребенка
 Он морщинистой рукой
 Охватил. В свой полушубок
 Завернул его теплей;
 С пухлых щек и алых губок
 Не спускает он очей.
 «Ох! недолго, внучек милый,
 Мне помянчиться с тобой, —
 Говорит старик. — В могилу
 Мне пора уж на покой.
 Долго маялся я; много
 Вынес горя на плечах;
 Не легка была дорога,
 Да господь помог. Он благ.
 Хоть во многом был я грешен
 И хоть часто я роптал,
 Но под старость им утешен:
 Мне он радость ниспослал;
 Знаю я, мой светик Саша,
 Веселей твой будет век:
 Доля ждет тебя не наша —
 Будешь вольный человек!»

<1861>

ВЕСНА

Песни жаворонков снова
Зазвенели в вышине.
«Гостья милая, здорово!» —
Говорят они весне.

Уж теплее солнце греет,
Стали краше небеса...
Скоро все зазеленеет —
Степи, рощи и леса.

Позабудет бедный горе,
Расцветет душой старик...
В каждом сердце, в каждом взоре
Радость вспыхнет хоть на миг.

Выйдет пахарь на дорогу,
Взглянет весело вокруг;
Помолясь усердно богу,
Бодро примется за плуг.

С кротким сердцем, с верой сильной
Весь отдастся он трудам —
И пошлет господь обильный
Урожай его полям!

<1861>

БОЛЬНОЙ

Томим недугом, одинокий,
Он в душной комнате лежал;
Сурово ночь в окно глядела,
И ветер в трубах завывал.

Он молод был... Сгубила рано
Его всесильная нужда...
Лицо его следы носило
Ночей бессонных и труда.

Лежал он бледный, неподвижный;
Огонь в глазах его потух;
Он видел смерть... и к ней с мольбою
Взывал его скорбящий дух:

«Помедли, смерть! Не дай в могилу
Во мраке ночи мне сойти.
При блеске дня хочу я миру
Сказать последнее прости!

Я вижу — призраков ужасных
Толпа кружится предо мной;
Их царство — тьма... И торжествуют
Они над спящею землей...

Как отвратительны их лики!
Порока, зла на них печать!
Но это буйное веселье
Должно с зарею миновать...

Она разгонит их... И люди
Пошлют ей радостный привет!
Помедли, смерть! Пускай увижу
Я утра нового рассвет!»

Он говорил, но жизни пламень
В груди больного догорал...
И ночь всё хмурилась... И ветер
Сердито в трубах завывал.

<1861>

ДЕТИ

Люблю я вас, курчавые головки!
Ваш звонкий смех, и ваша беготня,
И хитрости ребяческой уловки —
Все веселит, все радует меня!

Гляжу на вас в сердечном умиленье,
Житейских нужд забыв тяжелый гнет;
Но коротко отрадное забвенье,
И вновь ему на смену скорбь идет.

И в глубине души, помимо воли,
Мучительный рождается вопрос:
Ужель и вам не видеть лучшей доли?
И вам идти путем бесплодных грез?

Ужель и вы в борьбе со злом могучим
Духовных сил растратите запас?
И правды свет, пронзив густые тучи,
Вам не блеснет и не прогреет вас?

Страдали мы — и верили так страстно,
Что день иной придет. О! неужель
Он и от вас далек — тот день
прекрасный —
И далека стремлений наших цель?

Ответа нет на мой вопрос унылый...
О, дай-то бог, чтоб эта чаша зла,
Которая всю жизнь нам отравила,
До ваших уст, малютки, не дошла!

<1861>

Друзья свободного искусства
Тебе, артист наш дорогой,
С стесненным сердцем,
с грустным чувством
Несут привет прощальный свой.

Ты честно шел — прямой дорогой,
Искусству честно ты служил;
И твой юмор правдивый много
Мгновений светлых нам дарил.

Не в мишуре, не в ложных блестках
Являлся ты перед толпой —
Ты на сценических подмостках
Был человек, а не герой!

Осмыслить пошлые явления
Вседневной жизни ты умел,
И чистый пламень вдохновенья
В душе художника горел.

Смеялись мы, когда пред нами
Лгал с увлеченьем Хлестаков...
Глубоко трогал нас слезами
Своими — Тихон Кабанов.

Но вот недуг неумолимый
День от очей твоих сокрыл —
И расстаешься ты с любимой
Тобою сценой в цвете сил.

И грусть нам в сердце западает,
И слышу я со всех сторон:
«Васильев сцену покидает,
Но позабыт не будет он!»

11 января 1861

ПАМЯТИ К. С. АКСАКОВА

Человек он был...

«Гамлет»

Еще один — испытанный боец,
Чей лозунг был: отчизна и свобода,
Еще один защитник прав народа
Себе нашел безвременный конец!

Он был из тех, кто твердою стопой
Привык идти во имя убежденья:
И сердца жар, и чистые стремленья
Он уберег средь пошлости людской.

Он не склонял пред силою чела
И правде лишь служил неколебимо...
И верил он, что скоро край родимый
С себя стряхнет оковы лжи и зла...

В наш грустный век, на подвиги скупой,
Хвала тому, кто избрал путь суровый...
Хвала тому, кто знамя жизни новой
Умел нести бестрепетной рукой.

Февраль 1861
Москва

Нет! лучше гибель без возврата,
Чем мир постыдный с тьмой и злом.
Чем самому на гибель брата
Смотреть с злорадным торжеством.

Нет! лучше в темную могилу
Унести безвременно с собой
И сердца пыл, и духа силу,
И грез безумных, страстных рой,

Чем, все тупея и жирея,
Влачить бессмысленно свой век,
С смиреньем ложным фарисея
Твердя: «Бессилен человек»,

Чем променять на сон отрадный
И честный труд, и честный бой
И незаметно в тине смрадной,
В грязи увязнуть с головой!

Июнь 1861

Блажен не ведавший труда,
Но щедро взысканный от неба,
Блажен не евший никогда
Слезами смоченного хлеба.
Вольней и легче дышит он,
Здоров и телом и душою;
И не поникнет головою,
Сомненьем ранним удручен.
Светло, разумно и прекрасно
Все в мире кажется ему;
Он волноваться понапрасну
Не даст ни сердцу, ни уму.
Он не растратит духа силы
Средь мелких будничных забот
И безмятежно до могилы,
Не спотыкаясь, добредет.
Но сколько бедных и голодных
Свой черствый хлеб, свой тяжкий груз
За эту жизнь без скал подводных,
За этот рай не отдадут!

Июль 1861

ПОЭТУ

Пускай заманчив гладкий путь,
Но ты своей высокой цели,
Поэт, и в песнях и на деле
Неколебимо верен будь.

Иди, послушный до конца
Призывам истины могучим;
Иди по терниям колючим,
Без ободренья и венца.

И будь бестрепетным бойцом,
Бойцом за право человека;
Не дай заснуть в пороках века
Твоей душе постыдным сном.

И будет песнь твоя сильна,
Как божий меч, как гром небесный;
И не умрет в сердцах она,
Хотя бы смолк твой голос честный.

Июль 1861

Засидно мне смотреть на мудрецов,
Что знают жизнь так хорошо по книгам;
Всё разрешать они привыкли мигом,
В их головах на все ответ готов.

То, что других болезненно тревожит,
Презренья в них рождает или смех;
Сомненья червь у них сердец не гложет;
Непогрешим мужей ученых цех!

Но одного лишь я боюсь немножко:
Что, если жизнь, как дерзкий ученик,
Вдруг стащит с них всеведенья парик
И книжки их все вышвырнет в окошко?

И род людской, сознав, что он идет
Окольную и вязкою дорогой,
Назло иной теории убогой
Вдруг сделает неожиданный поворот?

О, что тогда?.. Но, впрочем, не придут
Ни от чего они, я думаю, в смущенье...
И, прежнего исполнены презренья,
Весь род людской безумным назовут!

Декабрь 1861

НОВЫЙ ГОД

(Н. А. Некрасову)

1

Всем, застигнутым ненастьем.
Всем, кого меж нами нет,
«С Новым годом, с новым счастьем!» —
Шлю сердечный я привет.
Пусть его умчит с собою
Ветер в дальние края —
К вам, житейскою волною
Унесенные друзья!

Всем врагам неправды черной,
Восстающим против зла,
Не склоняющим покорно
Перед пошлостью чела —
Всем привет и всем желанье,
Чтоб и новый этот год
Дал вам силу на страданье,
Бодрый дух среди невзгод!

2

Пестрота, и блеск, и говор...
Вся горит огнями зала;
«С Новым годом, с новым счастьем!» —
Отовсюду зазвучало.

Сколько здесь приличья, такту
И владеть собой уменья!
Что за тонкие оттенки
В рукожатях, в поздравленьях!

Что изящней, благородней
Их манер и разговора:
Ни движений резких нету,
Ни заносчивого спора!..

Вот оркестр внезапно грянул,
Заглушая говор шумный;
Как досадно!.. Насладиться
Не дает беседой умной.

Вплоть до утра всё бы слушал
Я в сердечном умиленье
Эти толки — о пороках
Молодого поколенья.

Как правдиво негодует
Убеленный сединами
Муж, что юноши смеются
Нынче даже... над чинами!

Что прекрасное, святое
Всё пятнать они готовы
И что главного в них нету —
Нету нравственной основы.

Лезут в Гракхи, рассуждают
Про аграрные законы;
Небывалые повсюду
«Меньших братьей» слышат стоны.

Что за речи золотые!
Сердце радостно забьется;
Как подумаю, что слушать
Целый год мне их придется!

31 декабря 1861

О, не забудь, что ты должник
Того, кто сир, и наг, и беден,
Кто под ярмом нужды поник,
Чей скорбный лик так худ и бледен,
Что от небес ему одни
С тобой даны права святыя
На все, чем ясны наши дни, —
На наши радости земные!

И тех страдальцев не забудь,
Что обрели венец терновый,
Толпе указывая путь —
Путь к возрожденью, к жизни новой!
И пусть в доме твоём найдут
Борьбой измученные братья
Забвенье мук, от бурь приют
И брата верные объятья!

31 декабря 1861

МОЛЬБА

И, к небу взор поднявши свой,
Они — исполнены печали —
Из глубины души больной,
Души измученной зывали:
«У нас на подвиг нету сил!
Исходит сердце наше кровью,
Неравный бой нас истомил,
Взгляни, взгляни на нас с любовью!»

С глаголом мира на устах
Мы шли навстречу наших братьей;
Откуда ж их внезапный страх,
Откуда этот вопль проклятий?
Услышав нашу речь, они
Мечи хватали и каменья
И судьям в диком озлобленье
Кричали бешено: «Распни!»

Ужель вражду и злобу мы
В сердцах людей воспламенили
Лишь тем, что больше зла и тьмы
Добро и свет мы возлюбили?
Что призывали богачей,
И сильных мира, и свободных
Не гнать от трапезы своей
Пагих, и сирых, и голодных?

И вот, отверженны людьми,
Изнемогли мы в долгой битве.
О боже истины! вонми
Гонимых чад твоих молитве!
Сердца озлобленных смягчи,
Открой слепым и спящим очи,
И пусть хоть бледные лучи
Блеснут в глубоком мраке ночи!

1861

На сердце злоба накипела
От заученных этих фраз!
Слова, слова! А чуть до дела,
Ни сил, ни воли нет у нас!

Как мы сочувствуем народу,
Как об его скорбим нуждах!
За правду мы в огонь и в воду
Идти готовы... на словах.

Развить логически и здраво
Умеем мы, что гибнет мир;
Что богачей и нищих право
Одно на светлой жизни пир.

И поучаем мы охотно,
Что лень постыдна и вредна;
Что не затем, чтоб кушать плотно
Да празднословить, жизнь дана.

А между тем борьбы упорной
Или сурового труда
Бежим мы с трусостью позорной
И не краснеем от стыда!

И кто, неправдою гонимый,
Себе нашел защиту в нас?
Бесстрастно мы проходим мимо
Людского горя каждый час.

И фразы нам всего дороже!
Нас убаюкали оне...
Когда ж сознаем мы, о боже!
Что нет спасенья в болтовне?

<1862>

Природа-мать! К тебе иду
С своей глубокою тоскою;
К тебе усталой головою
На лоно с плачем припаду.

Твоих лесов немолчный шум
И нив златистых колыханье.
Лазурь небес и вод журчанье
Разгонят мрак гнетущих дум.

Пусть говорят, что ты к людской
Тоске и скорби безучастна,
Что исцеления напрасно
Ждать от тебя душе больной.

Нет, я не верю! С нами ты
Живешь одною жизнью полной;
Или зачем же ропщут волны
И грустно шепчутся листы?

Зачем же с неба хор светил
Земле так ласково сияет
И слезы чистые роняет
Роса на свежий дерн могил?

На все ответ в тебе найдет
Тот, кто с любовью бесконечной
К тебе и гнет тоски сердечной,
И радость светлую несет.

О, не отринь, природа-мать,
Борьбой измученного сына,
Чтобы хотя на миг единый
Сошла мне в душу благодать!

Чтобы с себя я мог стряхнуть
И лжи и лености оковы
И с сердцем чистым, с силой новой
Опять пустился бодро в путь...

**Да окрылит дух падший мой
Восторг могучими крылами;
Да буду мыслью и делами
Я верен истине одной!**

<1862>

ОТЧИЗНА

Природа скудная родимой стороны!
Ты дорога душе моей печальной;
Когда-то, в дни моей умчавшейся весны,
Манил меня чужбины берег дальный...

И пылкая мечта, бывало, предо мной
Рисует всё блестящие картины:
Я вижу свод небес прозрачно-голубой,
Громадных гор зубчатые вершины...

Облиты золотом полуденных лучей,
Казалось, мирт, платань и оливы
Зовут меня под сень раскидистых ветвей,
И розы мне кивают молчаливо...

То были дни, когда о цели бытия
Мой дух, среди житейских обольщений,
Еще не помышлял... И, легкомыслен, я
Лишь требовал у жизни наслаждений.

Но быстро та пора исчезла без следа,
И скорбь меня нежданно посетила...
И многое, чему душа была чужда,
Вдруг стало ей и дорого и мило.

Покинул я тогда заветную мечту
О стороне волшебной и далекой...
И в родине моей узрел я красоту,
Незримую для суетного ока...

Поля изрытые, колосья желтых нив,
Простор степей, безмолвно величавый;
Весеннею порой широких рек разлив,
Таинственно шумящие дубравы;

Святая тишина убогих деревень,
Где труженик, задавленный невзгодой,
Молился небесам, чтоб новый, лучший

Над ним взошел — великий день свободы.

Вас понял я тогда; и сердцу так близка
Вдруг стала песнь моей страны родимой —
Звучала ль в песне той глубокая тоска,
Иль слышался разгул неудержимый.

Отчизна! не пленишь ничем ты чуждый
взор...

Но ты мила красой своей суровой
Тому, кто сам рвался на волю и простор,
Чей дух носил гнетущие оковы...

<1862>

ОНА И ОН

Das ist eine alte Geschichte...

*H. Heine*¹

Ему все мило было в ней:
И смех ребяческий, и ласки,
Ее голубенькие глазки
И пряди светлые кудрей...

Мирился он с своей судьбой,
Когда к плечу его, бывало,
Ласкаясь, тихо припадала
Она головкой молодой.

Целуя чистое чело
И гибкий стан обвив рукою,
Он говорил: «На мир с тобою
Смотрю я честно и светло.

Ты дух мой слабый извлекла
Из бездны страшного паденья;
Звездою яркою спасенья
Ты в небесах моих взошла.

Отныне были б без тебя
Мне дни мои невыносимы;
Тоской безвыходной томимый,
Сошел бы в землю я, любя!»

На речи нежные она
Могла ответить лишь слезами
И не «клялася небесами»
Навеки быть ему верна.

Она без клятв, без громких слов,
Всю жизнь любить его умела;
Она пошла за милым смело,
Покинув свой родимый кров.

¹ Это старая история... Г. Гейне (нем.).

Он был хорош. Лицо его
Следы носило жизни бурной.
Сначала света блеск мишурный
Любил он более всего;

Хоть, может быть, и не блистал
Он там звездой первостепенной
И обращался с ним надменно
Иной сиятельный нахал,

Но сердце женское не раз
Умел пленить он речью страстной;
И были все мужья согласны,
Что он опасен, как Ловлас.

В любви он видел жизни цель,
Бросал, потом опять влюблялся;
С одним соперником стрелялся
И сослан был он за дуэль.

Развратом, картами, вином
Он услаждал тоску изгнания
И, небольшое состоянье
Убив, остался голяком.

Тогда-то он сошелся с ней;
Его ума она сначала
Боялась всё — не понимала
Его возвышенных речей.

Как дикий цвет в полях, цвела
Она, цены себе не зная;
Ей странно было, как такая
Степнячка нравиться могла;

Да и кому еще притом?
Ему, который там, в столице,
Конечно, не с одною львицей
Великосветской был знаком.

Он победить в ней этот страх
Старался нежностью покорной;

Большую опытность, бесспорно,
Имел в сердечных он делах.

И говорил он так умно!
А отличить в наш век, и сразу,
От чувства искреннего фразу
Сердцам наивным мудрено!

И в Петербург с собой увез
Ее он из глуши печальной;
С ним в путь она пустилась дальний
Без горьких жалоб и без слез.

Он представлял друзьям своим
Ее с торжествовавшим взором;
Друзья все поздравляли хором
Его с сокровищем таким.

Как был доволен он и рад,
Когда знакомые артисты,
Бывало, этот облик чистый
С головкой грёзовской сравнят!

Одна беда: своим трудом
Обоим жить им приходилось;
Она без устали трудилась,
Сидела ночи за шитьем;

А он... он места все искал,
Но, получив ответ повсюду
Один: «Иметь в виду вас буду»,
Пока сложивши руки ждал.

Хоть он на связи прошлых лет
Считать имел бы основанье,
Но в этот раз ему вниманья
Не оказал холодный свет.

Уверен я, известно вам,
Читатель мой, что очень трудно
В столице нашей многолюдной
Себя пристроить беднякам.

Себе отказывать во всем
Он не привык. Среди лишений,
Грошовых счетов, огорчений
Нередко желчь кипела в нем.

Купить хотел бы он своей
Подруге пышные наряды,
Чтобы завистливые взгляды
Привлечь, когда идет он с ней.

Ему хотелось побывать
В любимой опере, в балете;
Порой хотелось даже в свете
Блеснуть любезностью опять.

Во сне он часто видел бал;
Гремел оркестр, блистали свечи,
И кто-то пламенные речи
Ему под музыку шептал...

Но что же делала она?
Ей не мечтался говор бальный:
Зажжет себе огарок сальный
И шьет сидит, не зная сна,

Чтоб только он доволен был,
Клясть перестал судьбы нападки;
Чтоб завтра свежие перчатки
Себе к гулянью он купил.

Она была так весела,
Как бы нужды не знала гнета;
Лишь красота, казалось, что-то
Немного блекнуть начала.

Но наконец — хвала судьбе
(Я отношу сей случай к чудным) —
Местечко с жалованьем скудным
Нашел приятель наш себе.

И стал он в должность каждый день
Ходить и там строчить бумаги;

Но ненадолго в нем отваги
Хватило... не осилил лень!

И, тяготясь своим трудом,
Он стал твердить: «Нет, право, мочи
Приказным быть чернорабочим,
Каким-то упряжным волом.

Не снился мне такой удел!
Доволен будет им не каждый;
Моя душа томится жаждой
Иных, полезных миру дел!»

Но если правду говорить,
Он к делу годен был не слишком;
И не таким, как он, умишкам
Дела великие творить!

И становились всё тошней
Ему служебные занятия;
Всё чаще сыпал он проклятья
И на судьбу и на людей!

И даже той он не щадил —
Когда домой к себе, бывало,
Придет сердитый и усталый, —
Кому милее жизни был!

Не раз бросал в лицо упрек
Он ей в минуту озлобления,
Хотя потом просил прощенья
И у ее валялся ног.

То, чем душа была больна,
У ней не изливалось в пенях;
И по ночам лишь на коленях
Молилась пламенно она.

А он все думал об одном:
«Когда ж мне счастье улыбнется?
Иль в должность целый век придется
Мне шляться по грязи пешком?»

Ужели буду поглощен
Я весь чиновничества тиной
И в месяц двадцать два с полтиной
Брать целый век я обречен!»

Желанье благ пережитых
В груди его все возрастало,
И он во что бы то ни стало
Поклялся вновь добиться их.

Давно известно нам из книг,
Что человеку с силой воли
Возможно все. Так мудрено ли,
Что цели скоро он достиг.

Достиг... но не путем труда;
Ведь по привычкам был он барин,
А этот путь неблагодарен
В отчизне нашей, господа!

Он часто льстил себя мечтой,
Что, говорить умея плавно,
Он, верно б, был оратор славный
Иль адвокат в стране иной.

Увы! не то ему судил,
И бед и радостей виновник,
Капризный рок. Один сановник
Тогда в столице нашей жил.

Хотя у старца голова
Была сединами покрыта,
Но называла волокитой
Его стоустая молва.

И точно, от семьи тайком
(Имел детей он и супругу)
Завел он нежную подругу
И ей купил в Коломне дом.

Связь эта длилась много лет,
И дочь была плодом их страсти,

Хоть, признаюсь, темно отчасти,
Кто произвел ее на свет.

Ее любил он: исполнял
Он дочки каждую затею
И обещался дать за нею
Довольно круглый капитал.

Охота страшная была
У ней отведать жизни брачной;
Но, к сожалению, невзрачной
Ее природа создала.

Хотя подчас пускала в ход
Она румяна и белила,
Но женихов не находила,
А ей уж шел двадцатый год.

Она училась кой-чему,
Но не могла прочесть без скуки
Двух слов: не нравились науки
Ее небойкому уму.

Боялась мать, чтобы греха
Какого с дочкой не случилось, —
И к старцу с просьбой обратилась
Скорей найти ей жениха.

Примерным старец был отцом
И, много времени не тратя,
Искать усердно начал зятя
В обширном ведомстве своем.

И наш приятель там служил;
Фигурой стройной, смелым взором,
Изящным светским разговором
Он тотчас старца поразил,

И старец был ужасно рад,
Что сей чиновник интересный
Живет себе в каморке тесной,
Что беден он и не женат.

К себе он на дом звал его
И там однажды, в кабинете,
Открыл ему, что на примете
Имел невесту для него;

Что не красавица она,
Но обладает состояньем,
Притом с отличным воспитаньем,
И будет добрая жена.

Отвесил наш герой поклон,
И с восхищенным старцем вместе
На смотр к назначенной невесте
Поехать согласился он.

Невеста юная гостей
Ждала с тоской нетерпеливой;
Жених изящный и красивый
Давно во сне являлся ей.

Когда ж предстал ей наяву,
Ее он просто озадачил;
Ей стало жаль, что не назначил
Он где-нибудь ей рандеву.

Что не сошлись они тайком
В саду, в аллее темной, длинной,
А здесь, в гостиной этой, чинно
Сидят, и даже не вдвоем...

Сбылся ее заветный сон,
Его мечты сбывались тоже;
Так дожидаться им чего же?
Вопрос о браке был решен.

Но в душу страх ему проник:
Как объяснить подруге прежней?
А объяснение неизбежной
Все становилось каждый миг.

И, этот страх преодолеть
Не в силах будучи, из дому

Он скрылся раз... Она к знакомой
Пошла в тот вечер посидеть.

Когда ж назад она пришла
И, победив свою дремоту,
Хотела взяться за работу, —
Письмо на столике нашла.

Рукой дрожащею печать
Она в испуге надломила,
Прочла... Слезы не проронила
И тихо села на кровать...

И просидела так она
Вплоть до утра, храня молчанье,
Как будто скорби изваянье,
И недвижима и бледна.

Он ей поведал коротко,
Что в нем уж нету прежней страсти,
Что чувства все не в нашей власти
И с сердцем сладить нелегко.

Ну, словом, он сумел мотив
Найти достаточный измене
И кончил нежно, в нотабене
Подруге помощь предложив.

Но вот уж розовым лучом
К ней 'утро в комнатку блеснуло:
Она очнулась и взглянула
Глазами мутными кругом.

У ней, казалось, на лице
Уж нет отчаянья и тени;
Привстала... дверь толкнула в сени
И очутилась на крыльце.

Всё спало. Даже в мелочной
Лавчонке не было продажи,
И не гремели экипажи
Еще по пыльной мостовой.

С крыльца сошла она и вот
Куда-то улицей пустою
Идет поспешною стоюю,
Не озираясь идет.

Дома и церкви перед ней
Громадно высились... Но скоро
Пошли лачуги да заборы,
А там застава, даль полей...

Минуя фабрик дымных ряд,
Кладбища тесные могилы,
Она идет, идет... и силы
Ей изменить уже хотят.

Ей темя жжет полдневный зной,
Томят ее усталость, голод...
А сердце, словно тяжкий молот,
Стучит у ней в груди больной.

Переступать она с трудом
Могла — подкашивались ноги...
И вдруг упала средь дороги,
Как колос, срезанный серпом...

Купцом проезжим найдена,
Она в ближайший стан попалась;
И при допросе оказалось,
Что сумасшедшая она.

А наш приятель получил
Довольно выгодное место
И с некрасивою невестой
Спустя неделю в брак вступил.

Я видел раз, как их несла
В коляске модной серых пара, —
И пожалел лишенных дара
Свои обделывать дела!

ДВЕ ДОРОГИ

(Посв<ящается> И. С. Аксакову)

1

Две легли дороги, братья, перед нами,
А какая лучше, рассудите сами.
Первая дорога — широка, привольна;
Всякого народу ходит тут довольно;
Глаже, веселее не сыскать дороги;
Не изрежут камни пешеходу ноги;
По бокам всё рощи с темною листвою;
Есть где приютиться от дождя и зною.
И в садах роскошных недостатка нету,
И гулять в них может всякий без запрету.
Там плоды на солнце, наливаясь, зреют,
Там цветы в зеленой мураве пестреют,
Как богатой ткани яркие узоры,
Любоваться ими не устанут взоры;
И ведет не к горю, не к нужде гнетущей,
А к счастливой доле этот путь цветущий.
В роскоши да в неге, весело, богато
Заживет счастливец в расписных палатах;
Перед ним холопы будут изгибаться,
От него подачки жадно добиваться...
Золотом пресыщен и пресыщен властью,
Попривыкнув к лести и к подобострастью.
Он совсем забудет, что на белом свете
Есть нужды и горя страждущие дети,
Что они не знают счастья до могилы.
А чела не клонят рабски перед силой.
Славная дорога! Хоть кого заманит,
Околдует сердце, разум отуманит!

2

Но другой есть путь — кремнистый,
По горам крутым идет;
Не шумит здесь сад тенистый
И не зреет сочный плод.

Только острые каменья
Чья-то щедрая рука
Разбросала на мученье
Пешехода-бедняка.
Терн колючий то и дело
Вырастает из земли
И ему вонзает в тело
Иглы острые свои.
И идущим по такому
Безотрадному пути —
В золоченые хоромы,
К наслажденью не прийти!
И не ждут они веселья,
На пирах им места нет:
В путь они пустились с целью
Проложить в пустыне след.
Хоть угрюма та дорога
И не к радости ведет,
Но по ней за ними много
Новых путников пойдет
С упованьем, что желанный
Час придет когда-нибудь,
Что на край обетованный
Будет им дано взглянуть;
И с душою умиленной,
В этот час, с крутых высот,
Солнца правды над вселенной
Встретят путники восход!..
Так-то, братья! Перед нами
Пролегают два пути:
Рассудите же вы сами,
По какому нам идти!

РОДНОЕ

Свесилась уныло
Над оврагом ива,
И все дно оврага
Поросло крапивой.

В стороне могила
Сиротеет в поле.
Кто-то сам покончил
С горемычной долей!

Вон вдали чернеют,
Словно пни, избушки;
Не из той ли был он
Бедной деревушки?

Там, чай, труд да горе,
Горе без исхода...
И кругом такая
Скудная природа!

Рытвины да кочки,
Даль полей немая;
И летит над ними
С криком галок стая...

Надрывает сердце
Этот вид знакомый...
Грустно на чужбине,
Тяжело и дома!

<1862>

СОВЕТЫ МУДРЕЦОВ

1

Нет! Вы к делу не годитесь,
В вас «умеренности» нет!
Лучше с жизнью примиритесь,
Бросьте юношеский бред!
Ненавидеть слишком страстно,
Слишком искренно любить —
Это в книгах все прекрасно,
Но иначе нужно жить.
В идеалах мало проку,
В них, напротив, вся беда:
С идеалами далеко
Не уйти вам никогда!

2

Ваш язык острее бритвы,
Желчь в речах у вас слышна;
Жизнь, по-вашему, для битвы
Для какой-то создана,
Злым началом отрицанья
Дух ваш слишком заражен;
Всё вам видятся страданья,
Всё вам слышен чей-то стон.
Отрицайте осторожно
И карьеры не губя;
Иногда ругнуть и можно,
Но не громко... про себя!

3

«Или белый, или черный —
Что-нибудь из двух одно!» —
Вами, с пылкостью задорной,
Очень быстро решено.
Это крайности! Ни меры,
Ни границ в вас чувства нет!

Лучший цвет, поверьте, серый:
Он «умеренности» цвет.
А она земные блага
И спокойствие дает;
Вы ж безумною отвагой
Только тешите народ!

4

Но придете вы к тому же!
Поседеет голова,
И стремленья станут уже,
Осторожнее слова...
Если ж в сердце сохранится
Пламень юношеских лет,
Лучше б вам и не родиться:
Не уйдете вы от бед!
Бросьте ваши увлечения,
Изберите путь иной —
Путь единственный спасенья:
Середины золотой!

<1862>

В ЛЕСУ

Шумели листья под ногами,
Мы шли опушкою лесной.
Роса над спящими лугами
Ложилась белой пеленой.

Мы шли. Он молод был, звучала
Отвагой пламенная речь.
Он говорил: «Пора настала,
И стыдно нам себя беречь.

Дружней приняться за работу
Должны все честные умы;
И лжи и зла двойному гнету
Довольно подчинялись мы.

Довольно трусости и лени,
К нам перешедшей от отцов,
И бесполезных сожалений,
И красноречия цветов.

Пускай толпа за подвиг смелый
Нам шлет бессмысленный укор;
Не бросим мы святого дела!
Мы встретим радостно позор!..»

Речам восторженным внимая,
Я думал: «Дай-то, дай-то бог,
Чтоб, на неправду восставая,
Ты в битве той не изнемог!»

Он замолчал... А лес сосновый,
Кивая, ветви простирает,
Как бы его на труд суровый,
На путь святой благословлял...

<1862>

НОЧЬЮ

Неприветна, молчалива
Ночь глядит в мое окно;
Время тянется тоскливо,
Спят домашние давно.

Одному лишь мне не спится:
Только дня замолкнет шум,
В голове моей гнездится
Рой зловещих, мрачных дум.

Все испуганному взору
Призрак смерти предстает,
И сдается мне, что скоро
С жизнью кончится расчет.

Страсти! жизни! Хоть вас порою
Проклинал я, жаль мне вас!
Пусть гнетущею тоскою
Грудь полна и в этот час,

Оттого что тьма густая
Над землей еще висит
И повсюду сила злая
Торжествует и крушит.

Но я верю... и расстаться
Жаль мне с верою моей;
Все хотелось бы дожидаться
Первых истины лучей!

Жаль покинуть сердцу милых,
Кто и лаской и слезой
В дни, когда слабел я в силах,
Врачевал мой дух больной!

Кто словами укоризны
Сердце мне не уязвил,
Но кому немало в жизни
Я мгновений отравил.

Жаль мне ненависти честной,
Дорогих любви забот...
Неужель в могиле тесной
Скоро, скоро все заснет?

<1862>

* * *

Всю-то, всю мою дорожку
Ранним снегом занесло!
Было время золотое,
Да как сон оно прошло.
Было время — и блистало
Солнце в яркой синеве,
И цветов пестрело много
В зеленеющей траве.
Шумом радостным шумели
Бесконечные леса...
И звенели в темной чаще
Вольных птичек голоса.
И река спокойно в море
Волны чистые несла;
И дрожащим в этих волнах
Звездам не было числа!

Но разнес осенний ветер
Пожелтевшие листья;
И под холодом поникли
Запоздалые цветы...
Улетели в край далекий,
Под иные небеса,
Птички вольные, покинув
Обнаженные леса!
И в волнах реки шумящих
Не лазурный, чистый свод,
Не бесчисленные звезды —
Тучи смотрятся с высот...

Было время — молодое
Сердце билось в груди;
Жизнь, и счастье, и свободу
Обещало впереди!
Божий мир казался тесен
Для могучих юных сил;
Как орел ширококрылый,
В беспредельность дух парил!
Жажда подвигов высоких
Волновала смелый ум;

Много в сердце было страсти,
В голове — кипучих дум!
Жизнь! зачем же обещаний
Не сдержала ты своих
И зачем не пощадила
Упований молодых?
Сгибло все: надежды, силы...
Как ненастною порой
Зеленеющие всходы
Под дыханьем бури злой!
Было время золотое,
Да как сон оно прошло!
Всю-то, всю мою дорожку
Ранним снегом занесло!

<1862>

К ЮНОСТИ

(Посвящается молодому поколению)

О юность, юность. где же ты?
Где эта пылкая отвага
И вдохновенные мечты?
Готовность где во имя блага,
Покинув все — семью и дом, —
Идти на битву с мощным злом?

Их нет давно!.. И нету сил
На подвиг трудный и суровый;
Как раб, что много лет носил
Неволи тяжкие оковы,
Я духом слаб, я изнемог,
Сломил меня железный рок.

Лишь одного житейский гнет
Убить в душе моей не в силах,
Одно в ней только не умрет,
Хотя и будет в этих жилах
Струиться старческая кровь:
К отважной юности любви!..

Когда, толпясь вокруг меня,
Кипит младое поколение,
Иного, радостного дня
Рассвет я вижу в отдаленье
И говорю с восторгом я:
«Бог помочь, братья и друзья!

Несите твердою рукой
Святое знамя жизни новой,
Не отступая пред толпой,
Бросать камнями готовой
В того, кто сон ее смутит,
Чья речь, как божий меч, разит.

Бог помочь, братья и друзья!
Когда ж желанный день настанет,
Пусть ваша дружная семья
Отживших нас добром помянет,
Нас всех, чья молодость прошла
В борьбе с гнетущей силой зла!»

25 февраля 1862

ЛЖЕУЧИТЕЛЯМ

Жрецы греха, пророки тьмы!
Напрасно вы постыдной ложью
Затмить хотите правду божью,
Сердца опутать и умы!
Бессильны злобы ухищренья.
Бессильно жало клеветы:
Свободы пылкие мечты,
Ко благу честные стремленья
Вам не убить! Года пройдут,
И лжи замрет бесследно голос;
Зерно добра даст пышный колос,
А ваши плевелы сгниют!

Иль ослепленным вашим взорам
Заря иная не ясна?
Вам дела нет, что племена,
Покончив с вековым раздором,
Друг другу руки подают;
Что столько свергнуто кумиров
И что сильнее всех сильных мира
Стал мысли животворный труд!
Вам дела нет! Но час настанет,
Жрецы греха, пророки тьмы,
И человек, как от чумы,
От вас с проклятием отпрянет!
И вы, с позором на челе,
Пойдете, ужасом объаты,
Как древле брат, убивший брата,
Искать приюта на земле!

27 февраля 1862

ЛЕТНИЕ ПЕСНИ

1

Запах розы и жасмина,
Трепет листьев, блеск луны...
Из открытых окон льется
Песня южной стороны...

И томят и нежат душу
Эта ночь и песня мне;
Что затихло, что заснуло —
Снова будят в ней оне.

И неожиданно вострепелась
Вереница давних грез;
А казалось, что навеки
Эти грезы рок унес;

И что все, чем в молодые
Дни душа была полна,
Поглотила неозвратно
Жизни мутная волна!

Но опять потухший пламень
Загорается в крови,
И опять раскрылось сердце
Для восторга и любви!

Пахнут розы и жасмины,
Серебримые луной...
И поет, поет о счастье
Чей-то голос молодой!

<1862>

2

И вот шатер свой голубой
Опять раскинула весна;
Окроплены луга росой,

И серебристой полосой
Бросает свет на них луна.

Светла, как детский взор, река,
И ветви ив склонились к ней
Под гнетом легким ветерка;
И прилетел издалика
С звенящей трелью соловей...

Прекрасны вы, дары весны;
И горе бедным и больным,
Чьи очи горьких слез полны...
Такие ночи созданы
Для тех, кто счастлив и любим!

<1862>

3

Отдохну-ка, сяду у лесной опушки;
Вон вдали — соломой крытые избушки,
И бегут над ними тучи вперегонку
Из родного края в дальнюю сторонку.
Белые березы, жидкие осины,
Пашни да овраги — грустные картины;
Не пройдешь без думы без тяжелой мимо.
Что же к ним всё тянет так неодолимо?

Ведь на свете белом
всяких стран довольно,
Где и солнце ярко,
где и жить привольно.
Но и там, при блеске голубого моря,
Наше сердце ноет от тоски и горя.
Что не видят взоры ни берез плакучих,
Ни избушек этих сереньких, как тучи;
Что же в них так сердцу дорого и мило?
И какая манит тайная к ним сила?

Июль 1861

Люблю я под вечер тропанкою лесною
 Спуститься к берегу зеленому реки
 И там, расположась под ивою густою,
 Смотреть, как невод свой закинут рыбаки,
 Как солнце золотит прощальными лучами
 И избы за рекой, и пашни, и леса,
 А теплый ветерок меж теч. шумя листьями,
 Едва-едва мой взвевает волосы,
 И ласково лицо мое целует ива,
 Нагнув ко мне свои серебристые листы.
 О, как мне хорошо!

Довольный и счастливый,
 Лежу я вдалеке от скучной суеты;
 Мне в уши не жужжат заученные фразы
 Витий, что ратуют за

«медленный прогресс»
 И от кого бы прочь бежал, как от заразы,
 В пустыни дикие, в непроходимый лес.
 Порою в разговор рыбак со мной вступает
 О том, какой ему на долю выпал лов,
 Как сына он к дьячку учиться посылает...
 И я внимать ему хоть целый день готов:
 Мне по душе его бесхитростное слово,
 Как по душе мне жизнь

среди вспаханных полей, —
 Здесь, пошлости и лжи стряхнув
 с себя оковы, —
 Свободней я дышу и чувствую полней.

Июль 1861

Солнце горы золотило,
 Золотило облака.
 Воды светлые катила
 В яркой зелени река.

И казалось, эти воды
Унесли с собою вдаль
И недавние невзгоды,
И недавнюю печаль.

И как будто воротилась
Снова дней моих весна;
Сердце весело так билось,
Так душа была ясна.

Все, чего душа просила
Так напрасно с давних пор,
Все природа ей дарила:
И свободу, и простор!

Июль 1862

6

Ночь пролетала над миром,
Сны на людей навевая;
С темно-лазоревой ризы
Сыпались звезды, сверкая.

Старые мощные дубы,
Вечнозеленые ели,
Грустные ивы листвою
Ночи навстречу шумели.

Радостно волны журчали,
Образ ее отражая;
Рожь наклонялась, сильнее
Пахла трава луговая.

Крики кузнечиков резвых
И соловьиные трели,
В хоре хвалебном сливаясь,
В воздухе тихом звенели,

И улыбалася кротко
Ночь, над землей пролетая...
С темно-лазоревой ризы
Сыпались звезды, сверкая...

Июль 1862

7

Бледный луч луны пробился
Сквозь таинственной листвы,
И приносит ветер теплый
Запах скошенной травы.

Все бы только здесь лежал я,
Под навесом этих ив,
В даль немую, в купол звездный,
Взор бесцельно устремив;

Все бы слушал, как вершина
Ивы дремлющей шумит,
Как на темном дне оврага
По камням родник журчит.

Это тихое журчанье,
Шелест листьев, свет луны —
На меня всё навевает
Примирающие сны...

Ночь! с твоим сияньем кротким,
Для усталого меня,
Ты дороже и милее
Ярко блещущего дня...

Июль 1862

Что ты поникла, зеленая ивушка?
 Что ты уныло шумишь?
 Или о горе моем ты проведала,
 Вместе со мною грустишь?

Шепчутся листья твои серебристые,
 Шепчутся с чистой волной...
 Не обо мне ли тот шепот таинственный
 Вы завели меж собой?

Знать, не укрылася дума гнетущая,
 Черная дума от вас!
 Вы разгадали, о чем эти жгучие
 Слезы лилися из глаз?

В шепоте вашем я слышу участие;
 Мне вам отрадно внимать...
 Только природе страданья незримые
 Духа дано врачевать!

<1863>

Зачем при звуках этих песен,
Знакомых песен старины,
Ты, сердце, сильно так забилося,
Как будто в дни своей весны?

Ужель восторги и печали,
Все бури юношеских лет,
В тебе оставили навеки
Ничем не изгладимый след?

Ты жарко верило, любило —
Но жизнь разбила все мечты.
Жизнь ничего не пощадила,
Пред чем благоговело ты!

И холоднее год от году
В тебе струиться стала кровь...
Что ж встрепенулось ты? Иль пламень.
Давно угасший, вспыхнул вновь?

Иль просто жаль тебе былого:
Тревог и чувств пережитых?
Но как волну, что вдаль умчалась,
Не воротить нам больше их!

Оставь напрасные порывы,
Тревоги старые забудь...
О! лучше б нам под эти звуки
С тобой последним сном заснуть!

<1863>

В суде он слушал приговор —
Его галеры ожидали:
Он был бедняк, и был он вор.
Неделю дети голодали,
И, нищетой удручена,
Глядела в гроб его жена;
Труды, заботы, огорченья,
Знать, не по силам были ей;
И поддался он искушенью:
Украл на хлеб семье своей.

И осуждение бесстрастно
Прочел ему синедрион:
Казалось, нищетой ужасной
Никто из них не поражен;
Пример не нов, да и напрасно
Жалеть — неумолим закон!
Лишь одному людское горе
Доступно было в этот миг,
Любовь в одном светилась взоре:
Глядел — и кроток и велик —
Среди безмолвной тишины
Христос распятый — со стены...

<1863>

УМИРАЮЩИЙ

Оставь, душа, сомненья и надежды!
Конец борьбе с мирским всеильным злом.
Я чувствую: сомкнутся скоро вежды,
Близка пора заснуть последним сном!

Истощены бесплодно наши силы;
Мы не щадя их тратили в борьбе;
Но у дверей темнеющей могилы
Мы не пошлем проклятия судьбе.

И от нее не ждем мы воздаянья
За все, чем жизнь была отравлена...
Страдали мы — но были те страданья
Дороже нам бездействия и сна.

Покинем мир спокойно, без упрека;
Пусть не для нас победные венцы,
Пусть цель от нас была еще далеко,
Но пали мы как честные борцы!..

<1863>

ВЕСНА

Опять весной в окно мое пахнуло,
И дышится отрадней и вольней...
В груди тоска гнетущая заснула,
Рой светлых дум идет на смену ей.

Сошли снега... Оковы ледяные
Не тяготят сверкающей волны...
И плуга ждут далекие, немые
Поля моей родимой стороны.

О, как бы мне из этих комнат душных
Скорей туда хотелось — на простор,
Где нету фраз трескучих и бездушных,
Где не гремит витий продажных хор.

В поля! в поля! знакомая природа
К себе красой стыдливою манит...
В поля! там песнь воскресшего народа
Свободная и мощная звучит.

<1863>

ИПОХОНДРИЯ

Подумать страшно, что такой
Конец сужден житейской драме;
Что будешь в узкой, темной яме
Лежать недвижимый и немой;

Что черви примутся точить
Твое покинутое тело —
Точить то сердце, что умело
И ненавидеть и любить.

И после многих, многих лет
Какой-нибудь мечтатель праздный
Найдет твой череп безобразный
И унесет в свой кабинет,

Чтоб вместо мрамора лежал
Он на листах бумаги пыльной
Или детей, жилец могильный,
Как зашалают они, пугал.

<1863>

ОСЕНЬ

Я узнаю тебя, время унылое:
Эти короткие, бледные дни,
Долгие ночи, дождливые, темные,
И разрушение — куда ни ьзгляни.
Сыплются с дерева листья поблекшие,
В поле, желтея, поникли кусты;
По небу тучи плывут бесконечные...
Осень докучная!.. Да, это ты!

Я узнаю тебя, время унылое,
Время тяжелых и горьких забот:
Сердце, когда-то так страстно любившее,
Давит мертвящий сомнения гнет;
Гаснут в нем тихо одна за другою
Юности гордой святые мечты.
И в волосах седина пробивается...
Старость докучная!.. Да, это ты!

<1863>

ТУЧИ

Отвори, мой друг, окошко,
Воздух тепел и душист,
Ни один не колыхнется
На березках белых лист.

Отвори, мой друг, окошко
И не бойся. Стороной
Туча грозная промчалась,
Нас пугавшая с тобой.

Но я вижу, ты за нею
Робким взором все следишь;
И грозу — тебе сдается —
Предвещает эта тишь.

Посмотри! Блеснуло солнце...
В бледно-розовых лучах
Тонет даль полей немая...
Отгони свой детский страх;

Посмотри, как чист и ясен
Солнца летнего закат...
И на завтра безмятежный
Небеса нам день сулят.

Но я знаю, что за дума
На челе твоём легла:
Ты забыть не можешь тучи,
Что далеко уплыла.

И, невольно подымая
К небу грустные глаза,
Говоришь себе: «Над кем-то
Грянет страшная гроза!

Дай-то бог, чтоб не застигла
Бедных странников она —
Бедных странников, бредущих
В ночь без отдыха и сна;

Не застигла б тех, кто бросил
Ближних, родину и дом
И пошел к далекой цели
Неизведанным путем!»

Июль 1863

Что год, то новая утрата, —
И гибнут силы без конца!
Еще меж нами нет собрата,
За правду честного бойца!

Подумать страшно, скольких мы
Недосчитались в эти годы!
Их всех, врагов отважных тьмы,
Сломили ранние невзгоды.

И вот над свежеею могилой
Нас дума тяжкая гнетет...
Ужели та же участь ждет
Все возникающие силы?

9 октября 1863

* * *

Честные люди, дорогой тернистою
К свету идущие твердою стопой,
Волей железною, совестью чистою
Страшны вы злобе людской!

Пусть не сплетает венки вам победные
Горем задавленный, спящий народ, —
Ваши труды не погибнут бесследные;
Доброе семя даст плод.

Сбудутся ваши святые желания,
Хоть не дожидаться поры этой вам
И не видать, как все ваши страдания
Здесь отольются врагам.

Вестники правды, бойцы благородные,
Будете жить вы в правдивых сердцах,
Песню могучую люди свободные
Сложат о ваших делах.

1863

• • •
Если хочешь ты, чтоб мирно,
Ясные дни твои летели,
Брось тревожные вопросы
И возвышенные цели.

Пусть орлы парят высоко
Где-то там, под облаками;
Что тебе до них! По-волчьи
Вой себе, живя с волками.

Верь, гораздо ближе к делу,
Отложив пустые бредни
О воздушных этих замках,
Постоять часок в передней;

Чаще льстить тому, кто силен
(Но не грубо льстить — с умением),
Чем без проку на неправду
Нападать с ожесточением.

Не гнушайся дураками —
Это сила в наше время;
Ты насмешкой не убавишь
Их плодящееся племя.

Слушай вздор их терпеливо:
В люди выскочить поможет
Кто-нибудь из них, пожалуй;
Насолить же всякий может.

Общепринятой морали
Ты придерживайся строго
И иди, не уклоняясь,
Торной, битой дорогой.

В тех же, кто с нее своротит.
Полон рьяного усердья,
И камнями и грязью
Ты швыряй без милосердья.

Чтоб беды какой не вышло,
Дипломата изреченью
Верен будь: «Не поддавайся
Сердца первому движенью»;

Брось мечты о благе ближних,
Семьянином будь примерным;
И жену и ребятишек
Обеспечь доходом верным.

И твой век пройдет счастливо;
А покинешь мир наш бранный,
Скажут все, идя за гробом:
«Вот скончался муж почтенный»;

Слишком был хорош для мира,
Потому и взят он богом».
И почитит тебя, быть может,
Даже пресса некрологом.

<1864>

Смотрю на нее и люблюсь:
Как птичка, порхает она,
И уст ее детских улыбка,
Как майское утро, ясна.

Смотрю и люблюсь, а сердце
Привычная дума гнетет:
Быть может, и эту головку
Судьба невеселая ждет.

И скоро, быть может, поникнет
Под бурей житейской чело,
Слезой отуманятся глазки,
Что смотрят на мир так светло.

Настанет тяжелое время
Тоски и душевных тревог...
Но всё же пусть лучше страданья
В удел посылает ей рок,

Чем пошлости омут бездонный,
Что много так жертв поглотил,
Где много так гибнет бесследно
И честных стремлений, и сил.

<1864>

ГОСТИ

(С немецкого)

Всё-то, всё они болтают!
Нет конца их болтовне...
И безжалостно терзают
Эти люди сердце мне.
Им не видеть, как исходит
Кровью бедное оно,
Что иных в могилу сводит —
Им и странно и смешно.
Их не гложет червь сомненья,
Им неведома борьба,
Бережет их от волненья,
От житейских гроз судьба!
В ночь бессонную незримых
Слез никто из них не льет,
В них судей неумолимых
Падший брат всегда найдет.
Чья душа тоской объята,
Кто утратил и сгубил
Все, чему он верил свято,
Все, что искренно любил.
Кто клянет свое паденье,
Век свой, тщетно прожитой, —
К ним за словом ободренья
Не пойдет с своей тоской.
Боже! Как они болтают —
Нет конца их болтовне —
И на части разрывают
Беспощадно сердце мне.

<1864>

ПАМЯТИ Е. А. ПЛЕЩЕЕВОЙ

1

Как ей, почившей вечным сном,
В гробу из дома унесенной,
Уж не вернуться в этот дом,
К семье, печалью удрученной, —

Так в сердце бедное мое
И радость больше не вернется;
В нем скорбь на долгое житье
Незваной гостьей остается.

Не озарит души моей
Былого счастья луч отрадный;
И жизнь, что ждет меня, мрачней
Осенней ночи беспроглядной...

2

Ты не любила этот свет,
Где вечно добрые страдали,
И отошла в тот край, где нет
«Ни воздыханья, ни печали».
И что, как перл в волнах морей,
Таилось в любящей и честной,
Не знавшей лжи душе твоей,
Осталось людям неизвестно.

Как мало их, кто понимал
Высокий подвиг жизни темной,
От чьих очей не заслонял
Мишурный блеск твой образ скромный.
Кому не чужд был мир твоих
Заветных дум, надежд любимых, —
Их мало, но тобою в них
Оставлен след неизгладимый.

Вот она, твоя могила,
 Снегом вся занесена.
 Все, чем сердце дорожило,
 Все, чем жизнь была ясна, —
 Все-то, все навек сокрыла
 От очей моих она!

И стою над ней, рыдая,
 С головой поникшей я.
 О, явись мне, дорогая,
 Безупречная моя!

О, покинь хоть на мгновенье
 Тесный, мрачный свой приют;
 И уста твои прощенье
 Мне пускай произнесут.

Все прости, что омрачало
 Дни недолгие твои;
 И с улыбкой, как бывало,
 На меня опять взгляни!

Тщетен зов мой!.. И не взглянет
 На меня твой кроткий взгляд.
 Образ милый не предстанет,
 И уста твои молчат!
 Что земли добычей станет,
 Не вернет она назад!

Одинок стою, взывая
 К незабвенной тени я;
 И скорбящая, больная
 Рвется к ней душа моя!

Январь 1865
 Москва

APOSTATEN-MARSCH ¹

(Мотив одного немецкого поэта)

Пресмыкаться в грязи,
ноги сильным лизать,
За подачку от них продавать убежденье,
Кто отважен и чист, на того клеветать,
Чтоб изведal беду и гоненье, —
Вот оно, призванье наше!
Служим верно мы ему.
Горе мысли неподкупной!
Гибель честному уму!

Горе пылким сердцам,
что мечты юных дней
Словно клад берегут и,
по старой привычке,
Всё о правде кричат да о благе людей, —
Мы дадим им опасные клички.

Горе тем, кто в лицо нам бросает укор,
Кто позором клеймит наше дело и слово;
Мы толпе закричим: он разбойник и вор,
Подавайте скорее оковы!

Было время, когда мы, подъявши чело,
Тоже рвались к борьбе и немало шумели;
Слава богу, теперь опьяненье прошло,
Мы другие преследуем цели.

Мы сознали, что всё эти грезы смешны,
Что к почету ведет нас дорога иная
И что старый свой грех искупить
мы должны,
Честь и совесть в грязи попирая!

Пресмыкаться в грязи,
ноги сильным лизать,
За подачку от них продавать убежденье,
Кто отважен и чист, на того клеветать,
Чтоб изведal беду и гоненье, —

¹ Песня отступников (нем.).

**Вот теперь призванье наше!
Служим верно мы ему.
Горе мысли неподкупной!
Гибель честному уму!**

Октябрь 1865

СЛАВЯНСКИМ ГОСТЯМ

Примите, славяне, наш братский привет,
Любовью он к вам непритворной согрет,
Примите желанье — да крепнет
Духовный меж нами союз,
Чтоб козни врагов не расторгли
Нас ныне связующих уз.
Да крепнет на долгие, долгие лета
Под знаменем правды, науки и света!

Мы верим, что к цели великой
Господня ведет нас рука,
Мы верим — желанная вами
Пора возрожденья близка.
И мощным бойцам за народность и право
Воскликнет весь мир с изумлением:
«Слава!»

23 мая 1867
Москва

Где ты, пора веселых встреч, —
В саду при ярком свете дня?
И детски ласковая речь,
Любить учившая меня?

Где незабвенная пора,
Когда житейскою тропой,
Чиста, правдива и добра,
Она шла об руку со мной?

Где кроткий свет прекрасных глаз,
Что примиренье в душу лил?
На миг блеснул он — и погас,
На миг он путь мой озарил!

И снова мраком и объят.
И только бледные лучи
Воспоминания дрожат,
Еще порой в моей ночи.

Их свет не греет, не живит;
Но жизнь без них еще мрачней;
Больное сердце дорожит
И призраком счастливых дней...

<1868>

* * *

Когда тебе молчанием суровым
За ласки я платил, моё дитя,
Иль оскорблял тебя ревнивым словом,
Стихала ты, поникнув и грустя.
В глазах твоих напрасно я старался
Подметить гнев: лишь скорбь

я видеть мог,
И никогда в тот миг не вырывался
Из уст твоих язвительный упрек.

Когда ж потом, с рыданьем и мольбою
К ногам твоим припав, я говорил:
«Судьба велит расстаться нам с тобою,
Тебе одно лишь горе я дарил!
Оставь меня! Моя душа больная
Былых невзгод с тебя не сбросит гнет!
Ты рвешься жить, и сила молодая
В тебе ключом неудержимым бьет!

Оставь меня! Усеянный цветами,
Быть может, ждет тебя веселый путь,
И страсть еще горячими лучами —
Иная страсть твою согреет грудь!»
Твой взор тогда огнем негодованья
Сверкал, уста шептали мне упрек...
И верил я легко, что расставанья
Тяжелый час от нас еще далек.

<1868>

Жаль мне тех, чья гибнет сила
Под гнетущим игом зла;
Жаль мне тех, кого могила
Преждевременно взяла;
Тех бойцов с душою чистой,
Мысли доблестных вождей,
Что дорогою тернистой
Бодро к цели шли своей
С словом пламенным пророка,
Пробуждающим от сна;
Я скорблю о них глубоко,
Свято чту их имена.

Но и вас мне жаль порою,
Изнемогших на пути:
Не хотели вы с толпою
Ослепленною брести,
Но не в силах были благу
Ближних жертвовать собой;
Дух ваш гордость и отвагу —
Всё утратил пред бедой.
Жаль мне вас: я знаю, совесть
Часто шепчет вам укор;
Вашей молодости повесть
Вам слезой туманит взор.
В вашем сердце боязливом
Не угасли стыд и честь;
Знаю я, благим порывам
И теперь к вам доступ есть.
Но над вами полной власти
Не иметь им никогда,
Потому что сила страсти
Сердцу вашему чужда.
И идете вы, склоняя
Грустно голову свою,
Но в душе благословляя
Честно гибнущих в бою.

Жаль мне вас... Но есть иные —
И бесчисленны они, —

Что на подвиги благие
Тоже шли в былые дни;
Но высокие стремленья
В жертву пошлости людской
Принесли без сожаленья,
Преклонившись пред толпой.
Честной мысли изменили,
Братьев продали своих,
И позором их клеймили,
И швыряли грязью в них.
Эта дышащая злобой
И предательская рать
Будет ненависть до гроба
В честных душах пробуждать!

<1863>

ОБЛАКА

(Посв<ящается> Г. А. Ларошу)

Я лежал на траве и глядел,
Как по небу плывут облака;
Ветер листьями клена шумел,
Их ко мне нагибая слегка.

И неслись облака надо мной,
Исчезая и тая вдали...
Они солнце ревниво собой
Заслоняли порой от земли.

Будто солнцу хотели сказать:
«Не дари ты ей теплых лучей!
Перестань, перестань согревать
Эту землю любовью своей!

Где сгустилась вечерняя мгла,
Где твой пламенный луч догорел,
Сколько там совершается зла,
Сколько темных, неправедных дел!

Разве ласк она стоит твоих?
Разве, грешная, любит тебя?
Нам одним ты сияй! Нас одних,
Непорочных и чистых, любя!»

И неслись по степям голубым
Облака в бесконечную даль,
Исчезая одно за другим;
Но, казалось, их солнцу не жаль;

Не хотело оно чистоты
Их холодной на землю менять
И горячим лучом с высоты
Стаю грешную землю лобзать...

14 июля 1868
Царицыно

СТАРИКИ

Вот и опять мы, как в прежние годы,
Старый товарищ, беседу ведем,
И прожитые когда-то невзгоды
Смутным каким-то нам кажутся сном.

Сколько мы лет не видались с тобою!
Сколько воды с той поры утекло...
Старость, подкравшись
к нам тихой стопой,
Избороздила обоим чело.

Пламень, горевший в глазах, потушила,
Снегом обсыпала волосы нам.
Где наша бодрость, отвага и сила?
Видно, они не под стать сединам!

Помнишь, товарищ, минуту разлуки?
Весело вдаль мы глядели тогда;
Жали друг другу с улыбкой мы руки,
Грозная нас не страшила беда.

Мы говорили друг другу, прощаясь:
Скоро желанное время придет;
Сбудется все, что толпа, издеваясь,
Бредом, мечтаньем нелепым зовет.

Веруя в силу свободного слова,
Думали мы, что могучая рать
Ринуться в битву с неправдой готова,
Стоило только ему прозвучать.

Что же ты вдруг покачал головою?
Что улыбнулись так горько уста?
Молодость нас обманула с тобою...
Совесьть зато у обоих чиста.

Бедны мы оба, в потертой одежде;
Много от нас отшатнулось друзей.

Пусть их! Но сердце в нас бьется,
как прежде,
Верой горячей в добро и людей.

Пыл нетерпенья в душе охладил,
Свергли немало кумиров года;
Но и кумирам толпы не кадили
В чаянье благ мы земных никогда.

С пеной у рта не бросали камня
В юность кипучую, если, полна
Гордой отваги, в пылу увлечения,
Нас за ошибки корила она.

Знаем мы оба: как время настанет
Нам от житейских трудов отдохнуть,
Лихом она стариков не помянет,
Скажет: они пролагали нам путь.

Так-то, товарищ! Разбитым и хилым,
Нам остается глядеть в стороне,
Как нарождаются новые силы,
Как на борьбу выступают оне;

Да вспоминая прожитые годы,
В сердце суровое небо молить,
Чтоб миновали все наши невзгоды
Тех, кто пришел нас, отживших, сменить.

<1869>

Тяжелая, мучительная дума
 Гнетет меня. Везде она со мной,
 В толпе ли я, средь говора и шума,
 Иль одиноко брожу в тиши лесной.
 И шепчет все неведомый мне голос:
 «Жизнь прожита! Смотри, в твоих кудрях
 Уж не один седой пробился волос,
 В морщинах лоб, огонь потух в глазах.
 Прошедшее окинь духовным взором
 И совести правдивого суда
 Не избегай! Пред строгим приговором,
 Раскаянья исполнен и стыда,
 Склонись во прах челом когда-то гордым,
 Сознай, что жизнь напрасно тратил ты,
 Что не служил добру оплотом твердым,
 Но был рабом бессильным суеты;
 Что больше слез, чем радости и счастья,
 Ты преданным и добрым тем дарил,
 Кто в дни невзгод, в дни бурного

ненастья

Любовью путь твой мрачный озарил!
 И что ни в чьей душе существованье
 Твое следа оставить не могло...»

Бесплодное и горькое сознание!
 Зачем ко мне теперь лишь ты пришло,
 Когда в кудрях седой пробился волос,
 Когда для битв житейских нету сил?
 Зачем мой дух укором этот голос
 В былые дни от сна не пробудил?
 Жизнь прожита... и скоро с ней

проститься

Придет пора... Но думать тяжело,
 Что над тобой с любовью не склонится
 Ничье в тот миг печальное чело..

СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ

Я помню все: и голос милый,
И ласки, ласки без конца:
Я буду помнить до могилы
Черты любимого лица.

И сад я помню над рекою,
Где мы, в вечерний, поздний час,
Бродили тихою стопою,
Где мы сошлись в последний раз.

Какой глубокой, страшной муки
Была душа моя полна,
Когда, мои сжимая руки,
«Прости!» — сказала мне она...

Прошли года... Но образ милый
Еще живет в душе моей,
И буду помнить до могилы
Я кроткий свет ее счей...

<1860-е годы>

Иль те дни еще далеки,
Далека еще пора,
Вами зримая, пророки,
Провозвестники добра?

Скоро ль сменится любовью
Эта ненависть племен
И не будет братской кровью
Меч народов обагрен?

Скоро ль мысль в порыве смелом
Лжи оковы разобьет;
Скоро ль слово станет делом,
Дело даст обильный плод?

Скоро ль разума над силой
Мир увидит торжество?
Или мы сойдем в могилы
Только с верою в него?

Засветись, о день счастливый!
Разгони густой туман,
Что лежит еще на нивах
Стольких сном объятых стран!

<1870>

ОЖИДАНИЕ

Дед-старик в избушке бедной
Чинит ветхий невод свой;
На постельке рядом внушек
Весь в жару лежит больной.

«Все ненастье да ненастье,
Скоро ль кончатся дожди!» —
Говорит ребенок деду.
«Скоро, скоро, подожди!»

«Скоро ль солнышко засветит,
Зашумит трава в степи,
Зашумят в лесу деревья...»
«Скоро, скоро, потерпи!»

«Скоро ль с удочкой, как прежде,
Буду я сидеть все дни
Над прудом под тополями?»
«Скоро, друг, повремени!»

«Да когда же? Вот и маму,
Говорил ты тоже, дед,
Скоро к нам отпустят с неба,
А ее все нет как нет!»

И малютка недовольный
Замолчал, а дед-старик
Над разодранною сетью
Головой седой поник.

И по старческим морщинам
Тихо катится слеза...
Горе деда разглядели
Внука зоркие глаза.

И звучит ребенка слабый
Голосок еще грустней:
«Не дождусь я, видно, мамы —
Не дождусь я теплых дней!»

<1870>

Он в белом гробике своем
Лежал, усыпанный цветами;
Деревья тихо под окном
Качали темными ветвями.

На крепко сомкнутых губах
Улыбка кроткая застыла,
И что-то радостное было
В его младенческих чертах.

Казалось, спал он и видений
К нему нисходит светлый рой,
А не сразил своей косою
Ребенка мрачный смерти гений.

С глазами, красными от слез,
Бледна, исполнена печали,
Склонилась мать над ним. Вопрос
Уста дрожащие шептали:

«Зачем родился ты на свет,
Когда лишь ранняя могила
Тебя ждала? Какая сила
В ночь превратила твой рассвет?»

Напрасно! На вопросы наши
Не даст ответа рок — он нем;
Но лучше, верь мне, лучше тем,
Кто лишь коснулся жизни чаши.

Счастлив заснувший беспробудно
Младенец твой! Не спросит он,
Изнемогая в битве трудной,
Путем тернистым изъязвлен:
«Зачем на свет я был рожден?»

<1871>

Блаженны вы, кому дано
 Посеять в юные сердца
 Любви и истины зерно.
 Свершайте ж честно, до конца
 Свой подвиг трудный и благой,
 И нет награды выше той,
 Что вас за этот подвиг ждет:
 Роскошный цвет, обильный плод
 При жизни вашей принесет
 Добро, посеянное вами.
 Когда ж пробьет прощальный час,
 С благоговеньем и слезами
 Опустит в землю юность вас.

Но горе вам, коль захотите
 Умы вы ложью омрачить;
 Позора вы не избежите,
 Пятна вам с совести не смыть!
 Кто жаждет знанья, жаждет света,
 Тем не ужиться долго с тьмой.
 Придет пора, спадет долой
 С их глаз повязка, что надета
 Была предательской рукой;
 Оковы рабства, бездну зла,
 К которой ваша ложь вела,
 Увидев, юность содрогнется,
 Полна и скорби и стыда.
 От лжеучителей тогда
 Она с проклятьем отшатнется;
 И имена их презирать
 Своих детей научит мать!

<1871>

ВЕСЕННЕЙ НОЧЬЮ

Над росистыми лугами
Ветерок ночной гуляет,
Разговор ведет с цветами,
Травку тихо колыхает,

Над заснувшей долиной
Звезды яркие зажглись;
Звуки песни соловьиной
Из-за леса полились.

Этой ночью не сидится
В душной комнате. Работа
Никакая не спорится,
И бежит от глаз дремота.

В эту ночь сильнее просит
Счастья сердце молодое;
Старика мечта уносит
В невозвратное былое.

Даже тот, чей взор слезою
Злое горе застилает,
Кто поник в борьбе с нуждою,
На мгновенье отдыхает.

И, утешенный приветом
Расцветающей природы,
Забывает, что с рассветом
Вновь прийти должны невзгоды.

<1871>

ТОСТЫ

Первый тост наш — за науку!
И за юношей — второй.
Пусть горит им светоч знанья
Путеводною звездой.

Пусть отчизна дорогая
И великий наш народ
В них борцов неколебимых
За добро и свет найдет.

Третий тост наш — в честь искусства!
Воздадим хвалу тому,
Кто обрек себя всецело
На служение ему.

Всем, кто будит в людях словом,
Кистью, звуками, резцом
Красоты и правды чувство, —
Мы привет горячий шлем.

Не забудем также, братья,
Добрым словом помянуть
Тех, навек от нас ушедших,
Что, свершив свой трудный путь

И до гроба сохранивши
В сердце преданность добру,
Произнести могли с поэтом:
«Знаю, весь я не умру».

Пожелаем, чтоб являлось
На Руси побольше их,
Чистых, доблестных, живущих
Лишь для подвигов благих.

Пожелаем, чтоб не меркло
Над родимой стороной
Солнце разума и знанья,
Солнце истины святой...

<1871>

ВЕСНА

Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повеяло весною..
Засвищут скоро соловьи,
И лес оденется листвою!

Чиста небесная лазурь,
Теплей и ярче солнце стало,
Пора метелей злых и бурь
Опять надолго миновала.

И сердце сильно так в груди
Стучит, как будто ждет чего-то,
Как будто счастье впереди
И унесла зима заботы!

Все лица весело глядят.
«Весна», — читаешь в каждом взоре;
И тот, как празднику, ей рад,
Чья жизнь — лишь тяжкий труд и горе.

Но резвых деток звонкий смех
И беззаботных птичек пенье
Мне говорят — кто больше всех
Природы любит обновленье!

<1872>

ДЕТСТВО

Мне вспомнились детства далекие годы
И тот городок, где я рос,
Приходского храма угрюмые своды,
Вокруг него зелень берез.

Бывало, едва лишь вечерней прохладой
Повеет с соседних полей,
У этих берез, за церковной оградой,
Сойдется нас много детей.

И сам я не знаю, за что облюбили
Мы это местечко, но нам
Так милы дорожки заглохшие были,
Сирень, окружавшая храм.

Там долго веселый наш крик раздавался,
И не было играм конца;
Там матери нежный упрек забывался
И выговор строгий отца.

Мы птичек к себе приручали проворных,
И поняли скоро оне,
Что детской рукой рассыпаются зерна
Для них на церковном окне.

Мне вспомнились лица товарищей милых;
Куда вы девались, друзья?
Иные далеко, а те уж в могилах...
Рассеялась наша семья!

Один мне всех памятней: кротко светились
Глаза его, был он не смел;
Когда мы, бывало, шумели, резвились,
Он молча в сторонке сидел.

И лишь улыбался, но доброго взора
С игравшей толпы не спускал.
Забитый, больной, он дружился не скоро,
Зато уж друзей не менял.

Двух лет сиротой си остался; призрела
Чужая семья бедняка.

Попреки, толчки он терпел то и дело,
Без слез не едал он куска.

Плохой он работник был в доме,
но жадно
Читал все и ночью и днем.
И что бы ни вычитал в книжках,
так складно,
Бывало, расскажет потом.

Расскажет, какие на свете есть страны,
Какие там звери в лесах,
Как тянутся в знойной степи караваны,
Как ловят акулу в морях.

Любили мы слушать его, и казался
Другим в те минуты он нам:
Нежданно огнем его взор загорался
И кровь прилиwała к щекам.

Он, добрый, голодному нищему брату
Отдать был последнее рад.
И часто дивился: зачем те богаты —
А эти без хлеба сидят?

Что случилось с тобою? Свела ли в могилу
Беднягу болезнь и нужда?
Иль их одолел ты, нашел в себе силу
Для честной борьбы и труда?

Быть может, пустился ты в дальние
страны
Свободы и счастья искать;
И все ты увидел, что стало так рано
Ребяческий ум твой пленять.

Мне вспомнились лица товарищей милых;
Все, все разбрелись вы, друзья...
Иные далеко, а те уж в могилах;
Рассеялась наша семья!

А там, за оградой, всё так же сирени
Цветут, и опять вечером
Малютки на старой церковной ступени
Болтают, усевшись рядком.

Там долго их говор и смех раздаются,
И звонкие их голоса
Тогда лишь начнут затихать, как зажгутся
В домах городских огоньки.

<1872>

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Хорошо вам, детки, —
Зимним вечерком
В комнатке уютной
Сели вы рядком,

Пламя от камина
Освещает вас...
Слушаете жадно
Мамы вы рассказ;

Радость, любопытство
На лице у всех;
Часто прерывает
Маму звонкий смех.

Вот рассказ окончен,
Все спустились в зал...
«Поиграй нам, мама», —
Кто-то пропищал.

«Хоть уж девять било,
Отказать вам жаль...»
И послушно села
Мама за рояль.

И пошло веселье,
Началась возня,
Пляска, песни, хохот,
Визг и беготня!

Пусть гудит сердито
Вьюга под окном,
Хорошо вам, детки,
В гнездышке своем!

Но не всем такое
Счастье бог дает;
Есть на свете много
Бедных и сирот.

У одних могила
Рано мать взяла;
У других нет в зиму
Теплого угла.

Если приведется
Встретить вам таких,
Вы как братьев, детки,
Приглубьте их.

<1872>

В БУРЮ

Комнату лампада
Кротко озаряла;
Мать, над колыбелью
Наклонясь, стояла.

А в саду сердито
Выла буря злая,
Над окном деревья
Темные качая.

И колючей веткой
Ель в стекло стучала,
Как стучит порою
Путник запоздалый.

Дождь шумел; раскаты
Слышались грома;
И гремел, казалось,
Он над крышей дома.

На малютку сына
Нежно мать глядела;
Колыбель качая,
Тихо песню пела:

«Ах, уймись ты, буря!
Не шумите, ели!
Мой малютка дремлет
Сладко в колыбели.

Ты, гроза господня,
Не буди ребенка;
Пронеситесь, тучи
Черные, стороной!

Бурь еще немало
Впереди, быть может,
И не раз забота
Сон его встревожит».

Спи, дитя, спокойно...
Вот гроза стихает;
Матери молитва
Сон твой охраняет.

Завтра, как проснешься
И откроешь глазки,
Снова встретишь солнце,
И любовь, и ласки!

<1872>

ИЗ ЖИЗНИ

1

Из школы детки воротились;
Как разрумянил их мороз!
Вот у крыльца, хвостом виляя,
Встречает их лохматый пес.

Они погладили Барбоску,
Он нежно их лизнул в лицо,
И с звонким хохотом взбежали
Малютки живо на крыльцо.

Стучатся в двери; отворяет,
С улыбкой доброй, няня им:
«Пришли! Небось уж захотелось
Покушать птенчикам моим!»

Снимает с мальчика тулупчик
И шубку с девочки она;
Черты старушки просветлели,
Любовь в глазах ее видна.

И, чмокнув няню, ребятишки
Пустились в комнаты бегом;
Трясется пол под их ногами,
Весь ожил старый, тихий дом!

Отец угрюм; он в кабинете
Все что-то пишет. В спальне мать
Лежит больная; мигом дети
К ней забрались на кровать.

Вот мальчик, с гордостью тетрадку
Из сумки вынув, показал.
«Смотри-ко, мама, две странички
Я без ошибок написал!»

«А я сегодня рисовала, —
Сказала девочка, — взгляни,

Какая сосенка густая,
А возле кустики и пни.

Ведь всё сама я, право, мама,
Не поправлял учитель мне...»
И мать недуг свой забывает,
Внимая детской болтовне.

Встал и отец из-за работы,
Звонящий слыша голосок.
«Ну что вы, крошки, хорошо ли
Сегодня знали свой урок?»

Спрыгнув с кровати, вперегонку
Бегут они обнять отца...
И грусть мгновенно исчезает
С его усталого лица.

И даже солнышко, казалось,
В окно смотрело веселей
И блеском ярким осыпало
Головки русые детей!

И птичка в клетке тесной, вторя
Веселым детским голосам,
Не умолкая, заливалась,
Как бы навстречу вешним дням!

2

Дед, поднявшись спозаранку,
К внучкам в комнату спешит;
«Доброй весточкой утешить
Вас пришел я, — говорит. —

Всё зимы вы ждали, детки,
Надоела вам давно
Осень хмурая с дождями;
Посмотрите же в окно!

За ночь выпал снег глубокий,
И мороз как в декабре;

Уж впрягли в салазки Жучку
Ребятишки во дворе».

И тормóшит дед раскрывших
Глазки сонные внучат!
Но на старого плутишки
Недоверчиво глядят.

«Это, — думают, — иарочно
Все он выдумал, чтоб мы
Поскорей с постели встали;
Никакой там нет зимы!»

«Полно, дедушка! Ты хочешь
Засадить нас за урок, —
Отвечает младший внучек, —
Дай поспать еще часок!»

Рассмеялся дед — любимец
Старика был этот внук;
Хоть проказничал он часто,
Все ему сходило с рук.

«Ах, лентяй! Еще не верить
Смеешь ты моим словам...
Марш сейчас с кровати, соня,
И смотри в окошко сам!

Или нет... Ведь пол холодный;
Босиком нельзя ходить,
Донесу тебя к окошку
На себе я, так и быть».

Вмиг вскарабкался на плечи
Мальчуган ему — и рад;
Пышут розовые щечки,
И смеется детский взгляд.

Поднял штору дед, — и точно!
Снег под солнечным лучом
Бриллиантами сверкает,
Отливает серебром.

«Слава богу! Слава богу!» —
Детки весело кричат.
И в уме их возникает
Уж картин знакомых ряд:

На салазках с гор катанье
И катанье на коньках...
И рождественская елка
Сверху донизу в огнях!

«Ну вставайте же, лентяи,
Я уж кучеру сказал,
Чтоб ковром покрыл он сани
И Савраску запрягал.

Гостью-зимушку покатим
Мы встречать на хуторок;
Побегут за нами следом
И Барбоска и Дружок.

Ваших кроликов любимых
Там покормим мы, друзья,
И шагающего важно
С умным видом журавля.

Посмеемся над сердитым
И ворчливым индюком;
Всех коровушек мы с вами,
Птичий двор весь обойдем.

А покамест мы гуляем,
Самоварчик закипит...
И ячницу, пожалуй,
Дед потом вам смастерит».

Деду ждать пришлось недолго:
Не успел умолкнуть он,
На ногах уж были детки,
Позабыв и лень и сон.

Вот умылись и оделись
И смотреть бегут скорей,

Запрягает ли Савраску
Кучер дедушкин, Матвей.

Солце яркое сияет
В зимнем небе голубом,
И равниной снежной мчатся
Сани, крытые ковром.

Визг и крик! Всему хохочут
Детки резвые до слез;
Обдаёт их снежной пылью,
Лица щиплет им мороз...

Двое в санках, рядом с дедом,
А один на облучке.
«Ну! — кричит. — Пошел, Савраска!
Скоро будем в хуторке?..»

Как ни счастливы малютки,
Но еще счастливей дед...
Словно с плеч его свалилось
Целых пять десятков лет!

<1873>

МОГИЛА ТРУЖЕНИКА

Спи, бедняк! Ты честно бился,
До утраты сил, с нуждою;
Умер ты, но не склонился
Пред неправдою людскою,
Потому-то над тобою
Речь людская не слышна.

Заросла тропа, что к дому,
Где нашел ты отдых, вьется,
И шагов на ней знакомых
Никогда не раздается,
Лишь природа остается
Другу старому верна.
Все, что ты любил когда-то,
Здесь она соединила,
И без мрамора богато
Убрана твоя могила.

Над тобой цветут сирени
И шумят листья березы,
Каплет с них роса, как слезы,
На могильные ступени
В час, когда ночные тени
От лучей дневных бегут.

Мак в траве пестреет яркий,
Льет жасмин благоуханье,
Раздается в полдень жаркий
Вкруг цветов пчелы жужжанье,
Ночью — месяца сиянье
Озаряет твой приют.

Спи, бедняк! Без сожаленья
Ты расстался с этим миром,
Что бросал в тебя каменья,
Оттого, что на служенье
Лжи его, его кумирам
Ты себя не обрекал.

В бедной доле, неизвестный,
Век трудясь неустомимо,
Совершал ты подвиг честный,
И в приют свой мрачный, тесный
Ты сошел с несокрушимой,
Страстной верой в идеал!

<1873>

Нет мне от лютого горя покоя,
Знать, никуда не уйду от него я.

Взялся бы я за свежительный труд,
Жил бы, как добрые люди живут, —

Только где сила, где воля на это?
Нету в душе на вопрос мой ответа.

Были когда-то и сила и воля, —
Всё доконала суровая доля.

Нет, не встряхнуть мне мудрами опять,
Гордо чела пред бедой не поднять.

С юностью честною, бодро и смело,
Мне ли идти на полезное дело!

Бурею смятый, кой-как я бреду,
Смотришь — и темная яма в виду.

Лютое горе, о если б ты в ней
Сном непробудным заснуло скорей!

<1873>

Теплый день весенний.
Солнышко блестит,
Птичка, заливаясь,
В поле всех манит.

Улицы, бульвары
Запрудил народ,
Пестрыми толпами
За город идет.

Праздничные лица
Радостно глядят;
Редко, редко встретишь
Невеселый взгляд.

Славно всем живется,
Так легко, что нет
У толпы нарядной
Ни забот, ни бед.

Только мне с тоскою
Справиться невмочь,
Как ее прогнать я
Ни стараюсь прочь.

Где б я ни был — всюду
Шепчет мне она:
«А твоя навеки
Отцвела весна!»

Зашумит ли в роще
Яркая листва,
Мне и в этом шуме
Слышатся слова:

«Нечего от жизни
Ждать тебе. Твой путь
Пройден, — не пора ли
Навсегда уснуть?»

И когда сойдешь ты
В землю — над тобой
Зеленеть мы будем
Каждую весной!»

<1873>

НА БЕРЕГУ

(Картинка)

Домик над рекою,
В окнах огонек,
Светлой полосой
На воду он лег.

В доме не дождутся
С ловли рыбака:
Обещал вернуться
Через два денька.

Но прошел и третий,
А его все нет.
Ждут напрасно дети,
Ждет и старый дед,

Всех нетерпеливей
Ждет его жена,
Ночи молчаливей
И как холст бледна.

Вот за ужин сели,
Ей не до еды.
«Как бы в самом деле
Не было беды».

Вдоль реки несется
Лодочка, на ней
Песня раздается
Все слышней, слышней.

Звуки той знакомой
Песни услышав,
Дети вон из дому
Бросились стремглав.

Весело вскочила
Из-за прялки мать,
И у деда сила
Вдруг нашлась бежать.

Песню заглушает
Звонкий крик ребят;
Тщетно унимает
Старый дед внучат.

Вот и воротился
Весел и здоров!
В рассказни пустился
Тотчас про улов.

В морды он и в сети
Наловил всего;
С любопытством дети
Слушают его.

Смотрит дед на щуку —
«Больно велика!»
Мать сынишке в руку
Сует окунька,

Девочка присела
Около сетей
И взяла несмело
Парочку ершей.

Прыгают, смеются
Детки, если вдруг
Рыбки встрепаются,
Выскользнут из рук.

Долго раздавался
Смех их над рекой;
Ими любовался
Месяц золотой.

Ласково мерцали
Звезды с вышины,
Детям обещали
Радостные сны.

НОЧЬЮ

Жалобно ветер в трубе завывает,
Ночь неприветная смотрит в окно,
Маятник мерно стучит, догорает
Бледный ночник, в доме спят все давно.

Мне одному этой поздней порою
Сон не смежает тяжелых ресниц;
Прошлого тени встают предо мною,
Много знакомых мне вспомнилось лиц.

Вспомнились те, что когда-то так смело
Вышли на битву с неправдой и злом,
Делу благовому отдавшись всецело,
Перед толпой не склоняясь челом.

Те, что, отвергнув все блага мирские,
Честную им нищету предпочли;
В ком ни обман, ни гоненья людские
Веры в добро умертвить не могли.

Где-то теперь вы? О, пусть ваше слово
Нам прозвучит в эту темную ночь...
Пусть оно силу на подвиг суровый
Даст нам, готовым в борьбе изнемочь.

Зов наш услышите средь тьмы
беспроглядной,
Нужен усталым ваш братский привет;
Гаснет их вера; увидеть отрадный
Взоры не чают рассвет!

<1874>

ВОСПОМИНАНИЕ

Посреди людского шума
И томящей суеты
Часто вижу пред собою
Вдруг я мертвые черты...

Очи впалые закрыты,
Плотно сомкнуты уста,
Но еще не отлетела
От почившей красота...

Пламя свеч, вокруг горящих,
На лице у ней дрожит,
Словно все еще румянец
Не сошел с ее ланит.

Я отвести не в силах взгляда
От спокойного лица,
И тоске, гнетущей сердце,
Меры нет и нет конца...

Помню я, когда сокрыли
Навсегда ее от глаз...
О! как мне взглянуть хотелось
На нее еще хоть раз!

Помню я, как промелькнула
Быстро в памяти моей
Вереница безмятежно
Прожитых счастливых дней...

И понятней с каждым годом
Становилось мне потом
Слово, сказанное миру
«Ада» сумрачным певцом:

Что тяжеле мук для сердца,
Что ужасней пытки нет,
Как о днях бывшего счастья
Вспоминать в години бед!..

<1875>

ЗАВТРА

Сценка из вседневной жизни

(Посвящается Ивану Петровичу Ларионову)

Под окошком смуглый мальчик,
Пригорюнившись, сидит;
Перед ним раскрыта книжка,
Но в нее он не глядит.

Тихо в комнате... лишь слышен
Ровный маятника стук,
Да мурлычит разжиревший
Кот, взобравшись на сундук.

Мать пошла к соседке в гости
Посидеть часок-другой;
Прикорнула няня, к печке
Прислонившись головой,

И упал с колен старушки
Недовязанный чулок.
Вот закрыл букварь малютка —
Знать, нейдет на ум урок.

Что мудреного! В окошко
Смотрит солнышко с небес;
Манит в даль, в поля и рощи,
Их лазуревый навес!

Славно в поле! Там бумажный
Вьется змей под небеса
И товарищей веселых
Раздаются голоса!

Уж какое тут ученье!
Разве тут до букварей:
В голове одна забота —
Как бы в поле поскорей!

И не выдержало сердце
Грамотея моего:
Он вскочил... Блестят глазенки
Нетерпением у него.

Подойдя с боязнью к няне,
Заглянул он ей в лицо.
«Спит!» — сказал и осторожно,
Тихо вышел на крыльцо.

На дворе собаку Жучку
От конурки отвязав,
За ворота шалунишка
С нею бросился стремглав.

Миновал он огороды
И соседние сады...
Вот и поле! Мальчик думал:
«Завтра выучу склады!»

Няня старая проснулась;
Из гостей вернулась мать:
«Где же Вася? Ах, лентявец!
Уж опять успел удлать!»

Погоди же, на орехи
Я задам тебе потом;
С утра до ночи ты завтра
Просидишь за букварем!»

Няня старая вступилась
За любимца своего,
Хоть и знала, что не будет
Мальчугану ничего.

Что тогда лишь, как ребенка
Нету здесь, сурова мать:
«Посмотри-ка — на дворе-то
Нынче что за благодать!»

Пусть побегает по воле:
Мал, глупенек паренек;

Подрастет, тогда не станет
Докучать ему урок;

В толк возьмет небось, что нынче
Людам грамота нужна;
А теперь пока милее
Букварей ему весна!»

Поздно вечером вернулись
Вася с Жучкой. На крыльце
Мать сидела, сокрушаясь
О пропавшем беглеце.

Вот вбежал он запыхавшись,
На колени к ней вскочил.
«Посмотри, — вскричал он, — мама,
Что жуков я наловил!»

Глазки радостью светились,
И, пунцовый как пион,
Хохоча, жуков на волю
Выпускал из шапки он.

Разноцветный на головке
У него веночек пестрел;
Тот веночек схватил он быстро
И на мать свою надел.

Замер выговор невольно
На устах ее. Она
Говорит себе: «Уж завтра
Распеку я шалуна!

А сегодня расцелую...»
И целует без конца,
И свести не может взора
С загорелого лица...

А старушка няня смотрит
В дверь с сияющим лицом
И грозит, смеясь лукаво,
Мальчугану букварем!

НА ДАЧЕ

Красивый домик, озаренный
Заката розовым лучом...
Кусты сирени и жасмина
Благоуханье льют кругом;

Балкон уставлен весь цветами,
Обвился плющ вокруг столбов;
И птичка звонко распекает
В зеленой клетке меж цветов.

Шарманка где-то заиграла;
Всё ближе звуки, всё слышней,
И вот из дома выбегает
Толпа нарядная детей.

Друг друга с криком обгоняя,
Они к калитке все спешат,
И как их лица покраснелись!
Как глазки радостно блестят!

Уж им знакомы эти звуки,
Шарманщик смуглый им знаком:
У деток дружба зарязалась
С веселым, добрым стариком.

Он каждый вечер к ним приходит,
Хоть им и нечем заплатить, —
Что за беда! — готов он даром
Друзей своих повеселить.

Порой, забывшись, долго-долго
Один мотив играет он;
В раздумье тихое о чем-то
Он в те минуты погружен.

С лица его улыбка сходит,
Слезой мутится добрый взгляд;
И смотрит с грустью затаенной
Он на детей, на дом и сад.

Унылой песни этой звуки
Воспоминая будят в нем
О днях далеких и счастливых,
О многом, сердцу дорогом.

Давно покинутой отчизны
Пред ним сияют небеса;
Катятся волны голубые,
Шумят лавровые леса...

Он видит домик, потонувший
В листве зеленой и цветах,
И образ женщины прекрасной
С малюткой смуглым на руках.

И, как Мадонна на картине,
Так у открытого окна
Стоит, прижав к груди ребенка,
С улыбкой ясною она.

А на крыльце кудрявый мальчик
Поет, плетя себе венок;
И дышит счастьем и отрадой
Цветущий мирный уголок.

Старик один теперь... Скосила
Смерть всю семью его; потом
Другая, незваная гостья —
Нужда — к нему прокралась в дом;

И вот побрел он на чужбину,
Побрел с шарманкою своей;
И каждый раз, когда встречает
Он ласку кроткую детей,

На них с глубокою любовью
Глядит старик... В чужом краю
Чужие дети заменяют
Ему погибшую семью.

Болтает, шутит и смеется
Он с ними, словно молодой,
Для них без усталости шарманку
Вертя морщинистой рукой!

<1875>

СТАРИК

У лесной опушки домик небольшой
Посещал я часто прошлою весной.

В том домишке бедном
Жил седой лесник.
Памятен мне долго будешь ты, старик,

Как приходу гостя радовался ты!
Вижу как теперь я добрые черты...

Вижу я улыбку на лице твоём —
И морщинкам мелким нет числа на нём!

Вижу армячишко рваный на плечах,
Шапку на затылке, трубочку в зубах;

Помню смех твой тихий,
Взгляд потухших глаз,
О житье минувшем сбивчивый рассказ.

По лесу бродили часто мы вдвоем;
Старику там каждый кустик был знаком.

Знал он, где какая птичка гнезда вьет,
Просеки, тропинки знал наперечет.

А какой охотник был до соловьев!
Всю-то ночь, казалось,
слушать он готов,

Как в зеленой чаще песни их звучат;
И еще любил он маленьких ребят.

На своем крылечке сидя каждый день,
Ждет, бывало, деток он из деревень.

Много их сбегалось к деду вечерком;
Щебетали, словно птички перед сном:

«Дедушка, голубчик, сделай мне свисток».
«Дедушка, найди мне беленький грибок».

«Ты хотел мне нынче сказку рассказать».
«Посулил ты белку, дедушка, поймать».

«Ладно, ладно, детки, дайте только срок,
Будет вам и белка, будет и свисток!»

И, смеясь, рукою дряхлой гладил он
Детские головки, белые как лен.

Ждал поры весенней с нетерпеньем я:
Думал, вот приеду снова в те края

И отправлюсь к другу старому скорей.
Он навстречу выйдет с трубочкой своей

И начнет о сельских новостях болтать.
По лесу бродить с ним будем мы опять,

Слушая, как в чаще свищут соловьи...
Но увы! желанья не сбылись мои.

Как с деревьев падать начал лист сухой,
Смерть подкралась к деду тихою стопой.

Одинок угас он в домике своем,
И горюют детки больше всех по нем:

«Кто поймает белку, сделает свисток?»
Долго будет мил им добрый старичок.

И где спит теперь от непробудным сном,
Часто голоса их слышны вечером...

<1877>

Я тихо шел по улице безлюдной
И, погружен в раздумье о былом,
Среди домов, облитых лунным светом,
Узнать хотел давно знакомый дом.

Он неуклюж был, ветх и с мезонином;
Я помню, мне казалось все, что он
Из городка уездного в столицу
Каким-то чудом был перенесен.

Куда исчез тот дом? Иль дух стяжанья
Беднягу стер давно с лица земли,
И где стоял он, серенький и скромный,
Высокие хоромы возвели?

Нет, нет! вот он. Сейчас узнал я друга!
Он — тот же все, каким был и тогда;
И лишь чуть-чуть как будто покривился.
Не мудрено! Берут свое года!

Привет тебе! В стенах твоих нередко
Я поздний час в беседе забывал...
То были дни, когда стопой несмелой
Впервые в жизнь я, юноша, вступал.

Привет тебе! Под этой старой крышей
Жил труженик с высокою душой;
Любви к добру и веры в человека
В нем до конца не гас огонь святой.

Учил он нас мириться с темной долей,
Храня в душе свой чистый идеал;
Учил идти путем тернистым правды
И не искать за подвиги похвал.

Учил любить страну свою родную,
Отдать ей весь запас духовных сил,
Чтить имена борцов за свет и знание —
Тех, кто одной лишь истине служил.

Читая нам создания поэтов,
Воспламенял он юные сердца;
И мы клялись идти к высокой цели,
Не изменять клялись ей до конца.

Уж нет его: давно он спит в могиле!
Но кто из тех, в чью грудь он заронил
Зерно благих, возвышенных стремлений,
Кто памяти о нем не сохранил?

И предо мной тот скромный образ часто
Встает, хотя десятки лет прошли;
Все помню я: беседы эти, споры,
Что в уголке убогом мы вели.

О! как бы мне хотелось в дом проникнуть
Иль заглянуть хотя на миг в окно...
Кто здесь живет?

Что здесь сердца волнует?
Безмолвен дом; как в гробе в нем темно.

И дальше я по улице пустынной
Иду... Но все мне кажется, что вот
За мной знакомый голос раздается
И в старый дом опять меня зовет...

<1877>

НЕНАСТЬЕ

(Картинка)

Приуныли детки, молча
На окне они сидят...
Обещала накануне
Отпустить их мама в сад;

Разбудить себя просили
Няню все они чем свет;
Тачку, грабли и лопаты
Подарил им старый дед,

И с внучатами хотел он
Грядки сам прийти копать.
Деток счастливых насилу
Уложила няня спать.

И всю ночь малюткам снились
Солнце, зелень и цветы
И копающего грядки
Деда добрые черты.

Что же детки приуныли,
Не слышать их голосов?..
Отчего печально в окна
Всё глядят они без слов?

Оттого, что небо тучи
Обложили всё кругом;
Скрылось солнышко, деревья
Грустно мокнут под дождем;

Оттого, что смолкли птички
И, от бури в свой приют,
В чашу темную, забившись,
Не щебечут, не поют.

Вот и старый дед явился —
И к любимцу своему

Дети бросились, желая
Горе высказать ему:

«Ну как дождик вплоть до ночи
Будет, дедушка, идти?
Ну как целый день придется
Просидеть нам взаперти?»

«Что вы! мигом перестанет! —
Утешает старичок. —
А пока садитесь, детки,
Вон сюда ко мне в кружок;

Да послушайте, какую
Расскажу я сказку вам».
И обрадовались детки,
И уселись по местам.

Долго сказывал он сказки
Про лису, про колобок,
Да про квакушку-лягушку,
Да про мышкин теремок.

Жадно слушали малютки,
О ненастье позабыв;
Лишь одну он сказку кончит,
Все кричат наперерыв:

«Расскажи другую!» Деду
Становилось тяжело,
Но тогда ему на смену,
К счастью, солнышко пришло;

И негаданно-нежданно
Яркий блеск его лучей
Озарил седины деда,
Кудри мягкие детей.

Дед вскочил и, настежь окна
Растворив, вскричал: «Ну вот,
Говорил я вам, что мигом
Тучки ветер разнесет!

Посмотрите-ка, как славно
Вспрыснул дождичек листву
И алмазами усыпал
Посвежевшую траву.

Птички звонко распевают,
Рады солнечным лучам,
И цветы свои головки
Поднимают к небесам.

Ну, теперь лопатки, тачку
Забирайте, да и в сад!»
Нет пределов восхищенью,
Крику, хохоту ребят.

Вот уж скачут, словно птички,
На сыром песке аллеи!
И летят в лицо им брызги
С яркой зелени ветвей!

Вот уж песенка их в чаще
Беззаботная слышна...
Как и птичкам, детям нужны
Только солнце да весна!

«Дай-то бог, чтоб в вашей жизни, —
Тихо молвил старичок, —
Долгой радостью сменялись
Дни недолгие тревог!

Чтоб вы так же незаметно
Пережить те дни могли,
Как сегодня дождь и бурю,
Сказки слушая мои!»

Расстался я с обманчивыми снами
Моей давно исчезнувшей весны;
Казалось, жизни мутными волнами
Уже навек они унесены.

Казалось мне, что нет уж к ним возврата,
Смирился я пред силой роковой;
За что страдал, боролся я когда-то —
Все я признал несбыточной мечтой.

Казалось, впрок пошли мне наставленья
Тех мудрецов, что, мне бедой грозя,
Твердили: «Брось безумные стремленья!
Порочный мир пересоздать нельзя.

Пусть он коварной лжи опутан сетью,
Не твой картонный меч ее прорвет,
Перешибить нельзя обуха плетью:
Живи же так, как большинство живет!»

И годы шли, и в жилах кровь все стыла,
В душе все гасла вера в идеал...
И афоризм «солому ломит сила»
Порывы дум кипучих охлаждал...

Но отчего ж, когда порою снова,
Средь мудрецов с остывшею душой,
Из юных уст восторженное слово
Услышу я, зовущее на бой,

На честный бой, во имя тех забытых
Безумных грез... О! отчего тогда
Вдруг на моих поблекнувших ланитах
Румянец вспыхнет жгучего стыда?

И отчего так сильно сердце бьется,
Как билось в дни весны моей оно,
И к жизни вновь все просится и рвется,
Что в глубине его погребено?

Или когда о наглом ликованье,
О торжестве неправды слышу я,
Зачем во мне кипит негодование
И злобы так полна душа моя!

И кажется мне пошлостью бездушной
Вся эта мудрость опытных людей,
Которой я принес, как раб послушный,
Вас в жертву, грезы юности моей.

<1878>

БАБУШКА И ВНУЧЕК

Под окном чулок старушка
Вяжет в комнатке уютной
И в очки свои большие
Смотрит в угол поминутно.

А в углу кудрявый мальчик
Молча к стенке прислонился;
На лице его забота,
Взгляд на что-то устремился.

«Что сидишь все дома, внучек?
Шел бы в сад, копал бы грядки
Или кликнул бы сестренку,
Поиграл бы с ней в лошадки.

Кабы силы да здоровье,
И сама бы с вами, детки,
Побрела я на лужайку;
Дни такие стали редки.

Уж трава желтеет в поле,
Листья падают сухие;
Скоро птички-щебетуны
Улетят в края чужие!

Присмирел ты что-то, Ваня,
Все стоишь, сложивши ручки;
Посмотри, как светит солнце,
Ни одной на небе тучки!

Что за тишь! Не клонит ветер
Ни былинки, ни цветочка.
Не дождешься ты такого
Благодатного денечка!»

Подошел к старушке внучек
И головкою курчавой
К ней припал; глаза большие
На нее глядят лукаво...

«Знать, гостинцу захотелось?
Винных ягод, винограда?
Ну поди возьми в комод».
«Нет, гостинца мне не надо!»

«Уж чего-нибудь да хочешь...
Или, может, напроказил?
Может, сам, когда спала я,
Ты в комод без спросу лазил?»

Может, вытащил закладку
Ты из святцев для потехи?
Ну постой же... За проказы
Будет внучку на орехи!»

«Нет, в комод я твой не лазил;
Не таскал твоей закладки».
«Так, пожалуй, не задул ли
Перед образом лампадки?»

«Нет, бабуся, не шалил я;
А вчера, меня целуя,
Ты сказала: «Будешь умник —
Все тогда тебе куплю я...»

«Ишь ведь память-то какая!
Что ж купить тебе? Лошадку?
Оловянную посуду
Или грабли да лопатку?»

«Нет! уж ты мне покупала
И лошадку и посуду.
Сумку мне купи, бабуся,
В школу с ней ходить я буду».

«Ай да Ваня! Хочет в школу,
За букварь да за указку.
Где тебе! Садись-ка лучше,
Расскажу тебе я сказку....»

«Уж и так мне много сказок
Ты, бабуся, говорила;

Если знаешь, расскажи мне
Лучше то, что вправду было.

Шел вчера я мимо школы.
Сколько там детей, родная!
Как рассказывал учитель,
Долго слушал у окна я.

Слушал я — какие земли
Есть за дальними морями...
Города, леса какие
С злыми, страшными зверями.

Он рассказывал: где жарко,
Где всегда стоят морозы,
Отчего дожди, туманы,
Отчего бывают грозы...

И еще — как люди жили
Прежде нас и чем питались;
Как они не знали бога
И болванам поклонялись.

Рисовали тоже дети,
Много я глядел тетрадок, —
Кто глаза, кто нос выводит,
А кто домик да лошадок.

А как кончилось ученье,
Стали хором петь. В окошко
И меня втащил учитель,
Говорит: «Пой с нами, крошка!

Да проси, чтоб присылали
В школу к нам тебя родные;
Все вы скажете спасибо
Ей, как будете большие».

Отпусти меня! Бабусю
Я за это расцелую
И каких тебе картинок
Распрекрасных нарисую!»

И впились в лицо старушки
Глазки бойкие ребенка;
И морщинистую шею
Обвила его ручонка.

На глазах старушки слезы:
«Это божие внушенье!
Будь по-твоему, голубчик,
Знаю я, что свет — ученье.

Бегай в школу, Ваня; только
Спеси там не набирайся;
Как обучишься наукам,
Темным людям не гнушайся!»

Чуть со стула резвый мальчик
Не стащил ее. Пустился
Вон из комнаты, и мигом
Уж в саду он очутился.

И уж русая головка
В темной зелени мелькает...
А старушка то смеется,
То слезинку утирает.

<1878>

Тебе обязан я спасеньем
Души, измученной борьбой,
Твоя любовь — мне утешеньем,
Твои слова — закон святой!
Ты безотрадную темницу
Преобразила в рай земной,
Меня ты к жизни пробудила
И возвратила мне покой.
Теперь я снова оживился,
Гляжу вперед теперь смелей,
Мне в жизни новый путь открылся,
Идти по нем спешу скорей!

<1879>

ПАМЯТИ ПУШКИНА

Да здравствуе солнце,
да скроется тъма!

Пушкин

Пока надеждою горим,
Пока сердца для чести
живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Пушкин

Мы чтить тебя привыкли с детских лет,
И дорог нам твой образ благородный;
Ты рано смолк; но в памяти народной
Ты не умрешь, возлюбленный поэт!

Бессмертен тот, чья муза до конца
Добру и красоте не изменяла,
Кто волновать умел людей сердца
И в них будить стремленье к идеалу;

Кто сердцем чист средь пошлости
Средь лжи кто верен правде оставался
И кто берег ревниво светоч свой,
Когда на мир унылый мрак спускался.

И все еще горит нам светоч тот,
Все гений твой пути нам освещает;
Чтоб духом мы не пали средь невзгод,
О красоте и правде он вещает.

Все лучшие порывы посвятить
Отчизне ты зовешь нас из могилы;
В продажный век, век лжи и грубой силы
Зовешь добру и истине служить.

Вот почему, возлюбленный поэт,
Так дорог нам твой образ благородный;
Вот почему неизгладимый след
Тобой оставлен в памяти народной!

<1880>

Огни погасли в доме,
И все затихло в нем;
В своих кроватках детки
Заснули сладким сном.

С небес далеких кротко
Глядит на них луна;
Вся комнатка сияньем
Ее озарена.

Глядят из сада ветки
Берез и тополей
И шепчут: «Охраняем
Мы тихий сон детей;

Пусть радостные снятся
Всю ночь малюткам сны,
Чудесные виденья
Из сказочной страны.

Когда ж безмолвной ночи
На смену день придет,
Их грезы песня птички
Веселая прервет...

Цветы, как братьям милым,
Привет пошлют им свой,
Головками кивая,
Блестящими росой...»

<1880>

ПЕСНЬ ИЗГНАННИКА

Лети, моя птичка, далеко,
Лети в городок мой родной.
Стоит он в равнине зеленой,
Над светлой широкой рекой.

Ты беленький домик увидишь,
Тенистый вокруг него сад;
В саду том душистые липы,
Березы и клены шумят...

Там, в темной листве притаившись,
Ты песню запой под окном.
И стукнет окно... и головка
Покажется детская в нем.

Ребенка лазурные глазки
Весеннего неба ясней;
Светлей золотистых колосьев
Волна его мягких кудрей.

И будет он слушать певунью,
Сияя восторгом; и ей
Потом на окне разбросает
Он зерна ручонкой своей.

А ты, легкокрылая птичка,
Малютке скажи моему,
Что в крае далеком есть сердце,
Которое рвется к нему;

Что горько мне жить на чужбине,
Что дума одна у меня:
Дождусь ли поры я желанной,
Дождусь ли отрадного дня,

Когда, возвращаясь веселый
В свой мирный родной городок,
Я беленький домик увижу,
Где детский звучит голосок...

И выбежит с хохотом звонким
Малютка навстречу отцу...
И крепко пылающей щечкой
К его он прижмется лицу...

И прошлое горе заставит
Меня позабыть в этот час
Улыбка его дорогая
И блеск голубых его глаз...

<1880>

Бурлила мутная река,
Почуяв близкие оковы;
И вдаль куда-то облака
Осенний ветер гнал сурово.

В саду безлюдном и немом
Деревья высились уныло
С листвою поблекшей... Все кругом
О разрушенье говорило.

Но блеск весны я в сердце нес,
Мне божий мир казался светел;
Природы, полон ярких грез,
Я увяданья не заметил.

Был май, и веяло теплом,
Сады цвели, благоухая,
Под ярким солнечным лучом
Волна сверкала голубая.

И тихий шум ветвей густых
Свободных птичек вторил пенью;
Привет в веселых песнях их
Звучал природы возрожденью.

Но мрак царил в душе моей...
Недавней поражен утратой,
Я, средь смеющихся полей,
Уныло шел, тоской объятый.

Небесный купол мне сиял,
Но я могилы видел своды...
И отвращение внушал
Мне пир ликующей природы.

<1881>

Без надежд и ожиданий
 Мы встречаем Новый год.
 Знаем мы: людских страданий,
 Жгучих слез он не уймет;
 И не лучше будет житься
 Людям с честною душой —
 Всем, кто с ложью не мирится,
 Не мирится с злом и тьмой;
 Кто святое знамя права
 Нес всегда, и горд и смел,
 И в союз вступать лукаво
 С силой грубой не хотел!
 Знаем мы: толпа Ва-лу
 Будет так же все кадить,
 Так же будет рок к нахалу
 И глупцу благоволить!
 Хоть и верим мы глубоко
 В силу мощную добра,
 Но, увы, еще далеко
 Торжества его пора!
 Без надежд и ликований
 Мы встречаем Новый год:
 Человеческих страданий
 Он, как прежде, не уймет.
 Но, подняв свои бокалы,
 Пожелаем лишь, чтоб тот,
 Кто стремление к идеалу
 В сердце чистом бережет,
 Не утратил духа силы
 Средь житейских бурь и гроз;
 Светоч свой чтоб до могилы
 Неугаснувшим донес
 И чтоб он с своей суровой
 Долей тем был примирен,
 Что, страдая, жизни новой
 Воздвигает здание он.

<1881>

ИЗ СТАРЫХ ПЕСЕН

Давно, давно мне перестал
Звучать твой голос милый!
Бывало, в сердце пробуждал
Он дремлющие силы.

Дышалось легче мне тогда
И краше жизнь казалась:
Мне счастья нового звезда
Как будто загоралась...

Когда твоих прекрасных глаз
Лучи меня даскали,
Как ночи мгла в рассвета час,
Летели прочь печали.

Под кротким светом тех лучей.
Их вызванная властью,
Слагалась песнь в душе моей
Весне, любви и счастью!

Но навсегда померк тот свет
И смолк тот голос милый...
Ни радостей, ни песен нет
С тех пор в душе унылой...

<1881>

Ты жаждал правды, жаждал света,
Любовью к ближнему согрета
Всегда была душа твоя.

Не суету и наслаждение —
Добру высокое служенье
Считал ты целью бытия.

И, провозвестник жизни новой,
На подвиг трудный и суровый
Ты с юных дней себя обрек...

С горячей верой, с сердцем чистым
Ты бодро шел путем тернистым,
Тщеславных помыслов далек.

Давно уж нет тебя меж нами,
Но над правдивыми сердцами
Еще ты властвуешь досель.

И, духом падших ободряя,
Горит звездой в ночи благая,
Тобой указанная цель!

<1881>

ПАМЯТИ Н. А. НЕКРАСОВА

Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей размыкать наше горе,
Рассеять русскую печаль!

Некрасов

Не небесам чужой
отчины —
Я песни родине слагал.

Некрасов

Под небом южной стороны
Он вспоминал свой север дальний,
И яркий блеск ее весны
Души не радовал печальной.

В тот час, как луч вечерний гас
В волнах лазурного залива,
Бродил, быть может, он не раз
Один, угрюмый, молчаливый.

Он слушал, в думу погружен,
Густых и темных миртов шепот,
Вечерний колокола звон,
Волны сверкавшей плеск и ропот.

И край иной пред ним вставал,
С его простором и снегами;
Там буйный ветер тучи гнал
Над бесконечными степями...

И средь пустыни снеговой
Лачужки темные мелькали,
Где труд боролся с нищетой,
Где люди радостей не знали...

Тогда стране своей родной,
Тоски исполнен безысходной,
Слагал он песнь, и в песне той
Поэт о скорби пел народной,

Пел о желанных, лучших днях,
Народа прозревая силы...
И песнь его в людских сердцах
К неправде ненависть будила...

Он смолк... его не слышать нам...
Но в песнях, полных вдохновенья,
Он юным завещал певцам
Народу честное служенье!

<1882>

БЫЛОЕ

1

Картины далекого детства
Порой предо мною встают...
И вижу опять и знакомый,
Весь в белых кувшинчиках пруд.
Вокруг него темная чаща,
Где сотни звучат голосов;
И узкая вьется тропинка
К нему между цепких кустов.
То был уголок мой любимый
В запущенном старом саду.
Сюда с своей детскою думой,
Бывало, всегда я иду.
Под сень этих дубов могучих
И трепетных белых берез
Я детскую радость и слезы,
В груди накопившие, нес.
И ласково так их вершины,
Казалось, в ответ мне шумят,
Что, слушая их, я каким-то
Был сладостным чувством объят...

2

И детскую нашу я вижу...
В углу с образами киот...
Лампада пред ними... сиянье
Вокруг она тихое льет.
Давно меня спать уложили,
Но я все не сплю и очей
Свести не могу любопытных
С молящейся няни моей.
Крестясь и вздыхая, старушка
Кладет за поклоном поклон...
И много она называла
Мне близких и милых имен.
Вот стала она на колени;

Лицо ее мокро от слез.
«О чем она плачет?» — невольно
Во мне шевелился вопрос.
«Прости мне мои прегрешенья!» —
Дрожащие шепчут уста...
А я себе думаю: «Чем же
Она прогневила Христа?»

3

А вот и другая картина:
Морозная ночь и луна.
Равнина, покрытая снегом;
Немая вокруг тишина...
По гладкой, как скатерть, дороге
Мы едем в кибитке с отцом;
Надолго, быть может, навеки,
С родным расстаюсь я гнездом...
Звенит под дугой колокольчик,
Полозья кибитки скрипят,
И ноет, болит мое сердце,
И слезы туманят мой взгляд
При мысли, что здесь уж не встречу
Поры я любимой своей,
Поры, когда выступит травка,
Журча засверкает ручей...
Что я не услышу ни шума
Знакомых берез и дубов,
Ни дышащих теплой любовью
И ласкою няниных слов...

<1882>

ПОСЛЕДНЯЯ СЕРЕДА

(П. И. Вейнбергу)

Всю зиму наш амфитрион
Нас созывал в свои палаты...
Они не пышны, не богаты,
И гостя взор не ослеплен
В них белым мрамором колонн
Или амфор массивным золотом.

Зато здесь книгами полны
Стоят шкафы. Глядят портреты
Героев мысли со стены,
Всех, чьи создания спасены
От волн неумолимой Леты...

Но мне сдается, начал я
Писать высоким слогом... «Лета,
Амфитрион, амфоры» — это
Наскучить может вам, друзья.
Увы! всему виною лета, —
Знать, муза старится моя!

Боюсь ужасно, чтоб не сбиться
Совсем на майковский шаблон...
Мне был всегда противен он,
И с ним искусство не мирится.
А потому спешу спуститься
С Олимпа, взяв попроще тон.

Мы обходились превосходно
Без раззолоченных амфор,
Хоть оживлялся часто спор
Вина струею благородной.
Непринужденный разговор
Лился здесь весело, свободно,

Сюда газетная вражда
И сплетня носу не совала,
Здесь наш кружок — людей труда —

Мог отдохнуть душой усталой,
И дверь была к нам заперта
Для идиота и нахала...

Но скоро нас лучи весны
Разгонят из столицы душевной
По всем концам родной страны,
И мы с хозяином радушным
Пока расстаться все должны.

И вот в последний раз пришли мы,
Чтоб благодарственный привет
Сказать вам, искренно любимый
Наш педагог неутомимый
И симпатичнейший поэт.

Дай бог, чтоб будущей зимою
У вас мы снова, милый друг,
Сошлись свободно семьею,
Чтоб не редел наш тесный круг,
Чтоб вновь вечернею порою
Делили вместе мы досуг,

Чтоб речью образной и едкой
Нас Григорович услаждал...
Чтоб нам Давыдов так же метко
Мир закулисный рисовал,
Но чтоб не так являлся редко
Сюда Дитятин-генерал.

Чтоб протестант наш вечно пылкий
И обладающий притом
Юмористическою жилкой,
Наш Острогорский, за бутылкой
Все был веселым остряком.

Чтоб, наконец, нас вдохновляли
Своим присутствием опять
И так же чай нам разливали
Две дамы милые... Едва ли
Мне нужно вам их называть!

Простите мне, что пожеланья
Плохим я выразил стихом...
И дар от нас — в воспоминанье
О наших дружеских собраниях —
Примите скромный наш альбом...

18 апреля 1883

27-го СЕНТЯБРЯ 1883 г.

(На смерть И. С. Тургенева).

Вот благородное угасло
сердце...
«Гамлет»

Своей мы гордостью и славой —
Тебя недаром признаем;
За человеческое право
Являлся честным ты бойцом.

Когда, исполненный смиренья,
Народ наш в рабстве изнывал,
Великий день освобожденья
К нему ты страстно призывал.

Корыстных, суетных, беспечных
Твой голос смелый устыдил...
Любить в глубоко человеческих
Своих созданиях ты учил.

На скорбь людскую и страданья
Ты находил в душе ответ;
Ты мысль будить, будить сознание
Не уставал на склоне лет.

На склоне лет огонь священный
В груди ты все еще таил
И нас, художник вдохновенный,
Красою образов дивил!

И нет тебя!.. Недуга злого
Ты жертвой гас в стране чужой,
Но до прощанья рокового
Все сердцем рвался в край родной.

Его любил ты бесконечно,
Как тот — друг юных дней твоих —
Знаменоносец правды вечной
И мыслей сеятель благих,

Кого так рано смерть сразила,
Но чья пророческая речь
Уж славы луч тебе сулила
И с кем желал ты рядом лечь.

И вот со всех концов прощальный
Тебе привет отчизна шлет...
И много в этот день печальный
Слез о тебе она прольет...

Да, человек он был! — словами
Поэта скажет край родной,
С благоговением цветами
Венчая холм могильный твой.

1-е ЯНВАРЯ 1884 г.

Всем трудящимся на благо
Стороны своей родной,
Всем ее ведущим к свету
И бестрепетной рукой
Высоко несущим знамя
Правды вечной и святой,
Всем, кто избрал подвиг трудный
И не ждет себе венца, —
Пожелаем нынче, братья,
Чтоб остались до конца
Верны чистым идеалам
В битве жизни их сердца.
Пожелаем, чтоб не меркнул
Правды луч в краю родном,
Чтоб волной широкой знанье
Разлилось повсюду в нем
И чтоб мира кроткий гений
Осенил его крылом!

<1884>

Как часто образ дорогой
Встает в ночи передо мною,
С своей улыбкой молодой,
С своей задумчивой красою.
И вновь я вижу этот взор —
Взор, полный ласки и привета...
Больное сердце с давних пор
Его лучами не согрето!
Но тщетно к призраку с мольбой
Свои я простираю руки,
Взываю тщетно я: «Постой!
Изныла грудь моя от муки...»
Безмолвно он уходит прочь,
И остаюсь один я снова
С своей тоской... И только ночь
Глядит в окно мое сурово...

<1884>

СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ

(Посвящается П. Н. О<стровско>му)

Нам звезды кроткие сияли,
Чуть веял теплый ветерок,
Кругом цветы благоухали,
И волны ласково журчали
У наших ног.

Мы были юны, мы любили,
И с верой вдаль смотрели мы;
В нас грезы радужные жили,
И нам не страшны вьюги были
Седой зимы.

Где ж эти ночи с их сияньем,
С благоухающей красой
И волн таинственным роптаньем?
Надежд, восторженных мечтаний
Где светлый рой?

Померкли звезды, и уныло
Поникли блеклые цветы...
Когда ж, о сердце, все, что было,
Что нам весна с тобой дарила,
Забудешь ты?

<1884>

К ПОРТРЕТУ ПЕВИЦЫ

(Ван-Зандт)

Своей чарующей улыбкой
И серебристым голоском
Ты заставляешь биться шибко
Сердец немало. Всё кругом
Тебе с восторгом рукоплещет...
И яркой звездочкою блещет
В столице невской твой талант.
Ценитель музыки серьезной,
Художник, критик, дилетант —
Все без ума от грациозной,
От поэтической Ван-Зандт!

<1884>

НА ЗАКАТЕ

(Посвящается Серафиме Александровне
Пагануцци)

Среди гнетущих ум сомнений
Порой, в безмолвии ночей,
Передо мною ваши тени
Встают, друзья весны моей, —
Друзья, делившие со мною
Восторгов юношеских пыл,
Борцы с отважною душою,
Которых рок не пощадил;
И на меня, полны печали,
Глядят, кивая головой,
И будто молвят: «Не пора ли,
Товарищ старый, на покой?
Чего ты ждешь? Твои кумиры
Лежат повержены во прах,
На звук твоей забытой лиры
Ответа нет в людских сердцах.
Взгляни вокруг себя: служенье
Иным свершается богам;
Иные слышны песнопенья,
И опустел наш старый храм.
Все, что для нас так было свято,
Толпа глумленью предает,
Ты ей смешон, как был когда-то
Смешон несчастный Дон-Кихот.
Не верят в наши идеалы
Те, что тельца златого чтут...
Сойди ж, ненужный и усталый,
Скорей в безмолвный наш приют,
Тебя забвенья тихий гений
Своим крылом там осенит,
Там вечный сон, без сновидений,
Глаза усталому смежит!»

<1884>

В АЛЬБОМ АНТОНУ РУБИНШТЕЙНУ

Могучие, чарующие звуки!
Блажен внимавший им. Он сохранит
В душе своей навек воспоминанье
О тех часах священного восторга,
Которые художник вдохновенный
Ему дарит. Блажен, блажен стократ!
Но и твоя завидна также доля:
Людских сердец ты мощный властелин.
Тебе дано от неба в дар будить
Высокие и чистые стремленья,
Усталых душ печали врачевать
И с жизнью примирять ожесточенных...
Вот почему все шлют тебе привет
И слышатся со всех сторон желанья,
Чтоб гений твой еще пленял нас долго,
Перенося в мир идеальных грез,
И чаще б нам давал изведать сладость
Святых восторга слез!

<1886>

ЕЛКА

В школе шумно; раздается
Беготня и шум детей...
Знать, они не для ученья
Собрались сегодня в ней?

Нет! рождественская елка
В ней сегодня зажжена;
Пестротой своей нарядной
Деток радует она.

Детский взор игрушки манят...
Здесь лошадка, там волчок,
Вот железная дорога,
Вот охотничий рожок.

А фонарики... а звезды,
Что алмазами горят...
А орехи золотые,
А прозрачный виноград!

Будьте ж вы благословенны,
Вы, чья добрая рука
Убирала эту елку
Для малюток бедняка.

Редко, редко озаряет
Радость светлая их дни,
И весь год им будут сниться
Елки яркие огни!

<1887>

НА ПОХОРОНАХ ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА

Чиста, как снег на горных высотах,
И кротости исполнена безмерной
Была душа твоя, почивший брат.
Незлобен был, как голубь, ты; вражды
И зависти твое не знало сердце.
Любви и всепрощения родник
Неиссякаемый в груди твоей таился.
Любовью все твои создания дышат,
Глубокою любовью к человеку...
Не отвергал с презреньем падших ты,
Но пробуждал к ним в ближних состраданье;
Вот почему все честные сердца
Ты влек к себе с неотразимой силой!

Не много тех, кто чистоту души
Умел сберечь средь мутных волн житейских,
Как ты сберег, и в ком не в силах были
Они любви светильник потушить...
Спи мирно, брат наш милый!..

Долго будет
В сердцах людских жить светлый
образ твой.

О! если бы могли, хотя на миг,
Твои открыться вежды... в наших взорах
Прочел бы ты, какую беспредельной,
Великой скорбью душу наполняет
Нам мысль, что ты навек от нас ушел!

26 марта 1888

АНТОНУ ПАВЛОВИЧУ ЧЕХОВУ

Цветущий мирный уголок,
Где отдыхал я от тревог
И суеты столицы душной,
Я буду долго вспоминать,
Когда вернусь в нее опять,
Судьбы велениям послушный.
Отрадно будет мне мечтой
Перенестись сюда порой, —
Перенестись к семье радушной,
Где теплый дружеский привет
Нежданно встретил я, где нет
Ни светской чопорности скучной,
Ни карт, ни пошлой болтовни,
С пустою жизнью неразлучной;
Но где в трудах проходят дни
И чистый бескорыстный труд
На благо края своего
Ценить умеет темный люд,
Платя любовью за него...
Не раз мечта перенесет
Меня в уютный домик тот,
Где вечером, под звук рояли,
В душе усталой оживали
Волненья давних, прошлых дней,
Весны умчавшейся моей,
Ее восторги и печали!..
Спасибо, добрые друзья,
За теплый, ласковый привет,
Которым был я здесь согрет!
Спасибо вам! И если снова
Не встречу с вами в жизни я,
То помяните добрым словом
В беседе дружеской меня.

6 июня 1888
Усадьба «Лука»

* * *

(Посв<ящается> П. И. Вейнбергу)

Так тяжело, так горько мне ч больно...
Так много мук в душе затаено,
Что мне сказать уж хочется давно
Всему, что жизнью мы зовем: «Довольно!»

Грядущее сулит лишь ряд мучений,
Нужду, недуг, заботы без конца;
Не сгонит тень с печального лица
Своим крылом надежды светлый гений!

О! если бы хоть мысль, что не бесплодно
Растрачен был запас духовных сил,
Что никогда я с тем, чего не чтил,
Не примирился, гордый и свободный!

Но нет! Раба бессилье наложило
Свою печать на все мои дела,
И лишь одно сознание, что прошла
Бесследно жизнь, я унесу в могилу...

<1888 или 1889>

Кто ты, красавица, с цветами полевыми,
 Вплетенными в златистый шелк кудрей,
 С улыбкой ясною, с глазами голубыми,
 В одежде, сотканной из солнечных лучей,
 И кем тебе таинственная сила
 Дана сердца больные врачевать?
 Пришла — и в них ты радость воскресила;
 Что жизнь давно, казалось, в них убила,
 Все ожило, все расцвело опять.
 И в честь твою природа гимн слагает,
 Звенят ручьи, им вторит птичек хор;
 Шумя своей листвою зеленой, бор
 К тебе, как друг, объятья простирает.
 — Я только гостя здесь; я небом послана
 В усталые сердца пролить успокоенье,
 Смягчить суровых гнев,
 вражду и озлобленье,
 Я только гостя здесь... зовут меня Весна.

<1891>

Это пламенное солнце,
 Солнце южной стороны;
 Это море голубое,
 Вечный шум его волны;
 Эти пальмы, эти розы,
 Этих вилл красивых ряд,
 Что с высот своих на море
 Так приветливо глядят, —
 Все-то здесь чарует взоры
 Бесконечной красотой,
 И царит она всевластно
 Над изнеженной толпой...

Но ликующей природе
 Не рассеять мрачных дум,
 Отравляющих печалью
 Сердце мне, гнетущих ум:
 В плеске волн и в шуме листьев,
 В песне ветра в час ночной
 Слышу плач я о невзгоде
 Стороны моей родной!..

Ноябрь 1891
 Ницца

★ ★ ★

Как в дни ненастья солнца луч,
Блеснув внезапно из-за туч,
Все оживляет на мгновенье —
Так милый, добрый ваш привет
И мне суровых жизни бед
Дает минутное забвенье.

На этот образ молодой,
С его блистающей красой,
Любуюсь я. И в сердце снова
Воскресли грезы прежних дней
Погибшей юности моей,
Волненья счастья прожитого...

Внимая ласковым словам,
Я говорю спасибо вам
За этот луч среди ненастья,
Он дорог мне...

Ноябрь 1891
Ницца

УПРЕК

(Романс)

Томимый горем и тоскою,
Изнемогающий в борьбе,
Послать хотел бы я порою
Упрек язвительный тебе

За то, что жизнь мне отравила,
Что веру в счастье и людей
Ты, беспощадная, убила
В душе измученной моей;

За то, что сгибли дорогие,
Восторга полные, мечты
И все надежды молодые,
Как бурей смятые цветы.

Но нет! Хоть горько мне и больно,
Лишь вспомню я твой светлый взор —
И на устах замрет невольно
Готовый вырваться укор!

ПЕРЕВОДЫ

С УКРАИНСКОГО

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

ДУМА

Проходят дни... проходят ночи;
Прошло и лето; шелестит
Лист пожелтевший; гаснут очи;
Заснули думы; сердце спит.
Заснуло все... Не знаю я —
Живешь ли ты, душа моя?
Бесстрастно я гляжу на свет,
И нету слез и смеха нет!

И доля где моя? Судьбою,
Знать, не дано мне никакой...
Но если я благой не стою,
Зачем не выпало хоть злой?
Не дай, о боже, как во сне
Блуждать... остынуть сердцем мне.
Гнилой колодой на пути
Лежать меня не попусти.

Но жить мне дай, творец небесный!
О, дай мне сердцем, сердцем жить!
Чтоб я хвалил твой мир чудесный,
Чтоб мог я ближнего любить!
Страшна неволя, тяжело в ней!
На воле жить и спать — страшной!
Прожить ужасно без следа,
И смерть и жизнь — одно тогда.

1858

СОН

Она на барском поле жала
И тихо побрела к снопам —
Не отдохнуть, хоть и устала,
А накормить ребенка там.

В тени лежал и плакал он;
Она его распеленала,
Кормила, нянчила, ласкала
И незаметно впала в сон.

И снится ей: житьем довольный
Ее Иван, пригож, богат;
На вольной, кажется, женат, —
И потому, что сам уж вольный.

Они с лицом веселым жнут
На поле собственном пшеницу,
А детки им обед несут;
И тихо улыбнулась жница.

Но тут проснулась... Тяжко ей!
И, спеленав малютку быстро,
Взялась за серп — дожать скорей
Урочный сноп свой до бурмистра.

Между июлем и ноябрем 1858

ПЕСНИ

1

И долину, и курганы,
И вечерний тихий час —
Все, что снилось, говорилось.
Вспоминал я много раз!

Разошлись мы, будто вовсе
И не знали никогда!
И минули невозвратно
Наши лучшие года!

Отцвели мы... Я в неволе,
Ты вдовой: мы не живем,
Только бродим, вспоминая,
Как жилось нам в былом!

1860

2

Проторила я дорожку
Через яр,
Через горы, мой сердешный,
На базар.
Парням бублики носила
Вечерком;
Продала — и воротилась
С пятаком.
Я два грóша, ох, два грóша
Пропила,
На копейку музыканта
Наняла.
Ты сыграй-ка мне на дудке
На своей,
Чтоб забыла я кручину,
Горе с ней.

Вот такая, мой сердешный,
Девка я!
Сватай — выйду я, пожалуй,
За тебя!

1859

3

Не вернулся из походу
Молодой гусар в село;
Что же я по нем горюю,
Что мне больно жаль его?
За кафтан короткий, что ли,
Иль за черный ус так жаль?
Иль за то, что не Марусей,
Машей звал меня москаль?
Нет! мне жаль, что пропадает
Даром молодость моя:
Не хотят меня и замуж
Брать уж люди за себя.
Да к тому еще и девки
Мне проходу не дают:
Не дают они проходу,
Все гусарихой зовут!

1860

4

Хороша, богата
Я — да толку мало!
Видно, бесталанна,
Друга не сыскала.
Тяжко, тяжело сердцу
Без любви томиться;
Скучно одинокой
В бархат мне рядиться.

С парнем чернобровым,
Круглым сиротою,
Мы бы полюбились —
Да глядят за мною
Мать с отцом так зорко,
Даже сна не знают,
И гулять под вечер
В садик не пускают.
А когда и пустят,
Так всё с ним, с проклятым,
С недругом противным,
Стариком богатым...

1860

5

Полюбила я,
На печаль свою,
Сиротинушку
Бесталанного,
Уж такая мне
Доля выпала!
Разлучили нас
Люди сильные;
Увезли его,
Сдали в рекруты...
И солдаткой я,
Одинокой я,
Знать, в чужой избе
И состареюсь...
Уж такая мне
Доля выпала.

1860

* * *

В те дни, когда мы были казаками,
Об унии и речи не велось;
О, как тогда нам весело жилось!
Гордились мы привольными степями,
И братом нам считался вольный лях;
Росли, цвели в украинских садах,
Как лилий, казачки наши в холе.
Гордилась сыном мать: среди степей
Он вольным рос, он был утехой ей
Под старость лет в немощной,
скорбной доле.

Но именем Христа в родимый край
Пришли ксендзы и мир наш возмутили,
Терзали нас, пытали, жгли, казнили —
И морем слез и крови стал наш рай!
И казаки поникнули уныло,
Как на лугу помятая трава;
Рыданье всю Украину огласило;
За головой катилась голова;
И посреди народного мученья
«Те deum!» ксендз ревел в ожесточенье.
Вот так-то, лях, вот так-то, друг и брат!
Голодный ксендз да буйный ваш магнат
Расторгли нас, поссорили с тобою;
Но если бы не козни их, поверь,
Что были б мы друзьями и теперь.
Забудем всё! С открытою душою
Дай руку нам и именем святым
Христа наш рай опять возобновим!

1860

С ПОЛЬСКОГО

АНТОНИЙ СОВА

(Желиговский)

ДВА СЛОВА

Над кладбищем, над могильными плитами
Солнышко весною всходит каждый год,
Каждый год пестреет мягкий луг цветами,
Птичка божия так весело поет.

Голос бога с каждою весною
Говорит природе: «Радуйся, живи;
Громы в небесах глубоко я сокрою;
Пой любовь и знай, источник я любви».

Над кладбищем, над могильными плитами
В тучи солнышко заходит каждый год,
И, с поблекшими от холода цветами
Расставаясь, птичка жалобно поет...

Слышит голос бога каждый год природа:
«Плачь и сокрушайся... Смерть есть твой
закон».

И гремит гроза, и воеет непогода,
В мире тленье всё, а вечность — только он.

<1854>

ВЛАДИСЛАВ СЫРОКОМЛЯ

ПТИЧКА

Птичка божия проснулася с зарею,
А уж пахаря застала за сохою;
Полетит она к лазурным небесам
И, что видит в селах, все расскажет там.
Скажет птичка богу, что бедняк страдает,
Что кровавым потом ниву орошает;
Не мила, как птичке, пахарю весна,
Радостей не много подарят она...
Встретил бы он солнце песенкой веселой,
Да молчать заставит гнет нужды тяжелый.
На сердце заботы, как свинец, лежат,
Поневоле песня не пойдет на лад.
Где тут любоваться негой лунной ночи, —
Застилают слезы труженику очи...
Скажет птичка богу — чтоб его рука
Поддержала в горькой доле бедняка,
Чтоб ему нести свой крест достало силы,
Чтоб без ропота добрел он до могилы.

<Декабрь 1856>

Здесь дни мои текут спокойно,
Здесь хлеба вдоволь и цветов,
И вечером приятель добрый
Потолковать со мной готов.

Средь яблонь, груш и дубов старых
Отраднo в этой мне тиши.
Еще одно бы только благо —
Одно спокойствие души!

О люди, братья, помолитесь
За брата бедного порой,
Чтобы остыл тревожной мысли
Жар в голове моей больной;

Чтобы мечтам моим крылатым
Рассудок воли не давал,
Чтоб о всеобщем, вечном счастье,
Безумный, я не помышлял!

<1860>

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ

СЕЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Если волов я не так запрягаю,
Нету во мне для хозяйства пути,
Если в избе я тебе докучаю,
В школу, родная, меня отпусти.

Грамотный буду; крестьянского сына
В школе научат, я знаю, всему;
Сделают там из него господина,
Платье суконное справят ему.

К вам принесу я рассказов немало,
В книжке прочту, как все в мире идет;
Все, что в старинные годы бывало,
Даже и то, что случится вперед...

Каждую травку назвать я сумею,
Буду я в церкви попу помогать
И на стене, над постелью твоею,
Лики угодников углем писать.

<1858>

СЕЛЬСКИЕ ПЕСНИ

1

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит.

С нею солнце краше
И весна милей...
Прощебечь с дороги
Нам привет скорей.

Дам тебе я зерен,
А ты песню спой,
Что из стран далеких
Принесла с собой...

Что ты все кружишься?
Что твой черный глаз
Ищет все кого-то?
Нет ее у нас!

За солдата вышла,
Бросила наш дом;
С матерью прощалась
Вон за тем крестом.

Там, где куст, мне с плачем
Ноги обняла
И чуть не вернулась,
Как до гор дошла.

Если к ним летишь ты,
Расскажи потом:
Может, терпят нужду
В городе чужом?

Часто ль вспоминают
Обо мне у них?
Что их дочь-малютка?
Что сыночек их?..

<1858>

2

Убравши головку цветами,
Маруся стоит над водами,
Любуясь собой, в них глядит
И Яну, смеясь, говорит:

— Поди ко мне, Ян белолицый,
Напейся студеной водицы... —
«Не стану я пить той воды...
Недолго с тобой до беды...»

— Зачем ты стоишь так далеко,
Знать, речки боишься глубокой? —
«Боюсь! В нее смотрит твой глаз...
А он заколдует как раз!»

<1859>

3

Тебе няньки песни пели,
А уж я любил!
И тогда же на мизинец
Перстень подарил.
Взяли жен себе другие;
Я же верен был.

Вдруг чужой пришел к нам парень
И тебе стал миг.

Музыкантов пригласили,
Я на свадьбе пил!
Стала ты чужой женою,
А я все любил!

Овдовела ты — с тобою
Вместе я тужил.
На вдове вдовец женился...
Я еще любил!
Как смеялись нынче девки.
Слез я не таил.
Знать, я даром ждал, и перстень
Мне не пособил!

<1859>

4

«Хоть бы песенку ты спела!...»
— Не могу, услышит мать.
Ну отворит вдруг окошко:
Нам с тобой несдобровать!

«Видно, ты меня не любишь!
Холодна ты, словно лед;
Вот опять отворотилась...
Разве кто нас стережет?»

— Замолчи! Мы возле хаты:
Могут люди увидеть!
Ты бы только целовался;
Ну как нас увидит мать!

«Или каменное сердце
В молодой твоей груди?
Дорогая! хоть разочек
На меня ты погляди!»

— Перестань! В другое время...
А теперь я не могу

Глаз отвести на миг от стада,
Что пасется на лугу.

«Посмотри! В тенистой роще
Колокольчик голубой...»
— Колокольчик! Неужели?..
То цветок любимый мой!

«Так сорвем!»
— Ты здесь останься...
«Где ж тебе одной сыскать?»
Проискали долго вместе...
Неужель узнает мать?

<1859>

5

Молодой стрелок идет дорогой,
И бежит собака перед ним;
Знать, устал и отдохнуть немного
Он прилег под деревом густым.

Встал опять и дальше в путь пустился
По пригорку... через ниву, в лес...
Смотрит в чашу... Вдруг остановился,
Затрубил и из виду исчез...

Я его собаку приласкаю...
Принесу ей больше молока,
Мяса ей и хлеба набросаю, —
Заведет к нам, может быть, стрелка.

Мать пойдет ему зажарить птицу,
Даст отцу он пострелять ружья...
Дети будут с псом возиться;
И вдвоем останусь с гостем я!

<1859>

С ВЕНГЕРСКОГО

ШАНДОР ПЕТЕФИ

* * *

Степью иду я унылою,
Нет ни цветочка на ней;
Деревца нету зеленого,
Где бы мог спеть соловей.
Мрачно так вечер насупился,
Звезд — ни следа в вышине...
Сам я не знаю, что вспомнилась
Вдруг в эту пору ты мне!..
Вспомнилась ты, моя милая,
С кротким и ясным лицом...
Вижу тебя... И, мне кажется,
Мгла уж редет кругом;
И будто песнь соловьиная
В чаще зеленой звучит;
Волны цветов колышаются,
В звездах все небо горит...

<1868>

За мою доброту меня хвалишь все ты;
Может быть, я и добр не шутя;
Но меня не хвали, ведь моей доброты
Твое сердце источник, дитя.

Не заслуга земли, что пестреет цветок
И что плод созревает на ней;
Разве мог бы взойти хоть один стебелек
Без живительных солнца лучей?

<1868>

ЯНОШ АРАНИ

* * *

Ах! Сколько, сколько пало их
В бою за край родной!
Отважных, гордых, молодых,
С кипучею душой!
Ах! Сколько, сколько сгибло их
Под гнетом нищеты,
Кому дороже благ земных
Казались их мечты,
Кто на чужбине чашу бед
Всю осушил до дна,
Деяний чьих не знает свет,
Чьи темны имена...
Но не погиб тот идеал,
Что возвышал их дух!
И пламень тот, что в них пылал,
С их жизнью не потух!
Завещан честным он сердцам...
И если б край родной
Опять воззвал к своим сынам —
Они готовы в бой!

1879

С НЕМЕЦКОГО

ГЕТЕ

ТИШЬ НА МОРЕ

Тишина немая в море,
Волны темны, как свинец.
Беспокойно на просторе
Озирается пловец.

Легкий ветер не подует;
Как в могиле, тишина...
И в дали необозримой
Не колыхнется волна.

<1844>

МОЛИТВА

О мой творец! О божс мой,
Взгляни на грешную меня:
Я мучусь, я больна душой,
Изрыта скорбыи грудь моя.
О мой творец! велик мой грех,
Я на земле преступней всех!

Кипела в нем молодая кровь;
Была чиста его любовь;
Но он ее в груди своей
Таил так свято от людей.
Я знала все... О боже мой,
Прости мне, грешной и больной.

Его я муки поняла;
Улыбкой, взором лишь одним
Я б исцелить его могла,
Но я не сжалилась над ним.
О мой творец, велик мой грех,
Я на земле преступней всех!

Томился долго, долго он,
Печалью тяжелой удручен;
И умер, бедный, наконец...
О боже мой, о мой творец,
Ты тронься грешницы мольбой,
Взгляни, как я больна душой!

<1845>

ГЕЙНЕ

★ . ★ . ★

Речная лилея, головку
Поднявши, на небо глядит;
А месяц влюбленный лучами
Уныло ее серебрит...

И вот она снова поникла
Стыдливо к лазурным водам;
Но месяц — все бледный и томный,
Как призрак, — сияет и там...

1845

* * *

Был старый король... (Эту песню
Я, други, слыхал в старину.)
Седой и с остылой душою,
Он взял молодую жену.

Был паж с голубыми глазами,
Исполнен отваги и сил;
Он шелковый шлейф королевы,
Прекрасной и юной, носил.

Докончить ли старую песню?
Звучит так уныло она...
Друг друга они полюбили,
И смерть им была суждена.

1845

* * *

Дитя! как цветок, ты прекрасна,
Светла, и чиста, и мила;
Смотрю на тебя... и люблюсь, —
И снова душа ожила...

Охотно б тебе на головку
Я руки свои положил,
Прося, чтобы бог тебя вечно
Прекрасной и чистой хранил.

1845

* * *

Скучно мне! И взор кидаю
Я на прошлое с тоской;
Лучше мир был! И дружнее
Жили люди меж собой...

А теперь... несносно, вяло,
Словно вымер целый свет.
В небесах не стало бога,
Но и черта больше нет.

Все так мрачно... отовсюду
Веет холодом могил;
И не будь любви немножко,
Право, жить не стало б сил!..

<1846>

* * *

Возьми барабан и не бойся,
Целуй маркитантку звучней!
Вот смысл глубочайший искусства,
Вот смысл философии всей!

Сильнее стучи, и тревогой
Ты спящих от сна пробуди!
Вот смысл глубочайший искусства;
А сам маршируй впереди!

Вот Гегель! Вот книжная мудрость!
Вот дух философских начал!
Давно я постиг эту тайну.
Давно барабанщиком стал!

<1846>

Ветер осенний колышет
Листья дерев при луне;
В плащ завернувшись, я еду
Лесом густым на коне.

Мысли, меня обгоняя,
Быстро несутся вперед...
Домик подруги знакомый
Взорам моим предстает.

Лают собаки... С огнями
Слуги встречают меня;
Вот я вхожу, о ступени
Шпорами громко звеня.

В комнате теплой и светлой
Милая плачет одна...
Радостно вскрикнув, на шею
Кинулась другу она.

Шум вокруг меня раздается;
Слышу я говор ветвей:
«Что тебе нужно, безумец,
С глупой мечтою своей?»

<1846>

Они меня много терзали —
И бледный я стал и худой —
Одни своей глупой любовью,
Другие своею враждой.

И хлеб мой они отравили,
И яду смешали с водой —
Одни своей глупой любовью,
Другие своею враждой.

Но та, кто всех больше терзала
И мучила сердце мое...
Меня никогда не любила;
Вражды не вселил я в нею!

1846

И смех, и песни, и солнца блеск!
Челнок наш легкий качают волны;
Я в нем с друзьями, веселья полный,
Плыву беспечно... Вдруг слышен треск.

И разлетелся в куски челнок —
Друзья пловцами плохими были,
Родные волны их поглотили,
Меня ж далеко умчал поток.

И вот сработал в чужой стране
Другой челнок я; но быют сурово
Чужие волны в челнок мой новый;
Мой край далеко! Как грустно мне!

Друзья иные теперь со мной!
И снова песни! Но воют бури,
И гаснут звезды в ночной лазури...
Прости навеки, мой край родной!

<1858>

* * *

Красавицу юноша любит;
Но ей полюбился другой.
Другой этот любит другую
И назвал своею женой.

За первого встречного замуж
Красавица с горя идет;
А бедного юноши сердце
Тоска до могилы гнетет.

Старинная сказка! Но вечно
Останется новой она;
И лучше б на свет не родился
Тот, с кем она сбыться должна!

1858
С.-Петербург

* * *

О! не будь нетерпелива
И прости, что в песнях новых
Всё еще так вняты звуки
Старой боли дней суровых!

Подожди! Замолкнет скоро
Эхо прожитых мучений,
И в душе расцветшей песен
Пробудится рой весенний!

1858
С.-Петербург

ГРАФИНЯ ГУДЕЛЬ
ФОН ГУДЕЛЬФЕЛЬД

Преклоняются все, о графиня,
За червонцы твои пред тобой.
В раззолоченной пышной карете,
Запряженной четверкой лихой,
Ты на герцогский бал покатила,
Там огни, и оркестр уж гремит,
И по мраморным гладким ступеням
Длинный шелковый шлейф твой шумит.
А вверху галуны и ливреи,
И кричат великаны лакеи:
«M-me la comtesse Goudelfeld!»¹.

В дорогих кружевах, в бриллиантах,
По сияющим залам дворца
Гордо с веером ты выступаешь,
И не сходит улыбка с лица.
Так высоко от радости дышит
Грудь твоя, и полна и бела;
Перед целым двором герцогиня,
Сага mia² тебя назвала.
Вальсируют с тобой камергеры;
Превозносит сам герцог манеры
De m-me la comtesse Goudelfeld.

Но беда, если денег не будет!
Все к тебе повернутся спиной.
Сага mia презрительно взглянет
И ни слова не скажет с тобой.
Длинный шлейф твой оттопчут лакеи,
Не пойдешь с камергером плясать,
И любезностей ты не услышишь,

¹ Графиня Гудельфельд! (франц.)

² Моя дорогая (итал.).

Только будешь обиды глотать;
Даже герцог сострит герцогине:
«Как несет чесноком от графини,
От m-me la comtesse Goudelfield!».

<1859>

ЮДОЛЬ ПЛАЧА

Уныло в трубах раздаются
Ночного ветра завыванья...
На чердаке, бледны и тощи,
Лежат два бедные созданья.
И говорит одно: «Рукою
Обвей мне крепче, крепче шею,
К устам моим прильни устами,
Согрей меня, я холодею».
И говорит другое: «Если
Любовь в твоём мне светит взоре,
Я забываю стужу, холод
И все свое земное горе».
Они друг другу жали руки,
И целовались, и рыдали...
Порой смеялись, песню пели
И вдруг затихли, замолчали...
Явился утром полицейский
И с ним хирург, здоровый малый,
Для подтвержденья, что на свете
Двух бедняков ещё не стало.
И объявил хирург, что холод
В соединенье с пустотою
Желудка — смерти их считает
Он несомненно виною.
— Из байки нужны одеяла, —
Прибавил он, — зима сурова, —
Потом сказал, что пища тоже
Сытна должна быть и здорсва.

<1864>

ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОЭТУ

Ты поешь, как Тиртей. Твоя песня
Вдохновенной отваги полна...
Но ты публику выбрал плохую,
Ты в плохие поешь времена.

Тебя слушают, правда, с восторгом
И, дивясь, восклицают потом:
«Как полет его дум благороден,
Как владеет он мощно стихом!»

За стаканом вина не однажды
Тебе даже кричали: «Ура!»
Хором песни твои распевали,
Распевали всю ночь до утра.

За столом спеть свободную песню
Очень любят рабы... Ведь она
И желудку варить помогает,
Да и больше с ней выпьешь вина!

<1870>

* * *

Как цветы, расцветают желанья
Лишь затем, чтоб потом отвести,
И опять расцветают и блекнут,
И так будет до гроба идти.

Это мне отравляет веселье,
Отравляет любовь мне давно...
Как умно мое сердце, что кровью
Наконец истекает оно!

<1872>

ФЕРДИНАНД ФРЕЙЛИГРАТ

* * *

Люби, пока любить ты можешь,
Иль час ударит роковой,
И станешь с поздним сожаленьем
Ты над могилой дорогой.

О, сторожи, чтоб сердце свято
Любовь хранило, берегло,
Пока его другое любит
И неизменно и тепло.

Тем, чья душа тебе открыта,
О, дай им больше, больше дай!
Чтоб каждый миг дарил им счастье,
Ни одного не отравляй!

И сторожи, чтоб слов обидных
Порой язык не произнес;
О боже! он сказал без злобы,
А друга взор уж полон слез!

Люби, пока любить ты можешь,
Иль час ударит роковой,
И станешь с поздним сожаленьем
Ты над могилой дорогой!

Вот ты стоишь над ней уныло;
На грудь поникла голова;
Все, что любил, — навек сокрыла
Густая влажная трава.

Ты говоришь: «Хоть на мгновенье
Взгляни; изныла грудь моя!
Прости язвительное слово,
Его сказал без злобы я!»

Но друг не видит и не слышит,
В твои объятия не спешит.
С улыбкой кроткою, как прежде,
«Прощаю все» не говорит!

Да! ты прощен... но много, много
Твоя язвительная речь
Мгновений другу отравила,
Пока успел он в землю лечь.

Люби, пока любить ты можешь,
Иль час ударит роковой,
И станешь с поздним сожаленьем
Ты над могилой дорогой!

21 сентября 1858

МОРИЦ ГАРТМАН

* * *

Капля дождевая
Говорит другим:
«Что мы здесь в окошко
Громко так стучим?»

Отвечают капли:
«Здесь бедняк живет;
Мы ему приносим
Весть, что хлеб растет».

23 декабря 1860
С.-Петербург

НА МОТИВ БОЛГАРСКОЙ ПЕСНИ

Я в свой цветок любимый заглянула,
И чудный мир увидела я в нем:
Стоял в родной долине домик белый,
Зеленый луг раскинулся кругом.

И я сама сидела на пороге;
Был у меня ребенок на руках;
Ты, милый мой, ходил с улыбкой мимо,
И счастья луч горел в твоих глазах.

Но вот увял, поблек цветок мой бедный;
Напрасно я гляжу в него опять;
Напрасно я ищу цветка такого
Во всех садах, — его мне не сыскать!

<1860>

МАННВЕЛЬТОВА НЕДЕЛЯ

(Н. А. Некрасову)

Мáннвельт коня в воскресенье седлал:
Дом его старый не мил ему стал.
Едет... Из церкви выходит народ;
Нищих толпа у церковных ворот;
Мимо себе богомольцы: прошли,
С деньгами кружку попы пронесли;
Нищим не подал никто — и с тоской
Молча поникли они головой.
Вот на помост прилегли отдохнуть:
Может, в вечерню подаст кто-нибудь.
Маннвельт, унылый, вернулся домой.

Маннвельт коня в понедельник седлал:
Дом его старый не мил ему стал.
Едет... Пред ним многолюдный базар;
Крики и шум, и пестреет говар —
Есть из чего выбирать богачам,
Много поживы и ловким ворами;
С рынка богатый богаче ушел,
Только бедняк был по-прежнему гол.
Маннвельт, унылый, вернулся домой.

Маннвельт во вторник коня оседлал:
Дом его старый не мил ему стал.
Едет он: площадь народом кипит,
Суд там правитель открыто чинит.
Кто пресмыкался, был знатен, богат,
Был им оправдан, добился наград.
Плохо лишь бедным пришлось от него...
А между тем за поездом его
С радостным криком народ весь бежал,
Милость его, доброту прославляя,
Полон восторга от ласковых слов,
Сыпал к ногам его много цветов!
Маннвельт, унылый, вернулся домой.
В среду Маннвельт коня оседлал:
Дом его старый не мил ему стал.

Видит он, шумной толпою во храм
Люди стремятся... и пастырь уж там
Молча стоит в облачение своем.
Скоро невеста вошла с женихом;
Стар он и сед был, прекрасна она;
Был он богат, а невеста бедна;
Счастлив казался жених; а у ней
Слезы лились и лились из очей.
Пастырь спросил у ней что-то;

в ответ

Да прошептала она, словно *нет*.
Гости чету поздравляют, потом
Едут на пир к новобрачному в дом.
Мать молодой была всех веселей:
Дочь своим счастьем обязана ей!
Маннвельт, унылый, вернулся домой.

Вот он коня и в четверг оседлал:
Дом его старый не мил ему стал.
Видит огромное здание он,
Видит, стекаются с разных сторон
Женщины в бедной одежде туда.
Знатные там собрались господа.
Дамам, разряженным в шелк

и атлас,

Бодрых кормилиц ведут на показ.
Кончился смотр;

и с довольным лицом

Вышли иные, звеня серебром.
Стон вылетал из груди у других;
Шли они, плача о детях своих,
И еще долго смотрели назад,
Им посылая свой любящий взгляд.
Маннвельт, унылый,

вернулся домой.

В пятницу Маннвельт коня оседлал:
Дом его старый не мил ему стал.
Видит, на улице муж и жена
Спорят, кричат и бранятся. Она
Волосы рвет на себе: «Осквернил
Брачный союз ты... жену погубил!»

Он отвечает, грозя кулаком:
«Ад принесла ты, злодейка,
в мой дом.
Сам я обманут тобою, змея!»
В книгу закона взглянувши, судья
Молвил чете:

«Вы расстаться должны».
И разошлись они, злобы полны.
А в отдаленье на камне сидел
Бледный ребенок, дрожа, и глядел
То на отца, то на мать он с тоской,
Брошенный ими — пошел он с сумой.
Маннвельт, унылый, вернулся домой.

Маннвельт в субботу коня оседлал:
Дом его старый не мил ему стал.
Въехал он в город: на улицах бой.
Кровью исходят и добрый и злой;
Раб и свободный убиты лежат.
Бьют барабаны, и пули свистят.
Веют знамена, и много на них
Слов благородных, призывов святых!..
Падая, их произносят бойцы...
С криком народ разрушает дворцы.
В бегстве король... Обуял его страх.
Вносит другого толпа на руках.
Маннвельт, унылый, вернулся домой.

Маннвельт коня в воскресенье седлал:
Дом его старый не мил ему стал.
В чистое поле он ранней порой
Выехал. — Мир был объят тишиной;
Где-то вился над деревней дымок,
Легкий его колыхал ветерок;
Жавронок в чистой лазури звенел;
Плод на ветвях наливался и зрел;
Тихо — сквозь сеть золотистых лучей —
Воды катил, извиваясь, ручей.
Маннвельт, задумчив, сидел на коне,
Слышался тропот копыт в тишине;
Голос кукушки звал всадника в лес...
Вот уж он в чаще зеленой исчез.

Дальше он все углублялся во тьму:
Тысяча звуков навстречу ему,
Мягких, ласкающих, чудных, неслись.
Нежили слух его... в душу лились,
Ей обещали забвенье, покой...
Маннвельт совсем не вернулся домой!

<1860>

МОЛЧАНИЕ

Ни слова, о друг мой, ни вздоха...
Мы будем с тобой молчаливы...
Ведь молча над камнем могильным
Склоняются грустные ивы...

И только, склонившись, читают,
Как я, в твоём взоре усталом,
Что были дни ясного счастья,
Что этого счастья — не стало!

<1861>

ПОДАРКИ

— Наш милый гость спешит отсюда.
Скажите, дети, что ему
Дадите вы, чтобы подольше
Остался он у вас в дому?

И старший сын ответил быстро:
«Мой сокол гостю лучший дар;
Он прежде был красив, а нынче
В крыло подстрелен, слеп и стар».

Другой сказал: «А я в придачу
Стрелу, пожалуй, гостю дам;
Она врагов не поражает,
Но в грудь вонзается стрелкам».

Словам их дочь внимала грустно
И тихо молвила потом:
«Я гостю все отдать готова —
Не откажу ему ни в чем:

Ему наряд свой драгоценный,
Ему свой перстень отдаю,
Свое девическое ложе,
Постель пуховую свою!»

— Так пусть же гость уходит с миром!
Прискорбно мне, что сыновья
Мои дарят ему так мало, —
Дарит так много дочь моя!

<1863>

* * *

Стало мне в доме и скучно и тесно,
Тянет куда-то, куда — неизвестно.
В сад не пойти ль, у цветов допроситься,
Может быть, мне порасскажут они,
Что это нынче со мною творится
И отчего в эти ясные дни,
Странной, глубокой тоской удручен,
Рвусь я куда-то все из дому вон.

Нет! На вопросы мои разрешенья
Я никогда не дождусь от цветов;
Им не понять ни тоски, ни томленья...
Тупо глядят они, нет у них слов;
Скучно мне в мертвом, безмолвном саду.
В лес я, в зеленую чашу пойду.

Вот я стою под листвой изумрудной,
Тысячи радостных звуков кругом!
Что же и здесь мне так больно и трудно,
Словно опять воротился я в дом,
Словно я в комнате мрачной своей;
Вон бы из этого мира скорей!

<1864>

ЦВЕТЫ

Каждый день, когда из дому
Выхожу я, у ворот
Ждет меня кудрявый мальчик
И цветы мне подает.

Я привык к его букетам,
И как будто веселей
Стало с ними в одинокой
Тесной комнатке моей.

Так красивы, ярки, свежи
Те цветы всегда, что я
Наконец спросил ребенка:
«Где ты взял букет, дитя?»

— У меня могильщик дядя, —
Он ответил, — и живу
Вместе с ним я на кладбище;
Там цветы я эти рву.

И пошел я с грустной думой,
Тихо молвив: «Узнаю
Я и здесь, судьба, все ту же
Шутку вечную твою;

В каждой радости, что в жизни
Нам тобою послана,
Капля есть отравы горькой —
Грусть на дне затаена».

<1874>

ИОЗЕФ ЭЙХЕНДОРФ

* * *

Ах, не та уж это липа,
На которую когда-то
Я влезал, чтоб любоваться
Ярким заревом заката.

И не этой рощей темной
Я, под шум ветвей сосновых,
От подруги возвращался
С сердцем, полным песен новых.

Знать, не та уж и долина,
Где порой любви счастливой
Выходили на свиданье
Мы стопою боязливой.

Нет! долина, роща, липа —
Те же всё, что в дни былые;
Ты не тот... Остыло сердце,
Да и волосы седые!

<1859>

ЛУННАЯ НОЧЬ

Казалось, небо землю тихо
Поцеловало перед сном,
Чтоб лишь оно одно ей снилось
В прозрачном сумраке ночном.

Скользил по нивам ветер теплый,
Колосьев двигалась волна...
И перешептывались листья,
И ночь в звездах была ясна...

И, широко расправив крылья,
Душа моя в тиши ночной
Неслась над спящею долиной,
Неслась, как будто бы домой...

<1864>

НОЧНЫЕ ГОЛОСА

И дол и лес объаты тьмой...
Необозримы, молчаливы
Лежат поля передо мной...
И не колышет ветер нивы...

Вдали раздался где-то звон...
То бьют часы, протяжно, мерно...
В испуге встрепенулась серна
И снова погрузилась в сон.

Вот на горе сосновый бор,
Шумя, вершины преклоняет:
Господь идет по высям гор
И спящий край благословляет.

<1862>

ЗИМНИЙ СОН

И снилось мне, что будто снова
Передо мною отчий дом;
Что я лежу в долине старой
С веселым, радостным лицом;
Что ветерок играет легкий
С листвою в полдневной тишине;
Что цвет летит с родных деревьев
На грудь и на голову мне...

Когда ж проснулся я — за лесом
Всходила тусклая луна;
Вокруг меня в сиянье бледном
Лежала чуждая страна...
И, озираясь, на деревьях
Я видел иней, а не цвет;
Поля покрыты были снегом,
И сам я был и стар и сед.

<1864>

ФРИДРИХ РЮККЕРТ

* * *

Тени гор высоких
На воду легли;
Потянулись чайки
Белые вдали.

Тихо все... Томленьем
Дышит грудь моя...
Как теперь бы крепко
Обнял друга я!

Весело выходит
Странник утром в путь;
Но под вечер дома
Рад бы отдохнуть.

<1844>

С АНГЛИЙСКОГО

ДЖОРДЖ БАЙРОН

Когда я прижимал тебя к груди своей,
Любви и счастья полн
и примирень с судьбою,
Я думал: только смерть нас разлучит
с тобою,
Но вот разлучены мы зависью людей.

Пусть тебя навек, прекрасное создание,
Отторгла злоба их от сердца моего,
Но верь — им не изгнать твой образ из него,
Пока не пал твой друг под бременем страдания.

И если мертвецы приют покинут свой
И к вечной жизни прах
из тленья возродится,
Опять чело мое на грудь твою склонится:
Нет рая для меня, где нет тебя со мной!

<1846>

WEII. THOU ART HAPPY

Ты счастлива, и я бы должен счастье
При этой мысли в сердце ощутить;
К судьбе твоей горячего участия
Во мне ничто не в силах истребить.

Он также счастлив, избранный тобою,
И как его завиден мне удел!
Когда б он не любил тебя — враждою
К нему бы я безмерно кипел!

Изнемогал от ревности и муки
Я, увидав ребенка твоего,
Но он простер ко мне с улыбкой руки —
И целовать я страстно стал его...

Я целовал, сдержавши вздох невольный
О том, что на отца он походил;
Но у него твой взгляд, и мне довольно
Уж этого, чтоб я его любил.

Прощай! Пока ты счастлива, ни слова
Судьбе в укор не посылаю я.
Но жить, где ты... нет, Мери, нет!
Иль снова
Проснется страсть мятежная моя.

Глупец! Я думал, юных увлечений
Пыл истребят и гордость и года;
И что ж? Теперь надежды нет и тени,
А сердце так же бьется, как тогда.

Мы свиделись... Ты знаешь, без волненья
Встречать не мог я взоров дорогих;
Но в этот миг ни слово, ни движение
Не выдали сокрытых мук моих.

Ты пристально в лицо мне посмотрела,
Но каменным казалось оно;

Быть может, лишь прочесть
ты в нем успела
Спокойствие отчаянья одно.

Воспоминанье, прочь! Скорей рассейся,
Рай светлых снов, снов юности моей!
Где ж Лета? Пусть они погибнут в ней!
О сердце, замолчи или разбейся!

<1871>

ЕВРЕЙСКИЕ МЕЛОДИИ

1

У вод вавилонских, печалью томимы,
В слезах мы сидели, тот день вспоминая,
Как враг разъяренный по стогнам Солима
Бежал, всё мечу и огню предавая;
Как дочери наши рыдали! Оне
Рассеяны ныне в чужой стороне.

Свободные волны катились спокойно...
«Играйте и пойте», — враги нам сказали.
Нет, нет! Вавилона сыны недостойны,
Чтоб наши им песни святыя звучали;
Рука да отсохнет у тех, кто врагам
На радость ударит хоть раз по струнам.

Повесили арфы свои мы на ивы:
Свободное нам завещал песнопенье
Солим, как его совершилось паденье;
Так пусть же те арфы висят молчаливы.
Вовек не сольете со звуками их,
Гонители наши, вы песен своих!

<1871>

2

Ты кончил жизни путь, герой!
Теперь твоя начнется слава.
И в песнях родины святой
Жить будет образ величавый,
Жить будет мужество твое,
Освободившее ее.

Пока свободен твой народ.
Он позабыть тебя не в силах.
Ты пал! Но кровь твоя течет

Не по земле, а в наших жилах;
Отвагу мощную вдохнуть
Твой подвиг должен в нашу грудь.

Врага заставим мы бледнеть,
Коль назовем тебя средь боя;
Дев наших хоры станут петь
О смерти доблестной героя;
Но слез не будет на очах:
Плач оскорбил бы славный прах.

<1871>

3

THE WILD GAZELLE¹

Газель, свободна и легка,
Бежит в горах родного края,
Из вод любого родника
В дубравах жажду утоляя.
Газели быстр и светел взгляд,
Не знает бег ее преград.

Но стан Сиона дочерей,
Что в тех горах когда-то пели,
Еще воздушней и стройней,
Быстрой глаза их глаз газели;
Их нет! Все так же кедр шумит,
А их напев уж не звучит!

И вы, краса родных полей,
В их почву вросшие корнями,
О пальмы! Участью своей
Гордиться можно вам пред нами;
Вас на чужбину перенести
Нельзя... Вы там не стали б цвести.

¹ Дикая газель (англ.)

Подобны блеклым мы листам,
Далеко бурей унесенным...
И где отцы почили, там
Не опочить нам, утомленным...
Разрушен храм. Солима трон
Врагом поруган, сокрушен!

<1872>

WHEN ALL AROUND GREW
DREAR AND DARK...

Когда был страшный мрак кругом
И гас рассудок мой, казалось,
Когда надежда мне являлась
Далеким, бледным огоньком;

Когда готов был изнемочь
Я в битве долгой и упорной
И, клевете внимая черной,
Все от меня бежали прочь;

Когда в измученную грудь
Вонзались ненависти стрелы, —
Лишь ты одна во тьме блестела
И мне указывала путь.

Благословен будь этот свет
Звезды немеркнувшей, любимой,
Что, словно око серафима,
Меня берег средь бурь и бед!

За тучей туча вслед плыла,
Не омрачив звезды лучистой;
Она по небу блеск свой чистый,
Пока не скрылась ночь, лила.

О! будь со мной! учи меня
Иль смелым быть, иль терпеливым;
Не приговорам света лживым —
Твоим словам лишь верю я!

Как деревцо, стояла ты,
Что уцелело под грозою,
И над могильною плитою
Склоняет верные лсты.

Когда на грозных небесах
Сгустилась тьма и буря злая
Вокруг редела, не смолкая,
Ко мне склонилась ты в слезах.

Тебя и близких всех твоих
Судьба хранит от бурь опасных;
Кто добр, небес достоин ясных, —
Ты прежде всех достойна их.

Любовь в нас часто ложь одна;
Но ты измене недоступна,
Неколебима, неподкупна,
Хотя душа твоя нежна.

Все той же верной встретил я
Тебя, в дни бедствий погибая,
И мир, где есть душа такая,
Уж не пустыня для меня!

РОБЕРТ СОУТИ

ЖАЛОБЫ БЕДНЯКОВ

«И что так ропщет бедный люд?» —
Богач сказал мне раз.
«Чтоб я тебе ответить мог,
Пойдем со мной сейчас».

Морозный вечер был, и снег
На улицах лежал.
Мы шли дрожа. Нас зимний плащ
От стужи не спасал.

Старик нам встретился седой;
Он сгорблен был и хил.
«Зачем из дому вышел ты?» —
Я старика спросил.

Он отвечал: «У очага
Сидеть бы я готов,
Когда бы подали вы мне
Хоть на вязанку дров».

Вот мальчик, видим мы, идет.
В лохмотьях весь и бос.
«Куда ты, — я спросил его, —
Бедняк, в такой мороз?»

«За подаяньем послан я, —
Он мне сказал в ответ, —
Отец мой при смерти лежит,
А в доме хлеба нет!»

На чье-то бледное лицо
Пал свет от фонарей:
На камне женщина сидит,
Малюток двое с ней.

«Зачем, — я молвил ей, — ты здесь?
Ведь ночь так холодна,
И деток бедных жаль...» Но мне
Ответила она:

«Мой муж солдат. За короля
Пошел он воевать.
И подаяньем хлеб должна
Себе я добывать».

В одежде легкой мимо нас
Красавица прошла,
В лицо с усмешкой нам взглянув,
Развязна и смела.

Я, воротив ее, спросил:
«Иль сладок так порок,
Что он и в эту ночь тебя
Из дома вызвать мог?»

Ее заставила глаза
Потупить речь моя,
И тихий голос прозвучал:
«Весь день не ела я!»

Богач стоял смущен и нем.
«Теперь, — я произнес, —
Ты знаешь все. Ответил сам
Народ на твой вопрос».

<1871>

БЛЕНГЕЙМСКИЙ БОЙ

Прохладный вечер наступил,
Сменив палящий зной.
У входа в хижину свою
Сидел старик седой;
Играла внучка перед ним
С братишкой маленьким своим.

И что-то круглое в траве
Бросали всё они.
Вдруг мальчик к деду подбежал:
И говорит: «Взгляни,
Что это мы на берегу
Нашли, понять я не могу».

Находку внучка взяв, старик
Со вздохом отвечал:
«Ах, это череп! Кто его
Носил, — со славой пал.
Когда-то был здесь жаркий бой,
И не один погиб герой.

В саду костей и черепов
Не сосчитаешь, друг!
И в поле тоже: сколько раз
Их задевал мой плуг.
Здесь реки крови протекли
И храбрых тысячи легли».

«Ах, расскажи нам, расскажи
Про эти времена! —
Воскликнул внук. — Из-за чего
Была тогда война?»
Затихли дети, не дохнут:
Чудес они от деда ждут.

«Из-за чего была война,
Спросил ты, мой дружок;
Добиться этого и сам
Я с малых лет не мог.

Но говорили все, что свет
Таких не видывал побед.

В Бленгейме жили мы с отцом...
Пальба весь день была...
Упала бомба в домик наш,
И он сгорел дотла.
С женой, с детьми отец бежал,
Он бесприютным нищим стал.

Все истребил огонь, и рожь
Не дождалась жнеца.
Больных старух, грудных детей
Погибло без конца.
Как быть! На то война, и нет,
Увы, без этого побед!

Мне не забыть тот миг, когда
На поле битвы я
Взглянул впервые. Горы тел
Лежали там, гния.
Ужасный вид! Но что ж? Иной
Побед нельзя купить ценой.

В честь победивших пили все,
Хвала гремела им».
«Как! — внучка деда прервала, —
Разбойникам таким?»
«Молчи! Гордиться вся страна
Победой славною должна.

Да! принц Евгений и Мальбруг
Тот выиграли бой».
Тут мальчик перебил: «А прок
От этого какой?»
«Молчи, несносный дуралей!
Мир не видал побед славней».

1871
Москва

ТОМАС МУР

ИЗ ИРЛАНДСКИХ МЕЛОДИЙ

1

НЕ НАЗЫВАЙТЕ ЕГО

Пусть лежит он в тенистом приюте своем.
Где зарыт он без почестей нами...
И, как ночью роса, наши слезы о нем
Пусть безмолвными будут слезами.

От слезинок росы дерн могил зеленой,
Хоть она и в тиши их роняет...
Так и память о нем в нашем сердце
сохраним свежей
Сохранить нам слеза помогает...

<1875>

2

ВПЕРЕД

Вперед, мой челн!
Пусть ветер гонит нас;
В какой бы мы стране
ни мчались дальной.
Но не видать нам более печальной
Страны, чем та, что скрылся от глаз.

И волны мне как будто бы журчат:
«Хоть смерть порой под нашей лаской
скрыта,

Но те, кем жизнь твоя была разбита,
Нас холодней, коварней во сто крат!»

Вперед, вперед! Пусть море без конца...
Несись, челнок, и в тишь, и в день
ненастный:

Как отдыху, и буре рад опасной
Покинувший коварные сердца!

Но если б где-нибудь еще найтись
Мог уголок пустынный, ни враждою,
Ни ложью не запятнанный людскою, —
Тогда, но лишь тогда, остановись.

<1875>

3

КО МНЕ ИДИ

Не в пышный зал, блистающий огнями,
Куда стремятся юноши толпой, —
В мой бедный сад с поблекшими цветами
Иди, мой друг: мы старики с тобой.
Там вызовем мы тени дорогие,
С умолкшими беседу поведем;
Подняв бокал за годы прожитые,
Там совершим мы тризну по былом.

Там мы почтим безмолвною слезою
Погибшие надежды и мечты,
Меж тем как мир над нашей сединою
Склонит свои увядшие листья,
И как в краю пустынном и унылом
Ветвями гордый лавр шумит порой,
Так пусть и наш привет звучит могидам,
Где силы спят, забытые толпой!

<1875>

СЫН МЕНЕСТРЕЛЯ

Он на битву пошел, сын певца молодой,
Опоясан отцовским мечом;
Его арфа висит у него за спиной,
Его взоры пылают огнем.

«Все тебя предают, —
барда слышится речь, —
Страна песен, родная страна,
Но тебе до конца не изменит мой меч,
И моя будет арфа верна!»

Пал он в битве... Но враг, что его победил,
 Был бессилен над гордой душой;
 Смолкла арфа: ее побежденный разбил,
 Порвал струны он все до одной.

«Ты отвагу, любовь прославлять
Молвил он, — так не знай же оков.
Твоя песнь улаждать
Но не будет звучать меж рабов!»

<1875>

I saw from the beach!

Я видел, как розовым утром качался
В волнах прибывавших у озера челн;
И вновь я пришел,
 когда мрак надвигался.
Челнок был все там же, но не было волн.

¹ Я видел с берега (англ.).

Я так же охвачен был счастья волною,
Как этот песком занесенный челнок...
Отхлынули волны, и, полон тоскою,
Остался у берега я одинок.

Зачем говорите вы мне в утешенье,
Что слава должна услаждать мой закат...
Отдайте мне бурную смелость стремленья,
Отдайте мне юности слезы назад!

<1885>

6

Как солнце золотит поверхность тихих вод,
А в глубине меж тем объаты волны тьмою, —
Улыбкой так лицо озарено порою,
Хотя в душе печаль гнетущая живет.

На нас унылый луч осенних бледных дней
Бросает о былых скорбях воспоминанья,
И радость ли нам жизнь дарит или страданья —
Нам все равно тогда: мы безучастны к ней.

Не так ли ветвь одна засохшая висит
На дереве, что все покрыто пышным цветом;
Облитая зари вечерней алым светом,
Она еще красой обманчивой манит,
Но ей уж не расцвести, и свежую листвою
Листва поблекшая не сменится весною.

<1888>

ВИЛЬЯМ МОТЕРВЕЛЛЬ

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

В голове моей мозг хочет треснуть,
Кровью сердце мое истекло;
Изменяют мне ноги... О Вилли!
Умереть, видно, время пришло.
Приложи свою руку мне к сердцу
И щекою приинки к моей,
И скажи — ты меня не забудешь
Даже там, даже в царстве теней?

О, к чему утешать меня? Полно!
Пусть беснуется горе в груди.
Только дай мне наплакаться вволю;
На колени меня посади.
Дай обнять твою голову, Вилли,
Дай облить мне слезами ее;
Дай потухшим глазам наглядеться
На лицо дорогое твое!

Никогда уж я больше не буду
На коленях сидеть у тебя;
Я, несчастная мать, без супруга,
Умираю, глубоко любя.
Приложи свою руку мне к сердцу.
Приложи ее крепче — вот так.
Это сердце так бешено рвется,
Что мой шелковый лопнет кушак.

Проклинаю тот день, как впервые
Образ твой в мою душу проник,
Рокового с тобою свиданья
Проклинаю я сладостный миг,

И ту рощу, тот край, где, бывало,
Не устанем всю ночь мы бродить,
И судьбу, что меня допустила
Беспредельно тебя полюбить!

О, прости мне, мой милый, не слушай,
Я сказала тебе не в укор,
Но ведь я так глубоко страдаю,
Ведь на долю мне выпал позор!
Вижу, градом внезапные слезы
Из очей покатались твоих...
Но о чем же ты плачешь, скажи мне?
О грехе ль? О страданиях людских?

Опостылел мне мир этот, Вилли!
Я всех радостей стала чужда:
Чем была, не могу и остаться,
И женой мне не быть никогда.
О, прижми это сердце больное
К своему еще раз, еще раз...
Поцелуй эти впалые щеки,
На которых румянец погас!

В голове моей мозг хочет треснуть!
Кровью сердце мое истекло...
Еще раз перед вечной разлукой
Я твое поцелую чело,
Еще раз — и в последний, мой милый...
Подогнулись колени... прощай...
На кладбище, где буду лежать я,
Не ходи... надо мной не рыдай.

Этот жавронок, звонкою песнью
Оглашающий воздух полей,
Целый день будет петь, не смолкая,
Над могилою тихой моей.
Эта влажная зелень долины
Скроет бедное сердце мое,
Что любило тебя так безмерно,
Как тебя не полюбит ничье!

Не забудь, где бы ни был ты, Вилли,
Не забудь своей Мери! Она
Одного тебя только любила
И до смерти осталась верна.

Не забудь, что засыпаны прахом
Будут светлые кудри лежать,
И прильнет он к ланитам, которых
Уж тебе никогда не лобзать!

<1861>

РОБЕРТ НИКОЛЛЬ

ВСЕ ЛЮДИ — БРАТЬЯ

О, как бы он счастлив был, свет этот
старый,
Да люди друг друга понять не хотят!
К соседу сосед не придет и не скажет:
«Ведь люди все братья, — дай руку мне,
брат!»

Зачем мы разлад и вражду не покинем,
Зачем не составим одну мы семью?
Один бы другому сказать мог с любовью:
«Приди! мы все братья, — дай руку свою.

Богат ты и носишь нарядное платье;
Я беден, на мне кафтанишко худой;
Но честное сердце в груди у обоих,
Так дай же мне руку, мы братья с тобой!

Тебе ненавистны измена и подлость,
Но правды закон тебе дорог и свят;
Я тоже любовью к добру пламенею —
Приди! мы все братья, — дай руку мне,
брат!

Ни сильный, ни слабый тобой не обманут,
За слово свое, как и ты, я стою;
Не то же ль, что я, называешь ты
счастьем?
Мы братья с тобою, — дай руку свою!

Ты матерью нежно, глубоко любим был,
Моя и жила и дышала лишь мной;
Пускай мы стоим на различных ступенях,
Но руку подай мне, — мы братья с тобой!

Мы любим вечернего солнца сиянье,
Всего нам дороже родимый наш край,
И жизнь для борьбы послана нам обоим;
Мы братья... Так братски мне руку подай!

Грозит уж обоим нам хилая старость,
И смерть неизбежная ждет нас за ней,
И оба мы в темную ляжем могилу.
Да, люди все братья!.. Дай руку скорей!»

<1861>

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ

ЖАЛОБА ИРЛАНДСКОГО ВЫХОДЦА

Иду я тропинкой заглохшей,
Поникнув на грудь головой.
Здесь утром весенним однажды
Мы встретились, Мери, с тобой.
Зеленая рожь колыхалась,
И звонко пел зяблик в кустах,
Светилась любовь в твоём взоре,
И розы цвели на устах.

Не многое здесь изменилось:
Все так же прекрасна весна,
По-прежнему рожь зеленеет
И зяблика песня слышна.
Но руки твои, дорогая,
Моих не сжимают уж рук,
И тщетно хочу я услышать
Любимого голоса звук!

Знакомая взорам ограда
Белеет опять предо мной —
Ограда той маленькой церкви,
Где назвал тебя я женой.
А вот и погост... Нарушают
Шаги мои часто твой сон...
Сюда отнесли тебя, Мери;
И здесь же твой сын схоронен...

Теперь я один, моя Мери,
Не нужен бедняк никому;
Но тем дорожит он сильнее
Могилами близких ему.
Была моя жизнь трудовая
Тобой лишь одною светла,
И некого больше любить мне
С тех пор, как ты в землю сошла.

Слабели не раз мои силы
Под гнетом нужды и труда,
И к небу и к людям кипела
В измученном сердце вражда!
Но ты, ты не падала духом,
Ясна оставалась в борьбе,
И вот почему я взываю,
Хоть ты и не слышишь, к тебе:

Спасибо тебе, дорогая!
Ведь голод томил и тебя...
И ты настрадалась немало,
Но только молчала, любя.
Спасибо тебе за улыбку,
За каждый сердечный привет...
Спасибо за то, что ушла ты
В тот край, где страдания нет!

Надолго с тобой я прощаюсь...
Пройдут на чужбине года,
И старость настанет; но помнить
О Мери я буду всегда.
Они говорят, что работы
Там больше и солнце ясней...
Но все буду сердцем стремиться
Я к родине бедной своей!

Закрою ль глаза я порою,
Бродя в первобытных лесах,
Туда унесут меня мысли,
Где милый покоится прах...
Мне будет казаться, что Мери
Ко мне, улыбаясь, идет,
И рожь зеленеет, и зяблик
В кустах свою песню поет.

ПОИСКИ

Ищите его по долинам,
Где быстрые реки журчат,
На горных вершинах ищите,
Где жалобно птицы кричат,
В пустыне, где странников звезды
Путем незнакомым ведут.
Того, кто мне жизни дороже,
Быть может, найдете вы тут.

Искали они его всюду,
Кипя беспредельной враждой;
Искали в оврагах, поросших
Высокой шумящей травой,
И бешено к горным ущельям
Своих они гнали коней;
Но тщетно: он был уж далеко...
Позорных избег он цепей.

Чего они мне ни сулили,
Чтоб я им сказала, в каких
Местах отдаленных укрыться
Изгнаннику легче от них.
Глупцы! Если б даже корона
Наградою быть мне могла,
Улыбку гонимого ими
Короне бы я предпочла!

Украдкой ему приносила
Я хлеба, вина и плодов;
В объятьях его проводила
Я много счастливых часов.
От мест, где мой милый укрылся,
Бегите, враги! У него
В запасе есть меткие пули...
Они не щадят никого!

Искали они его всюду:
В долинах, в лесу и в горах,

И криком своим наводили
На женщин и девушек страх;
А в чаще лесной, где сплелися
И дуб, и орешник, и вяз,
Я сон беглеца охраняла,
К его изголовью склоняюсь...

<1873>

ДЖОНИ ФА

(Из шотландских народных баллад)

Пред замком шумная толпа
Цыган поет, играет...
Хозяйка замка вниз сошла
И песням их внимает...

«Пойдем, — сказал ей Джони Фа, —
Красавица, со мною,
И мужу не сыскать тебя,
Ручаюсь головою!..»

И обнял правою рукой
Красавицу он смело,
Кольцо на палец Джони Фа
Она свое надела.

«Прощайте все, — родные, муж!
Судьба моя такая!
Скорее плащ мне, чтоб идти
С цыганами могла я.

В постели пышной ночи я
Здесь с мужем проводила;
Теперь в лесу зеленом спать
Я буду рядом с милым!»

Вернулся лорд, и в тот же миг
Спросил он, где супруга.
«Она с цыганами ушла», —
Ответила прислуга.

«Седлать коней! Недалеко
Еще она отсюда.
Пока я не найду ее,
Ни пить, ни есть не буду!»

И сорок всадников лихих
В погоню поскакали;
Но все они до одного
В лесу зеленом пали!

<1881>

С ФРАНЦУЗСКОГО

ВИКТОР ГЮГО

ПЕСНЯ

«Поля цветами запестрели,
Веселый май вернулся к нам;
Скажи, изгнанник, неужели
Не рад ты солнцу и цветам?»
«Цветы, что я в стране далекой,
В родной стране своей взрастил,
Я вспоминаю, одинокий...
Май без отчизны мне не мил!»
«Взгляни, изгнанник, на могилы,
Взгляни: и в царстве их неом
Затрепетали жизни силы,
Горячим вызваны лучом!..»
«Могилы вспомнил я иные
И тех, чьи очи я закрыл;
Не милы небеса чужие,
И май изгнаннику не мил!»
«Смотри! Вот птички в темной чаще
Свивают гнездышки свои...
В их трелях, весело звучащих,
Блаженство слышится любви!»
«Гнездо мне вспомнилось родное,
Тот уголок, где я любил,
Где кинул все мне дорогое...
Май на чужбине мне не мил!»

<1881>

МАРК МОНЬЕ

* * *

В церкви я стоял и слушал,
Как пред набожной толпой
Говорил входящий в славу
Проповедник молодой;

Так земля ему казалась
Безотраднa и мрачна.
Что лишь страх и отвращенье
Поселяла в нем она.

Слушал я его и думал
О прекрасных вешних днях,
О пестреющих цветами,
Солнцем залитых полях!

Говорил он, что в пороках
Грешный сын земли погряз,
Что любви мы к братьям чужды;
Нет на подвиг силы в нас.

Слушал я его и думал
О друзьях, что на краю
Бездны страшной мне простерли
Руку верную свою.

Слушал я его и думал
О безрадостной судьбе
Стольких добрых и отважных,
В честной гибнущих борьбе!

Он об огненной геенне
В исступлении вещал;
Вопли, плач, зубовный скрежет
За грехи нам обещал.

А меня в обетованный
Край несла мечта моя,
В ту страну, где будут люди
Жить как дружная семья!

Где вражды потухнет пламя,
Перестанет литься кровь
И в сердцах людских зажжется
Бесконечная любовь

Смолк аббат. Из церкви вышел
Я, краснея за него
За хулу, что произносит
Он на бога своего!

<1872>

Я буду цвесть для того, кто страдает.
Узника я утешаю один.
Пусть он, взглянув на меня, вспоминает
Зелень родимых долин!»

<1872>

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

ВОПРОС

Ужели смерть есть цель? Зачем же путь
Усеян яркими, прекрасными цветами;
Зачем печальною осеннею порой
Мы покидаем их с невольными слезами?

Но если жизнь есть цель, зачем же мы порой
Встречаем тернии меж яркими цветами;
Зачем должны кремнистый путь земной
И кровью запятнать и оросить слезами?

<1856>

ИЗ ДАТСКИХ ПОЭТОВ

ГАНС АНДЕРСЕН

МАТЬ И СЫН

«Скажи мне, родная, дай сыну ответ:
Увижу отца? Иль в живых его нет?
Молчишь ты, и даже не скажешь —

кто он,
А нынче мне чудный привиделся сон:
Мне снилось, что был мой отец королем.
Скажи хоть одно мне: куда мы идем?

Блуждаем в степи мы, скрываясь от всех.
Где темные рощи? Там пляски и смех!
Там песни звучали! Туда бы опять...
Опять бы я горы хотел увидеть.
Скажи, где отец мой? Скажи мне —

кто он?
А я расскажу тебе чудный свой сон.

Мне радуга снилась; на выси двух гор
Она опиралась, и будто мой взор
Над нею отца в облаках различил,
Свободно и гордо он в небе царил,
Корона была золотая на нем,
И ангелы божьи летали кругом.
Он мне улыбался, кивал с облаков...
Отрадных таких я не видывал снов!»

«Какие тут сны! Замолчи ты, глупец!
Из Венгрии мы, — там повешен отец.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ночные думы	8
1. Дездемоне (Виардо Гарсии)	8
2. Безотчетная грусть	9
3. Дачи	10
Старик за фортепьяно	11
Челнок	13
Могила	14
<М. П. Я — й> («Люблю стремиться я мечтою»)	15
NOTTURNO («Ночь тиха... Едва ко- лышет...»)	16
Прощальная песня	17
«После грома, после бури...»	18
Дума («Как дети иль рабы, преда- нию послушны...»)	19
На память	20
На зов друзей	21
NOTTURNO («Я слышу, знакомые звуки...»)	23
Сосед	24
Странник («Всё тихо... Тополы над спящими водами...»)	25

Ее мне жаль	27
«Снова я, раздумья полный...»	28
Песня («Доброй ночи!» — ты ска- зала...»)	29
Песня («Выйдем на берег; там волны...»)	30
Любовь певца	31
Бал (Отрывок)	32
«Когда я в зале многолюдном...»	34
Гидальго	35
Элегия (На мотив одного француз- ского поэта)	36
Сон (Отрывок из неоконченной поэмы)	37
Поэту («Кто не страдал святым страданием...»)	40
Прости	42
Певице	43
«Страдал он в жизни много, много...»	45
«Вперед! без страха и сомненья...»	47
Напев	48
Ответ	49
«Случайно мы сошлись с вами...»	50
Звуки	53
«К чему мечтать о том, что после будет с нами...»	54
Встреча	56
«По чувствам братья мы с тобой...»	58
«Когда увижу я неожиданно погреб- енье...»	59

«Как испанская мушка, тоска...»	60
Новый год (Кантата с итальянского)	
(«Слышны клики — поздравленья...»)	61
«Еще один великий голос смолк...»	62
При посылке Рафаэлевой Мадонны	63
Перед отъездом (Л. З. Д<анде- виль> — при посылке моих стихов	64
Весна («В старый сад выхожу я, росинки...»)	65
После чтения газет	67
С у («Перед тобой лежит широкий новый путь...»)	68
В степи	69
Раздумье	70
«Не говорите, что напрасно...»	71
«О, если б знали вы, друзья моей весны...»	72
Листок из дневника	73
«Когда твой кроткий, ясный взор...»	78
«Есть дни: ни злора, ни любовь...»	79
Зимнее катанье	80
С. Ф. Дурову	82
«Тобой лишь ясны дни мои...»	83
Молитва («О боже мой, восста- нови...»)	84
«Ты мне мила, пора заката!...»	85
«О нет, не всякому дано...»	86
«Он шел безропотно тернистою до- рогой...»	87
Посвящение	88
Былое («Ночи бледное светило...»)	89

Птичка («Для чего, певунья птичка...»)	91
«Ты хочешь песен, — не пою...»	93
Сердцу	94
Цветок («Над пустыней, в полдень знойный...»)	95
Песня («Тихо все, глядится месяц...»)	97
«Много злых и глупых шуток...»	98
«Дети века все больные...»	100
«Когда мне встретится истерзаный борьбою...»	102
Мой знакомый	103
«Что за детская головка...»	106
Странник («Томиг меня мой страннический путь...»)	107
«Знакомые звуки, чудесные звуки!..»	108
Мой садик	109
«Ты помнишь: поникшие ивы...»	111
«Когда возвратился я в город родной...»	112
«Была пора: своих сынов...»	113
Счастливец	114
«Трудились, бедные, вы, стыду не зная...»	116
Опустевший дом	117
Призраки	118
Лунной ночью («И мне когда-то было мило...»)	120
«Пью за славного артиста...»	121

«Если в час, когда зажгутся звезды...»	122
«Я у матушки выросла в холе...»	123
На улице	125
«Нет отдыха, мой друг, на жизненном пути...»	128
«Скучная картина!..»	129
Декабрист	130
Облака («Вот и гроза прошла, и небо просветлело...»)	131
Нищие	132
«Перед ветхою избенкой...»	134
Весна («Песни жаворонков снова...»)	135
Больной	136
Дети	137
«Друзья свободного искусства...»	138
Памяти К. С. Аксакова	139
«Нет! лучше гибель без возврата...»	140
«Блажен не ведавший труда...»	141
Поэту («Пускай заманчив гладкий путь...»)	142
«Завидно мне смотреть на мудрецов...»	143
Новый год («Всем, застигнутым ненастьем...»)	144
«О, не забудь, что ты должник...»	146
Мольба	147
«На сердце злорада накалила...»	148
«Природа-мать! К тебе иду...»	149
Отчизна	151
Она и он	153

Две дороги	163
Родное	165
Советы мудрецов	166
В лесу	168
Ночью («Неприветна, молчалива...»)	169
«Всю-то, всю мою дорожку...»	171
К юности (Посвящается молодому поколению)	173
Лжеучителям	175

Летние песни

1. «Запах розы и жасмина...»	176
2. «И вот шатер свой голубой...»	176
3. «Отдохну-ка, сяду у лесной опушки...»	177
4. «Люблю я под вечер тропинкою лесною...»	178
5. «Солнце горы золотило...»	178
6. «Ночь пролетала над миром...»	179
7. «Бледный луч луны пробил-ся...»	180
8. «Что ты поникла, зеленая ивушка?...»	181
«Зачем при звуках этих песен...»	182
«В суде он слушал приговор...»	183
Умирающий	184
Весна («Опять весной в окно мое пахнуло...»)	185
Ипохондрия	186
Осень	187
Тучи	188
«Что год, то новая утрата...»	190

«Честные люди, дорогой герги- стою...»	191
«Если хочешь ты, чтоб мирно...»	192
«Смотрю на нее и люблюсь...»	194
Гости (С немецкого)	195
Памяти Е. А. Плещеевой	196
APOSTATEN-MARSCH (Мотив одного немецкого поэта)	198
«Быстро тают снега, побежали ручьи...»	200
Славянским гостям	201
«Где ты, пора веселых встреч...»	202
«Когда тебе молчанием суровым...»	203
«Жаль мне тех, чья гибнет сила...»	204
Облака («Я лежал на траве и гля- дел...»)	205
Старики («Вот и опять мы, как в прежние годы...»)	207
«Тяжелая, мучительная дума...»	209
Слова для музыки («Я помню все: и голос милый...»)	210
«Иль те дни еще далеки...»	211
Ожидание	212
«Он в белом гробике своем...»	213
«Блаженны вы, кому дано...»	214
Весенней ночью	215
Тосты	216
Весна («Уж тает снег, бегут ручьи...»)	217
Детство	218
Зимний вечер	221

В бурю	223
Из жизни	225
Могила труженика	230
«Нет мне от лютого горя покоя...»	232
«Теплый день весенний...»	233
На берегу (К а р т и н к а)	235
Ночью («Жалобно ветер в трубе завывает...»)	237
Воспоминание	238
Завтра (С ц е н к а из вседнев- ной жизни)	239
На даче	242
Старик («У лесной опушки домик небольшой...»)	245
«Я тихо шел по улице безлюдной...»	247
Ненастье (К а р т и н к а)	249
«Расстался я с обманчивыми сна- ми...»	252
Бабушка и внучек	254
«Тебе обязан я спасеньем...» . . .	258
Памяти Пушкина	259
«Огни погасли в доме...»	261
Песнь изгнанника	262
«Бурлила мутная река...»	264
«Без надежд и ожиданий...»	265
Из старых песен	266
«Ты жаждал правды, жаждал света...»	267
Памяти Н. А. Некрасова	268
Былое («Картины далекого дет- ства...»)	270

Последняя среда	272
27-го сентября 1883 г.	275
1-е января 1884 г.	277
«Как часто образ дорогой...» . . .	278
Слова для музыки («Нам звезды кроткие сияли...»)	279
К портрету певицы	280
На закате	281
В альбом Антону Рубинштейну	282
Елка	283
На похоронах Всеволода Гаршина	284
Антону Павловичу Чехову	285
«Так тяжело, так горько мне и больно...»	286
«Кто ты, красавица, с цветами поле- выми...»	287
«Это пламенное солнце...»	288
«Как в дни ненастья солнца луч...»	289
Упрек (Р о м а н с)	290

ПЕРЕВОДЫ

С украинского

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

Дума («Проходят дни... проходят ночи...»)	292
Сон («Она на барском поле жа- ла...»)	293
Песни	
1. «И долину, и курганы...»	294
2. «Проторила я дорожку...»	294
3. «Не вернулся из походу...»	295
4. «Хороша, богата...»	295
5. «Полюбила я...»	296
«В те дни, когда мы были каза- ками...»	297

С польского

АНТОНИЙ СОВА

(Желиговский)

Два слова	298

ВЛАДИСЛАВ СЫРОКОМЛЯ

Птичка («Птичка божия проснулась с зарею...»)	299
Дума («Здесь дни мои текут спо- койно...»)	300

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ

Сельская песня («Если волов я не так запрягаю...»)	301
Сельские песни	
1. «Травка зеленеет...»	302
2. «Убравши головку цветами...»	303
3. «Тебе няньки песни пели...»	303
4. «Хоть бы песенку ты спела!»	304
5. «Молодой стрелок идет доро- гой...»	305

С венгерского

ШАНДОР ПЕТЕФИ

«Степью иду я унылою...»	306
«З мою доброту меня хвалишь все ты...»	307

ЯНОШ АРАНИ

«Ах! Сколько, сколько пало их...»	308

С немецкого

ГЕТЕ

Тишь на море	309
Молитва («О мой творец! О боже мой...»)	310

ГЕЙНЕ

«Речная лилея, головку...» . . .	311
«Был старый король... (Эту песню...)»	312
«Дитя! как цветок, ты прекрасна...»	312
«Скучно мне! И взор кидаю...»	313
«Возьми барабан и не бойся...»	313
«Ветер осенний колышет...» . . .	314
«Они меня много терзали...» . . .	315
«И смех, и песни, и солнца блеск!..»	316
«Красавицу юноша любит...»	317
«О! не будь нетерпелива...»	317
Графиня Гудель фон Гудельфельд	318
Юдоль плача	319
Политическому поэту	320
«Как цветы, расцветают желанья...»	320

ФЕРДИНАНД ФРЕЙЛИГРАТ

«Люби, пока любить ты можешь...»	321

МОРИЦ ГАРТМАН

«Капля дождевая...»	323
На мотив болгарской песни	323

Маннвельтова	неделя	.	.	.	.	324
Молчание	.	.	.	.	.	327
Подарки	.	.	.	.	.	328
«Стало мне в доме и скучно и тесно...»	.	.	.	.	.	329
Цветы	.	.	.	.	.	330

ИОЗЕФ ЭЙХЕНДОРФ

«Ах, не та уж эта липа...»	.	.	.	.	331
Лунная ночь («Казалось, небо землю тихо...»)	.	.	.	.	331
Ночные голоса	.	.	.	.	332
Зимний сон	.	.	.	.	333

ФРИДРИХ РЮККЕРТ

«Тени гор высоких...»	.	.	.	.	334

С английского

ДЖОРДЖ БАЙРОН

«Когда я прижимал тебя к груди своей...»	.	.	.	.	335
Well, thou art happy	.	.	.	.	336
Еврейские мелодии					
1. «У вод вавилонских, печалью томимы...»	.	.	.	.	338
2. «Ты кончил жизни путь, герой!...»	.	.	.	.	338
3. The wild gazelle	.	.	.	.	339

When all around grew drear and dark...	340

РОБЕРТ СОУТИ

Жалобы бедняков	342
Бленгеймский бой	344

ТОМАС МУР

Из ирландских мелодий

1. Не называйте его	346
2. Вперед	346
3. Ко мне иди	347
4. Сын менестреля	348
5. «Я видел, как розовым утром качался...»	348
6. «Как солнце золотит поверх- ность тихих вод...»	349

ВИЛЬЯМ МОТЕРВЕЛЛЬ

В последний раз	350

РОБЕРТ НИКОЛЛЬ

Все люди — братья	353

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ

Жалоба ирландского выходца	355
Поиски	357
Джони Фа (Из шотландских народ- ных баллад)	359

С французского

ВИКТОР ГЮГО

Песня («Поля цветами запест-
рели...») 361

МАРК МОНЬЕ

«В церкви я стоял и слушал...» 362

ЛУИ РАТИСБОНН

Цветок («Весело цветики в поле
пестреют...») 364

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Вопрос («Ужели смерть есть цель?
Зачем же путь земной...») : 366

Из датских поэтов

ГАНС АНДЕРСЕН

Мать и сын 367

**Алексей Николаевич
ПЛЕЩЕЕВ**

Стихотворения

Заведующий редакцией *А. Лукашин*
Редактор *Н. Семенова*
Художественный редактор *С. Лузин*
Технические редакторы *Т. Сайтарова,*
Л. Псарева
Корректоры *Л. Крамаренко, З. Селюк*

ИБ № 1434

Сдано в набор 24.01.85. Подписано в печать 23.07.85. Формат бумаги 70×108^{1/64}. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,40. Усл. кр.-отт. 8,40. Уч.-изд. л. 13,156. Тираж 300 000 экз. 2-й завод 150 000 экз. Заказ № 889. Цена 1 р. 30 к.

Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

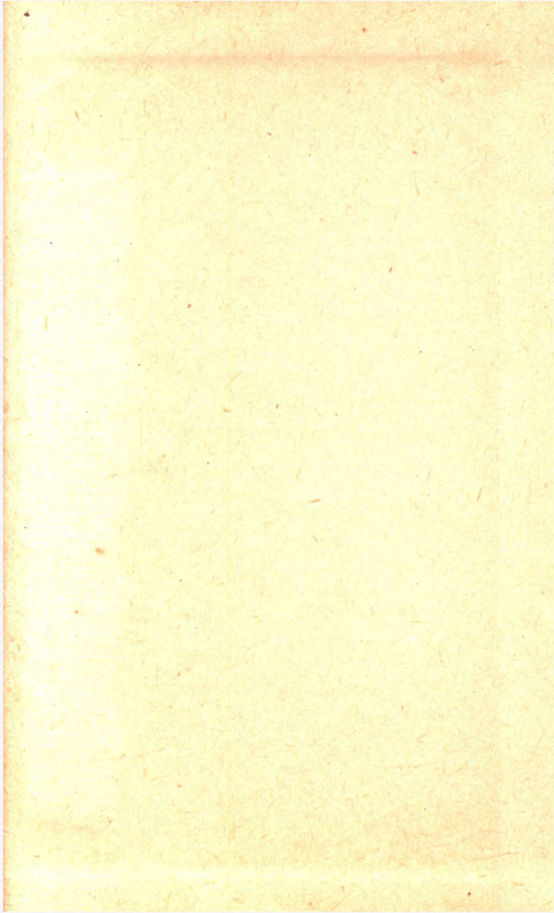
Плещеев А. Н.

П33 Стихотворения. — Пермь: Кн. изд-во, 1985. — 383 с.

Сборник стихов известного русского поэта XIX века.

П $\frac{4702010100-58}{M152(03)-85}$ 34—85

P1

Ір.30к.

AH
MIEHEER

